

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.

Дженнифер Майкл

"Цветение обмана"

Серия: Запретная любовь (книга 1)

Автор: Дженнифер Майкл

Название: Цветение обмана

Серия: Запретная любовь_1

Перевод: Света Юрьева

Редактор: Eva_Ber

Обложка: Таня Медведева

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

У поучительных историй обычно не бывает счастливых концов...

Воспитанная в приемной семье сирота. Сестра шлюхи. Дура, которая влюбилась не в того парня.

Пейсли Джеймс прекрасно известно, что порой сказок просто не бывает.

И трудно сказать, что на самом деле заслуживает любви и преданности, когда вокруг цветет обман.

Примечание автора: «Цветение обмана» является первой книгой серии и заканчивается РЕЗКИМ сюжетным поворотом. Продолжение истории во второй книге «Цветение возмездия»

Проблески обмана

Пролог

Меня обманули. Жизнь, которую я знал, лежит осколками, ключьями у моих ног. Я верил в то, что неуязвим. Я БЫЛ неуязвим. До тех пор, пока всё не изменилось.

Эта девушка.

Разрушение — моя погибель.

Вожделение. Ложь. Потеря.

Разбитая семья. Предательство, отмеченное кровью.

Хорошее и плохое идут рука об руку, запутываясь в стольких узлах, что я больше не понимаю, где что. Ложь глубоко проросла и стала более сложной, чем я мог бы распутать. Реальность такова, что меня одурачили, а я так и не видел, что к этому все и идет.

Мое тело держится на адреналине, подпитываемом гневом. Я благоденствую на безумии внутри меня. Страх, источающий ею, — искрит. Ее взгляд прожигает меня. Взгляд остекленевший, я ничего не могу прочесть в нем. Моя глупость изводит меня, пока я смотрю на ствол своего пистолета. Каждый неправильный шаг, каждый промах кричат в моей голове, мучая меня, как кошмар, от которого я не могу избавиться. Мой внутренний монолог в одно мгновение полон ненависти к себе и стремится разрушить весь мой мир — в следующее. Месяцы вели к этому моменту. Месяцы лжи, игр и ошибок, которые я допустил на своем пути. Мой палец на курке лежит уверенно и нерешительно в одно и то же время. Время замирает. Я ищу любой признак ответов, которые хочу получить от нее, но на ее лице ничего не отражается. Наше время вместе проигрывается в моей голове по кругу. Наивная часть меня видит правду и искренность, в то время как скептическая — чувствует ложь и обман.

Мои ответы внутри этого дома. Всего через сто шагов я соединю оставшиеся точки. За той дверью то, зачем я пришел.

Пейсли

Мой восьмилетний нос морщится от запаха нафталина, исходящего от женщины, которая уводит меня из последнего места, которого я называла домом.

Она сильнее дергает меня за руку и тащит быстрее, чем мои маленькие ножки могут передвигаться.

Слишком много детей.

Как приемный ребенок, я привыкла ощущать себя номером.

Одной из многих... в доме, на попечении штата, дитя мира.

Термин «синдром покинутости» и близко не описывает шрамы, остающиеся после такого образа жизни.

Пара, с которой я жила до них, была ужасна. Женщина оставляла меня на заднем сидении машины, пока вонзала иглы в свою руку.

Я ненавидела уколы, поэтому не понимала, почему она это делает. Должно быть, она была очень больна. В машине всегда было очень жарко, а она часами спала после приема лекарств. Однажды, после укола, я не смогла ее разбудить. Солнце зашло, затем наступил рассвет. Я трясла ее, но она продолжала спать. Затем пришел человек в форме и забрал меня. Больше я ее никогда не видела. Я не скучала по ней. Она никогда не разрешала мне играть с другими детьми на улице.

Нафталиновая леди не задерживается надолго. Она затаскивает меня внутрь, оглядывается и выходит за дверь, едва сказав пару слов мужчине, с которым меня оставляет. Она даже не прощается со мной.

Мне не нравится этот мужчина. Он не выглядит добрым. Он даже не спрашивает меня, голодна ли я. Хотя я ничего не ела. Он просто вталкивает меня в маленькую комнату, чтобы я познакомилась с моей новой сестрой. Его слова, не мои. Дети в этих домах — не мои братья и сестры. Я едва ли остаюсь где-то настолько долго, чтобы запомнить их имена.

Дверь закрывается, и я остаюсь наедине с моей новой подругой. Это крошечная девочка с перепачканным лицом. Она не здоровается и не просит меня поиграть с ней. Она просто смотрит на меня, пока на мои глаза не наворачиваются слезы. Меня пугает мой новый дом, и эта маленькая девочка, кажется, не хочет, чтобы я была здесь. Она двигается по комнате и хватает что-то из-за комода. Это кукла в розовом платье.

— Привет. Меня зовут Пейсли, — говорю я.

Малышка смотрит на меня и улыбается. Возможно, мы подружимся.

— Меня зовут Брэйлин. Мы можем жить в одной комнате, но не трогай мою куколку и не говори Джо о ней. Нам нельзя иметь игрушки, но я ее нашла.

Бум.

Никаких игрушек? Это не честно.

Бум.

— Мне не понравилось ее лицо. Поэтому я оторвала ей голову. Она симпатичнее без него.

Каждый удар о стену отбрасывает меня из прогулки по воспоминаниям. Мои мысли

уплывают от дня нашего с Брэйлин знакомства к текущей реальности, в которой изголовье ее кровати ударяется об стену. Брэйлин стонет бесстыдно громко в нашей комнате, словно она звезда порно. Я догадываюсь, что для нее это представление, похожее на те, которые показывают в фильмах для взрослых.

Она продавала свое тело за деньги и материальные блага с пятнадцати лет. Мы такие разные, но она — это все, что у меня есть, и честно говоря, я даже не уверена, что она чувствует по отношению ко мне. Я никогда не была уверена.

Она авантюристка — это то, что я знаю. Жульничать на улицах, находить всевозможные способы подхалтурить или развести кого-то на деньги — ее вторая натура. Я не совсем уверена в том, что она не играла и со мной все эти годы. Разве это не грустно? Держит ли меня моя «сестра» рядом, потому что любит, потому что также, как и у меня, у нее никого нет или это из серии «держи своего врага рядом»? Черт, если бы я знала.

Мы росли вместе в приемной семье, после того как меня перестало кидать из одного приюта в другой. С четырех до восьми лет я жила в большем количестве мест, чем могла сосчитать в том возрасте. Моих воспоминаний до встречи с Брэйлин не существуют, и я не знаю, что случилось с моими родителями. Соцработники, занимающиеся мной, всегда расплывчато отвечали на вопросы о том, как я оказалась там. Когда мне было восемь, меня наконец-то определили в приемную семью, и я поселилась в одной комнате с Брэйлин. Она выросла в этом доме, я оставалась там до четырнадцати лет, тогда же мы и ушли. Это было ужасное место: дни полные голода, а ночи — страха и одиночества. В конце концов, никто из нас не мог это больше выдерживать. Мы больше не могли терпеть голод и быть боксерской грушей. Враждебность сочилась из стен этого обветшалого дома. Со временем эти эмоции запятали наши души. Так же мы понимали, что не хотим испытывать судьбу и оказаться в еще худшем доме, поэтому сбежали.

Кажется, что с того момента прошла вечность.

Я листаю журнал, пытаюсь сосредоточиться на словах вместо звуков из соседней комнаты. Я часто ухожу из дома, пока она развлекает клиентов, но почему-то именно сегодня у меня появляется желание съехать.

Мы с Брэйлин какое-то время жили на улице, тогда же Брэй и начала снимать клиентов. Когда я уже достаточно подросла, то ухватилась за работу в сети фаст-фуда, и мы копили, пока не смогли позволить себе снять захудалую однушку. Найти домовладельца, который не будет задавать вопросы о двух 16-летних беглянках, было первоочередной задачей, но это также означало, что мы будем жить среди отбросов. Я всегда подозревала, что Брэй компенсировала домовладельцу его молчание, но не была уверена на сто процентов и никогда не спрашивала. Мы сбежали из этой квартиры, как только нам исполнилось достаточно лет, чтобы подписать настоящий договор аренды.

Мужской стон наслаждения прерывает мои размышления, и моя кожа покрывается мурашками, когда мне в голову приходит мысль, что я когда-то пойду по стопам Брэй. Легко сказать, что я никогда не закончу, как она, но реальность такова, что это происходит со многими девушками в нашем положении.

Я получила аттестат в восемнадцать. Брэй не пошла дальше шестого класса, и кажется, ей это не было интересно. Она была на домашнем обучении всю свою жизнь, как и я в нашем последнем доме. Однако наши дни совершенно точно никогда не были наполнены обучением или книгами. У нее никогда не было другой работы, кроме как проституции. Минимальная зарплата и сверхурочная работа всегда возвращали ее обратно к минетам в машине за наличку. Подозреваю, она должна была зарабатывать больше, чем было необходимо для оплаты жалких счетов за эту однушку. Черт, даже у меня есть заначка, а я не продаю свое тело втридорога. Всю мою жизнь, я выживаю, чтобы перейти к следующему шагу. Я хочу путешествовать. Я хочу учиться. Я хочу пробовать новое — увидеть снег, взобраться на гору, уехать из страны... все, что смогу потянуть своими силами.

Хлопает дверь спальни, и в гостиную, где я сижу на нашем старом диване из

«Гудвил», входит мужчина за пятьдесят с грязными волосами. Он все еще подтягивает свои штаны по пути ко мне. Ненавижу, что она приводит своих клиентов сюда, мы постоянно ссоримся из-за этого. Я очень упряма, но Брэй всегда все делает по-своему, кто бы что ни говорил.

Мужчина, натянув штаны, замечает меня.

— А сколько ты возьмешь в следующий раз, или еще лучше, сколько за вас двоих?

Я огрызаюсь, надеясь, что выражение моего лица поможет ему убраться побыстрее.

— Я не продаюсь, мудака. Шевелись отсюда.

Мужчине хватает наглости выглядеть обиженным, хотя это мне он предложил продаться. Он ворчит что-то насчет глупых сук, выходя из дома.

Брэй выскакивает из нашей комнаты в одном белье и идет к холодильнику. Я не представляю, как она может после этого выходить из комнаты, приплясывая и напевая. Мы живем очень разными жизнями, но, казалось бы, что после секса с тем парнем, ей нужно время для восстановления. Он даже выглядел так, как будто от него воняет.

— Сотри это осуждающее выражение со своего лица. Я его чувствую даже спиной, — что ж, она права. Я долгое время пыталась не осуждать, но я не могу понять этого. Если бы она была в другой ситуации, я бы не спешила с выводами. Я имею в виду, если бы это было необходимо для выживания, тогда, черт возьми, я бы поняла. Но это не случай Брэй. Она не хочет нормальную работу, но ей нужны дорогие шмотки, сумки и прочее дерьмо. Она отказывается одеваться во что-то кроме самого лучшего.

Я перестала пытаться понять ее уже очень давно.

С водой и яблоком в руках, Брэй плюхается на диван, что я едва успеваю убраться ноги. Она кусает яблоко и обращает свое внимание на меня, говоря с набитым ртом.

— Хорошо, давай послушаем эту речь. *Брэйлин, зачем ты это делаешь? Ты заслуживаешь лучшего. Пожалуйста, не приводи больше этого мужчину в нашу квартиру. Бла, бла, бла.* Давай считать, что эта ненужная беседа закончена.

Я закрываю журнал, который читала, и полностью поворачиваюсь к ней.

— Очевидно, что не нужно возвращаться к этому разговору. Ты знаешь все мои реплики, и в любом случае, слушать меня не будешь. Нет смысла сотрясать воздух. Но ты очень беспечно относишься к нашим жизням, — я говорю ей о том, что нам не нужно снова заводить эту беседу, но я не могу не высказать свою точку зрения о доме. Она не собирается меня слушать, но это заставляет меня чувствовать себя небезопасно в своем доме. В конце концов, это и будет той причиной, по которой я съеду. Знакомая жизнь с Брэй, несмотря на периодическую неуверенность в ней — то, что держит меня здесь. Она — все, что у меня есть. Мы через многое прошли, я не чувствую правильным бросать ее.

— Парни, которых я привожу, — постоянные клиенты. Я никогда не приведу сюда парня в первый раз. Я знаю кто они. У большинства есть жены и семьи. Они не делают ничего, чтобы может испоганить их жизни, — она останавливается и бросает на меня снисходительный взгляд. Я закатываю глаза, а она продолжает. — С точки зрения бизнеса, есть смысл приводить их сюда. Мне не нужно беспокоиться о том, что меня поймают на улице. Мне не нужно париться о том, как мне добраться куда-то, или тратить деньги на возвращение домой. Они приходят, получают свое, платят и уходят. За один день, только с одним клиентом, я получаю больше, чем ты за неделю. Нелепо, что ты не видишь в этом логики.

В ее словах есть логика, но это не отменяет того факта, что это подвергает нас опасности. Взрослея, мы всегда были не уверены в нашей безопасности, а я хочу жить своей взрослой жизнью без страха. У нее выработался иммунитет к страху, который она приносит в наш дом каждый день. Почувствовав свое поражение, я возвращаюсь к журналу, от чтения которого отвлеклась, не говоря больше ни слова. Брэй не любит, когда последнее слово в разговоре не за ней, и я, скорее всего, сейчас получу пару ласковых слов в свой адрес, но с меня хватит.

— Что с тобой не так? Может, снимешь уже корону? Ты живешь так, как будто ты

долбанная отшельница. Мы сбежали из ада и обе надрывали задницы, чтобы добиться того, что у нас есть сейчас. Тебе двадцать пять, и все, что ты делаешь, — работаешь и сидишь на диване, мечтая о счастье, — она вырывает у меня журнал и отбрасывает его через всю комнату, как разозлившийся ребенок, каприз которого никто не выполняет. — Почему бы тебе не убраться и не сделать что-то полезное? Счастье не приходит к таким. Я, по крайней мере, между своими делами выхожу из чертового дома, делаю разную хрень, а не просто сижу и чахну. Когда приведешь свою жизнь в порядок, приходи, поговорим. До тех пор, держи свое мнение и неодобрение при себе.

Направляясь обратно в нашу комнату, которая теперь больше ее, чем моя, так как большинство ночей я провожу на диване, она яростно отбрасывает огрызок своего яблока и попадает в лампу. Лампа падает и разбивается на миллион кусочков под звук захлопывающейся двери.

Пейсли

Всю последнюю неделю мы ночуем в заброшенном тренажерном зале. Это долго не продлится, ведь копы быстро выследят нас, придется искать что-то другое. Такое место так просто не найдешь. Оно закрывается, другие бездомные еще не добрались до него. Неподалеку даже есть парк, где мы можем помыться в общественных туалетах. Будучи бездомными во Флориде, уж мы-то знаем, что значит потеть.

Солнце уже часа два как зашло, а Брэйлин все еще нет. Я разрываюсь между раздражением и беспокойством. Мы договорились держаться вместе после заката. Я меряю шагами бетонный пол, пытаюсь решить, стоит ли искать ее.

Мы беглецы-подростки, живущие на улице. Но по Брэйлин этого не скажешь. Она живет в своем собственном мире. Сбежать от копов — это приключение. Копаться в мусорных баках — это словно шоппинг в торговом центре. Конечно, вряд ли она получает от этого удовольствие. Я думаю, она просто придумывает свою реальность. И я снова вспоминаю об этом, когда она заходит в наше временное убежище, покрытая синяками, с таким видом, что ей на все плевать.

— Брэйлин! Что, черт возьми, с тобой произошло? Ты в порядке?

— Что? О чем это ты? У меня все отлично, Пейсли. Я заработала нам денег. Мы сможем поесть завтра.

Быть такого не может, что она не понимает, что она вся сине-черная. Может быть, она и живет в своём мире, но я отчетливо вижу следы пальцев на ее шее, даже в темноте этого ветхого зала. Я подхожу ближе, чтобы оценить ущерб.

— А, ты об этом? Это пустяки. Пейсли, я решила все наши проблемы. Нам больше не нужно так жить.

О чем, черт побери, она толкует? Ее иллюзорный мир запутан, тогда как я, очевидно, осознаю наши жизненные обстоятельства. Как будто только я так живу, а она в длительном отпуске.

— Брэйлин, ты истекаешь кровью! У тебя кровь на ноге.

— Заткнись и слушай. Кровь бывает только в первый раз. В следующий раз ее не будет. Сосредоточься, Пейсли. Я заработала пятьдесят долларов сегодня. Я познакомилась с одной девчонкой. Она научила меня всему, что я должна знать. Я научу тебя. Нам больше не нужно беспокоиться о деньгах.

Она заминает тему с кровью так, как будто ничего не случилось. Синяки, кровь, деньги. Я начинаю понимать, что произошло, но все еще надеюсь, что ошибаюсь.

— Твою мать, Брэйлин, ты же не... Не сделала то, о чем я думаю?

— Я продала свою девственность. Та девчонка сказала, что именно мне нужно сделать. Я смогу зарабатывать. Ну, не продавая свою девственность. С этим покончено. Но смысл в том же. Мы собираемся убраться с улицы. У нас все будет хорошо. Я со всем разобралась. Завтра я научу тебя, как продать свою девственность.

Кап.

Моя челюсть отвисает. Она это сделала. Сделала именно то, что я подозревала. Не могу в это поверить. Она снова хочет сделать это? Хочет, чтобы и я это делала?

— Брэйлин, я не хочу торговать своим телом. Я не буду. Это не выход. Тебе больно. Этот мужчина сделал тебе больно. Та девчонка воспользовалась тобой. Ты не можешь сделать это снова. Не можешь!

Кап.

Брэйлин меняется в лице. От восторга к ярости за считанные секунды. Когда она выходит из себя — это всегда плохо, особенно, если она злится на меня. Она подождала одно из мест, где мы ночевали, просто потому, мы поспорили о том, насколько оно безопасно. Она непредсказуема в лучшие свои дни, но в худшие, она просто неадекватна.

— Я могу, и я сделаю это снова. И снова, и снова, если потребуется. Ты ханжа. Даже не думай, что я буду делиться с тобой деньгами, если не будешь нам помогать. Я не буду тебя поддерживать. Ты должна вносить свой вклад. Разберись, Пейсли, и сделай это быстро.

Кап. Мои волосы намокают.

Брэйлин ушла той ночью. Ее не было три дня. К концу второго, я сомневалась, вернется ли она вообще, но она сделала это. Наши отношения изменились. Брэйлин кайфовала от проституции, я же ощущала только страх и отвращение. В этот раз мы не смогли просто заклеить наши противоречия пластырем.

Я открываю глаза и кошусь на побеспокоившую меня каплю. Влага стекает по моей щеке, и тут же на меня падает еще одна капля. На этот раз она попадает прямо мне в глаз. Недели прошли с тех пор, когда я сообщила домовладельцу о протекающей крыше. Я сдвигаюсь на диване, чтобы избежать попадания, как вдруг громкий стук в дверь заставляет меня подпрыгнуть.

За эту неделю Брэй не сказала мне ни слова. Как же мы докатились до этого? Я встаю и в сотый раз замечаю осколки лампы на полу. Мы обе слишком упрямы, чтобы подобрать их. На пути к двери, я все еще прокручиваю в голове все, что Брэй сказала мне на прошлой неделе о моей жизни.

Она права? Я всегда думала, что делаю все возможное, чтобы добиться своей цели, но возможно, я просто теряю драгоценное время? Я не знаю, но ее слова застряли у меня в голове. Осколки лампы на полу напоминают мне о ее уколах.

На пороге я обнаруживаю высокого незнакомца. Мое буйное воображение рисует его моим спасителем. Он чуть выше шести футов, его светлые волосы коротко подстрижены. У него изумрудно-зеленые глаза, а взгляд непринужденный, его белоснежная улыбка ослепляет меня, когда он усмехается. Вероятнее всего он пытается сдержать улыбку, видя мои шорты с комиксом из «Люди Икс».

Он хорошо сложен. Его темные джинсы идеально сидят на талии, но не слишком низко. Также на нем облегающая серая футболка. Он потрясающе красив и самоуверен. Оторвавшись от оценки его внешности, я понимаю, что дверь то я открыла, но еще не сказала ему ни слова. Я стояла там, рассматривая его, как будто потеряла дар речи.

— Я могу вам помочь?

Теперь его очередь оценивать, он проходит по мне взглядом, начиная от босых ног до растрепанной прически. Он по-мальчишески усмехается.

— Стэсси здесь?

Нет, он не ошибся домом, и нет, здесь он не ради меня. Та, о которой он спрашивает, здесь. Стэсси — это рабочее имя Брэй. Он клиент. Ее клиент. Судя по тому, что он пришел сюда, они спали достаточно раз, чтобы он перешел в разряд постоянных. Черт. Вот она, моя красочная иллюзия. А чего я ожидала? Что выбраться из этой ямы будет также просто, как в начале банального порно? Не с моей удачей. Мое лицо застывает, парень тотчас замечает это. Изменение манеры поведения стирает с его лица игривую улыбку. Я пропускаю его в квартиру и показываю дверь в спальню.

— Тебе туда.

Он даже не пытается притвориться смущенным из-за цели своего визита. Он проходит мимо меня туда, где он найдет Брэй.

Я иду в душ, решив, что сегодня мне нужно выбраться из дома хотя бы ненадолго. Даже шум воды и слой кафеля между комнатами не спасают меня от стонов Брэй. Только на этот раз, они не звучат как представление. Не сложно понять почему — парень действительно горяч. Он слегка крупноват на мой вкус, но вряд ли можно поспорить с тем, что он хорошо ухаживает за собой.

Я не могу не задуматься о том, зачем такому парню платить за секс. Одно дело, если он здесь для секса с Брэй, это я понимаю. Она, вероятно, выглядит лучше него. У нее длинные волосы цвета вина и безупречная кремовая кожа. Ее голубые глаза всегда горят, особенно, если она задумала что-то порочное. Она высокая, с длинными ногами и сиськами, за которые любая женщина готова убить, а каждый мужчина готов в них потеряться. Она больше похожа на модель, нежели на шлюху.

Я быстро принимаю душ, думая о том, как бы мне поскорее убраться от этих проникающих звуков. Вытеревшись, я понимаю, что меня поймали, и вовсе не так, как мою подругу в соседней комнате. Вся моя одежда в спальне. Я застряла в ванной, пытаюсь вспомнить, есть ли что-то, что я могу надеть в гостиную. Рискнуть выйти из ванной — мой единственный выход. Я заворачиваюсь в полотенце, прежде чем расчесать волосы. Избавившись от колтунов, я выхожу на цыпочках из наполненной паром ванны.

Я осматриваю гостиную, и вдруг слышу из-за спины.

— Эта татуировка ужасна. Я знаю, кто может помочь тебе ее исправить.

Испугавшись, я теряю равновесие и падаю. Пытаясь защитить лицо от падения, я выпускаю из рук полотенце. И вот я лежу на полу, лицом вниз, с абсолютно голой задней частью, со смеющимся надо мной очень привлекательным клиентом в своей гостиной. Вместо того, чтобы доставить ему удовольствие своим смущением, я встаю со всей уверенностью, на которую способна, повернувшись к нему спиной — не хочу демонстрировать ему вагину без необходимости. Я чувствую спиной его взгляд, пока возвращаю полотенце на место, надеясь на то, что он поверит, что я не полностью уничтожена тем, что произошло. Прикрывшись, я разворачиваюсь к нему.

— Кажется, ты зря потратил деньги, парниша. Ты заплатил за секс, а разрядился всего за десять минут. Бедняжка Стэсси, надеюсь, у нее не поминутная оплата?

Парень все еще стоит, согнувшись от смеха, прижав одну руку к животу, второй стараясь заглушить смех. Мое лицо краснеет, сводя на нет всю мою уверенность. Удивленная Брэй стоит в дверях спальни, завернувшись в простыню. Я хочу убраться из этой комнаты, но мои ноги будто приклеились к полу. Наконец, он выпрямляется и успокаивается.

— А ты нравишься мне, малышка. Ты дерзкая. Спасибо за заботу о моем либидо, но я просто вышел разобраться со звонящим телефоном. Я еще даже близко не закончил. Если уж я раскошеливаюсь, то пользуюсь своими деньгами по максимуму. Как тебя зовут?

Я прохожу мимо него в спальню, не сказав ни слова в ответ. Брэйлин пропускает меня.

— Что случилось Ли-ли? Ты в порядке?

Она обычно называет меня так в редкие моменты нежности. Вероятно, чувствует себя виноватой из-за недели игнорирования меня.

— Все в порядке. Он получил от меня второй стриптиз по цене одного. Мне просто нужно выбраться из дома.

Отбросив скромность, уже нет смысла изображать скромницу, я вытаскиваю старые рваные джинсы и еще более старую черную футболку из шкафа. Торопясь покинуть дом, я слышу, как парень напевает в кухне. Он напевает, уставившись на мою задницу с усмешкой на лице.

Я бегу оттуда со всех ног.

Пейсли

Моя шея вспотела, когда я зашла в квартиру. Мы выбрались с улицы всего несколько недель назад, нет ничего лучше возвращения водопроводной воды в мою жизнь. Мы делим место с парочкой тараканов, но если выбирать из двух зол: жуки и постоянные проезды и непредсказуемости жизни на улицах, я выбираю жуков.

У меня отстойная работа, но, по крайней мере, она у меня есть. И я просто вынуждена цепляться за надежду, что мое «Не желаете ли картошки?» не будет моим постоянным жизненным сценарием. Я пахну жиром и гарью, моя неудобная форма натирает, пока я иду домой. Душ — это то, о чем я мечтаю, заходя домой.

Брэйлин спит на своей двуспальной кровати. У меня такая же. Они занимают большую часть нашей маленькой студии. Я иду прямоком в душ и удивляюсь, когда дверь оказывается закрытой. Она заперта. Странно. Я подергала ручку несколько раз, на случай, если ее заело, но она не открывается. Брэйлин появляется за моей спиной. Должно быть, я ее разбудила, пытаюсь попасть в ванну.

— Дверь заперта.

Брэйлин начинает злиться. Она колотит в дверь, и я догадываюсь, что у нас гости.

— Открой эту долбанную дверь. Что ты там все еще делаешь? Ты должен был давно убраться.

Кто, черт возьми, там? Никто не откликается, дверь все еще заперта. Брэйлин вытаскивает шпильку из волос и опускается на колени. Через секунду раздается щелчок. В тишине Брэйлин поднимается и толкает дверь. Мужчина сидит на толчке унитаза. Из его руки торчит игла, тело застыло в странной позе... Черт, надеюсь он просто под кайфом, потому что если нет, то... Черт. Я даже не хочу думать об этом. Брэйлин подходит к нему и берет его за запястье. Я не могу оторвать взгляд от ее действий и неподвижного мужчины. Она отбрасывает его руку и обыскивает карманы. Я обретаю дар речи, когда она добирается до его бумажника.

— Брэйлин, что ты творишь?

— Он мёртв. Чертов ублюдок сдох от передозировки в нашей ванной. Нам следует посмотреть, что у него есть, прежде чем мы избавимся от тела.

— И-и-избавимся от тела? Какого черта, Брэйлин? Мы должны вызвать долбанных копов.

Брэйлин вытаскивает несколько купюр из бумажника, прежде чем вернуть его на место. Она идет ко мне, а я не могу оторвать взгляд от тела. Пощечина обжигает мою щеку. Она ударила меня.

— Соберись, мать твою. Пейсли, используй свой чертов мозг. Мы не можем вызвать копов. Мы несовершеннолетние. Сбежавшие подростки, нелегально живущие в

этой дыре. У него есть наркотики. Он платил мне за секс. Как думаешь, что случится, если мы вызовем копов? Ничего хорошего, это точно. Подумай об этом.

Брэйлин поднимает его рубашку, под ней мы обнаруживаем ствол. Она достает его, изучает и прячет под раковину.

— Отлично. Лишняя сотня баксов из его кошелька вряд ли компенсирует усилия по избавлению от его тела. Этот глупый ублюдок испортил мне вечер. Ты мне поможешь. Будь готова помочь мне избавиться от его жалкой задницы. Не смей, мать твою, исчезать. Я иду досыпать.

Такие бессердечные слова. Она кажется совсем не испытывает уважения к человеческой жизни.

Я помогаю ей избавиться от тела. Я плачу все время, пока тащу мертвого мужчину за ноги. Брэйлин высмеивает меня, и это дает еще одну трещину в наших отношениях.

Мы не уносим его слишком далеко. Вполне нормально для нашего района найти в закоулках нарика с передозом. Его временное убежище — мусорка в темной аллее. Кто-нибудь его найдет и сделает то, что мы должны были, — вызовет полицейских.

Скрипит стул. Пара встает из-за стола и направляется к выходу. В последнее время эта тишина капает мне на мозги. Сейчас я сижу за стойкой бара, попивая водку с содовой. Я потратила часть своих накоплений, чтобы снять комнату на ночь в приличном отеле. С обслуживанием, высокими потолками и мраморным холлом. Мой день — это игра в притворство. Из того, что они знают, я путешественница, сорящая деньгами и живущая праздной жизнью. Я подыгрываю этой фантазии. Это не тот тип путешествий, о которых я мечтаю, но мне нравится.

Моя кожа покрылась загаром за то время, что я провела, отдыхая у бассейна олимпийского размера, попивая «Маргариту» — не совсем мой напиток, но для тропической атмосферы — самое то. Напиток мне подносили прямо к шезлонгу. Я делала вид, что мне все равно, но внутри чувствовала такую легкость.

Я стреляла глазками и была в восторге от реакции, которую производила на мужчин. Я флиртовала с незнакомцами, подходившими ко мне, и расслаблялась. За это вероятно нужно поблагодарить выпитую «Маргариту», но мне было весело. Сегодня я чувствовала себя более живой, чем все эти годы.

Устав от бассейна, я вернулась в свою комнату вздремнуть, принять роскошно долгий душ и получить обслуживание в номер. Я ела стейк в нижнем белье, и это было великолепно. Я смаковала каждый кусок и даже побаловала себя шоколадным десертом.

Позже, я намеревалась спуститься в бар. Мое настроение значительно улучшилось, несмотря на то, что я все еще была заиклена на моем прошлом. Я не готова к тому, что моя фантазия закончится.

С тех пор как я приехала, очень тихо. Здесь была парочка, выпившая по паре коктейлей ранее, но кроме них, я была единственным покупателем. Барменша — женщина средних лет, слишком увлечена своим телефоном, чтобы обращать на меня внимание. Я понимаю ее отсутствие интереса, но оно не способствует моим поискам приключений сегодня. Как только это приходит мне в голову, к бару подходит мужчина. Между нами одно сидение. Я видела его раньше у бассейна, стреляла в него глазками, но он ни разу не подошел. Барменша выглядит более чем довольной, подходя к нему.

Я уверена, что никогда раньше с ним не встречалась до сегодняшнего дня, но что-то в нем выглядит знакомым. Барменша склоняется перед ним, но он не обращает на нее внимания, просто заказывает выпивку. Все в нем, начиная со взгляда и заканчивая одеждой, — выглядит напряженно. Не то, чтобы я что-то об этом знаю, но выглядит он дорого. Он одет в костюм тройку угольно-серого цвета. Темно-синий галстук и даже его обувь кричат о власти и деньгах. Сейчас он выглядит не так, как ранее в шортах. Я чувствую себя смелой, и поскольку он только смотрит, но ничего не говорит, я решаю взять инициативу в свои руки.

— Ты прихорошился? Совсем другое дело, если сравнивать с твоим нарядом у бассейна, но он идет тебе не меньше.

Парень выглядит польщенным. Я польстила ему тем, что вспомнила его, либо тем, что сказала комплимент. Вероятно, оба варианта верны. Этот день также помог мне лучше понять Брэй. И хотя я не собираюсь пойти по ее стопам, есть что-то притягивающее во власти над мужчинами. Она пьянит меня, когда я вижу их реакцию на мои слова или флирт.

— Рад, что понравился тебе в своих двух ипостасях. Их гораздо больше. Ты тоже отлично выглядишь, но я лично предпочитаю тебя в откровенном бикини у бассейна. Как тебя зовут?

Не знаю, что на меня нашло, но как только я начинаю говорить, с губ срывается:

— Брин.

Не знаю, повлияла ли на меня игра в эту роль или мои мысли о Брэй, но именно это вылетает из моего рта.

— Значит, Брин? Что привело тебя сюда?

То как он произносит мое имя, наталкивает на мысль, что он мне не верит. Этот парень умеет читать мысли?

— У меня спа-вылазка. Немного тихого времени, в котором я нуждаюсь.

Ложь срывается с моих губ легче, чем я ожидала.

— Что насчет тебя? Как тебя зовут? Какая у тебя история?

Парень придвигается ближе, занимая место, которое нас разделяет. Мисс барменша вернулась к своему телефону, но бросает на меня неприятные взгляды. Ее взгляды меня не трогают.

— Меня зовут Джэйкоби. Я только что переехал сюда. У меня сегодня были дела в ресторане. Семейные дела, которые потребовали от меня особых методов убеждения. Как долго ты здесь будешь?

— Я уезжаю утром.

— Что ж, тогда нам стоит что-то придумать, не так ли?

Я действительно наслаждаюсь флиртом с этим парнем. Я даже прокручиваю в голове за и против случайного секса на одну ночь. Я не монашка, но сека у меня давно не было. Мне очень нравится флиртовать с этим парнем. Ролевая игра может стать именно тем, что поможет отвлечься от ссоры с Брэй. Возможно, мне нужно больше наслаждаться жизнью, пока я жду, чтобы она официально началась. Пока я размышляю о своем сексуальном пробуждении, Джэйкоби получает сообщение на телефон. Он меняется в лице, и на нем отражается разочарование. Я понимаю это еще до того, как он начинает говорить.

— Кое-что произошло, это действительно меня расстраивает. Я должен позаботиться об этом. Извини, нам придется отложить эту ночь. Было приятно познакомиться, Брин.

Выражаясь спортивными терминами, мой средний показатель упал сегодня. Я не смогла забить гол, чтобы спасти свою жизнь. Две сексуальные фантазии за последние восемь часов закончились ничем — игривый парниша, выбивший меня из колеи этим утром и этот видный мужчина рядом со мной. Я вежливо прощаюсь и провожаю его взглядом.

Чувствую себя немного глупо, возвращаясь к своему напитку. Контроль, который я ощущала, влияя на этих ребят, был великолепен, он же по мне и ударил. Мой вечер снова превратился в вечеринку на одного, и я решила закончить его, отправившись в свой номер. В любом случае, похоже, что ничего интересного больше не произойдет.

В жизни никогда так хорошо не спала, как в эту ночь, растянувшись в большой двуспальной кровати на мягких белых простынях, завернувшись в уютное одеяло. Это первая ночь в течение долгого времени, когда у меня нет моих обычных кошмаров. Я вижу их каждую ночь, они всегда одинаковы. Разум — забавная вещь, и иногда мой больше похож на встроенное устройство для пыток.

Я просыпаюсь, чувствуя себя лучше, чем когда-либо. Я отдохнула и готова встряхнуть все в моей жизни. Я ненавижу это признавать, но Брэй права, я трачу свою жизнь впустую. Эти каникулы доставили мне больше удовольствия, чем что-либо раньше в моей жизни. Честно говоря, мне немного грустно.

По дороге домой, я решаю, что вытащу Брэй погулять сегодня вечером. Я слишком долго пряталась. У меня нет личной жизни. Я закрылась. Это закончится сегодня.

Сразу же замечаю, что Брэй вывела нас из тупика, убрав разбитую лампу в гостиную. Она сидит на своей кровати в нашей общей комнате и яростно смс-ится. Это странно, она никогда не переписывается с клиентами. Нельзя оставлять цифровой след, и, как и мне, ей больше не с кем общаться. Она даже не замечает меня, когда я вхожу в комнату. Только когда я встаю рядом с ней, она понимает, что я там. Убирая телефон, Брэй поднимает глаза и улыбается, кажется, она искренне рада видеть меня. Может быть, время, проведенное по отдельности, пошло нам на пользу?

— Хорошо выглядишь, бронзовая богиня! Где ты была?

— В гостинице. В бикини у бассейна. Я хочу погулять сегодня вечером. У тебя есть планы?

Улыбка Брэй угасает, и она выглядит немного раздражённой.

— Я собираюсь на вечеринку. Я немного знаю хозяев. Не думаю, что это для тебя.

Я чувствую себя пораженной, она, кажется, не хочет брать меня с собой. Может быть, она будет работать на вечеринке или что-то в этом роде. За хорошие деньги, она может развлекать нескольких мужчин сразу на их территории. Она устраивает стриптиз, а затем просто позволяет им делать все, что они захотят.

— Это работа?

— Нет, Пейс. Просто вечеринка, но если я найду клиента, ты останешься сама по себе.

Все в порядке. Пока меня не втягивают в оргию, я могу позаботиться о себе, и если мне не понравится, просто уйду.

— Мне это подходит.

Брэй улыбается и кивает, но ее улыбка выглядит натянутой. Я не собираюсь позволять ее странному поведению сдерживать меня. Я принаряжаюсь в короткий черный комбинезон, купленный в отеле, и дополняю его босоножками, позаимствованными из шкафа Брэй. Укладываю свои длинные темные волосы локонами и крашу свои глаза ярче, чем обычно.

Я классно выгляжу. Мне не раз говорили, что я хорошенькая. Мои волосы могли бы подойти для рекламных роликов шампуня, а голубые глаза отлично контрастируют с моими полночно-черными локонами. Я привыкла получать комплименты, но я не всегда их замечаю. Не потому, что не ценю свой внешний вид, я привлекательна, но есть что-то большее, что делает человека красивым. Я не улыбаюсь так часто, как должна. Глаза у меня яркие, но в них нет искры, зачастую у меня от недосыпа появляются темные круги. Я не сильна в общении с людьми или эмоциях. У меня была тяжелая жизнь, в ней было мало любви и привязанности. Мой внутренний мир портит мою внешность.

Сегодняшний день это изменит. Я помогу подружить мою внешность и душу. Глядя в зеркало, я вижу, что хорошо выгляжу. Выспавшись, я избавилась от синяков под глазами. Я широко улыбаюсь, и мои глаза горят предвкушением.

Часом позже мы с Брэй подходим к дому. Он больше, чем любой дом, в котором я когда-либо была. Серый двухэтажный. Звук плещущейся воды говорит о том, что он расположен прямо на набережной. Даже земельный участок выглядит огромным. Большие деревья, нетипичные для Флориды, обеспечивают уединение. Не говоря уже о большой цементной стене, перекрывающей этот район. Длинная подъездная дорога ведет гаражу минимум на четыре машины. Меня это пугает, я начинаю нервничать.

Я вхожу в дом, и мое беспокойство растет. Внутри не так, как я представляла себе такое место. Я думала, здесь будет много мрамора и причудливой мебели, как в отеле, в котором я останавливалась. Вместо этого я вижу, что он удобен и обжит. Здесь много людей. Они повсюду. Некоторые стоят в толпе. Другие собираются вокруг столов, играя в игры на выпивание. Женщины на всем, что выше пола, танцуют, окруженные мужчинами. Есть те, кто уже отключились то тут, то там. Большинство женщин практически раздеты. Мужчины наслаждаются видом. Пустые столы завалены наркотиками.

Музыка грохочет. Удачно, что у этих людей нет соседей поблизости. Я понимаю, что это слишком смелое приключение для моей первой ночи в попытке изменить свою жизнь. Я почти уверена, что «откусила больше, могу проглотить». Я много видела в своей жизни. Я не наивная. Но общение не моя сильная сторона, а в этом гигантском доме повсюду люди. Я не такая как все. Мне трудно найти что-то, о чем можно было бы поговорить, и чаще всего я сажусь в лужу, когда мне некомфортно. Я могу справиться с хаосом. Общаться «один на один» и при этом не выглядеть, как идиотка — действительно нелегко для меня.

Хорошо. Возможно, Брэй была права. Может быть, это плохая идея. Это место не для меня.

Берк

Мой нос горит. Кокс устремляется по венам, когда я задираю голову к потолку. Зажав переносицу, глубже вдыхая, я усиливаю кайф. Мне приходится оторвать взгляд от голой цыпочки передо мной. Она удовлетворяет себя рукой, наблюдая за тем, как я разрушаю клетки своего мозга. Она близка к оргазму, а я еще даже не прикоснулся к ней.

Она зашла в комнату и сразу же разделась. Она ласкает все свое тело, последние минут десять уделяя большую часть внимания клитору. Единственной формой общения становятся ее стоны. Ну и контакт глаз. Ее взгляд не отрывается от меня ни на секунду, несмотря на то, что с наступлением оргазма ей становится все труднее его фокусировать. Запах удовольствия этой девушки проносится через всю комнату и проникает в меня сквозь дерьмо, забивающее мои носовые проходы. Аромат ее возбуждения пробуждает у меня другую жажду. Отказавшись от оставшихся трех дорожек передо мной, я останавливаюсь. И вижу одобрение в ее глазах, когда обхожу стол и направляюсь к ней. Она визжит, когда я хватаю ее и опрокидываю на диван, на котором она расположилась. Она дразнит меня, подталкивая свою киску к моему лицу, соблазнительно двигая бедрами и показывая мне, насколько она влажная от ее собственной руки.

Устроившись, я сразу же погружаю свой член глубоко внутрь нее. Это то, чего мы оба хотим. Я хватаю ее за бедра и безжалостно проникаю, впившись пальцами в ее пухленькую задницу. Это поднимает меня на новый уровень удовольствия. Быстро и жестко, особенно с женщинами, которые приходят в мою спальню именно за этим. Я не знаю ее имени, но она, скорее всего, знает мое. Она знает, что это не что иное, как дешёвый трах. Они все знают. Она должна знать, что не получит от меня ни мягкости, ни нежности.

Протяжные стоны вырываются из ее горла, они становятся все громче. Настолько, что начинают заглушать шум вечеринки за стенами моей спальни. Ее ужасные вопли, скорее имитация, чем реальные эмоции, и они не то, что я хочу услышать, пока наполняю ее своим членом. Не поймите меня неправильно, я умею обращаться с киской, но ее крики не искренние. Пытаясь заткнуть ее, я вдавливаю ее лицо дальше в диван, надеясь, что она поймет намек. Даже если нет, по крайней мере, это немного заглушит ее вопли. Удача на моей стороне, потому что кажется, до нее доходит, и мое грубое обращение с ней, похоже, больше заводит ее. Она дрожит подо мной, пока я злобно вбиваюсь в нее, беря то, что хочу. Я тяну ее руки за спину и крепко прижимаюсь к ее запястьям, используя их в качестве рычага. Стенки ее влагалища напрягаются вокруг моего члена, сигнализируя о ее близком оргазме. Она такая мокрая, что я почти чувствую ее освобождение через презерватив. Вспышки настоящего экстаза, наконец, срываются с ее губ, первые звуки, которые я слышал от нее, которые не были шоу.

Ее оргазм стихает, и я выхожу из нее, срываю презерватив, переворачивая ее на спину. Я кончаю на ее силиконовые сиськи. Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами, проводя пальцами по груди. Она снова включает шоу, слизывая часть спермы с пальцев одной руки, размазывая остатки по соскам другой.

Закончив с ней, я возвращаюсь к своим дорожкам, пока девушка лежит, отходит от оргазма. Заметив, что мой интерес к ней исчез, она встает с дивана и натягивает платье

через голову. Она подходит ко мне, без трусиков, с широкой улыбкой на лице. Взяв свернутую купюру из моей руки, она наклоняется и вдыхает наркотик со стола.

— Спасибо за трах и кокс.

Первые слова, которые она произнесла при мне. Она выходит из комнаты. Мы закончили и это, вероятно, последний раз, когда я ее вижу. Вряд ли я захочу слышать ее вопли снова. В доме полно людей, и она, скорее всего, не будет последней, кто навестит меня в моей спальне этой ночью. Девчонок вроде нее — пруд пруди в этой толпе. Здесь всего два человека, которых я действительно люблю и которым доверяю, Кай и моя сестра Тиган. Остальные — неудачники, которые ищут что-то — наркотики, секс, выпивку или войти в долю. Мне все равно, чего они хотят. Они не получают от меня ничего из того, что я не хочу давать. Раздается стук, и в комнату заглядывает Тиган.

— Ты в приличном виде?

Я смеюсь, и она воспринимает это как знак, что все в порядке.

— В доме полно людей, а ты даже ни разу из комнаты не вышел.

Она принюхивается и обводит комнату взглядом.

— Чувствую, у тебя были гости. Пахнет грязным сексом и проблемами с папочкой.

Я разрабатываю рисунок татуировки, и Тиган поднимает его с маленького столика. Я игнорирую ее последний комментарий о запахе секса. Ей действительно не хочется слышать о том, что сделал ее брат.

— Ты прекрасно знаешь, эти люди здесь только потому, что Кай пригласил их. Плевать я хотел на вечеринку. Это просто шум.

— Твои социальные навыки оставляют желать лучшего. С другой стороны, художественные — на высоте. Это для тебя или клиента?

Я забираю набросок и изучаю его.

— Еще не знаю. Посмотрим, когда я закончу.

Тиган задерживается, сосредоточившись на линиях и деталях. Она не уйдет, пока я не соглашусь спуститься с ней.

— Черт, хорошо. Пойдем.

Тиган довольно улыбается, добившись своего. Я следую за ней по лестнице на вечеринку, которая в полном разгаре. Люди требуют моего внимания, но я их игнорирую. Тиган смеется над моим ворчанием. Я вижу Кая с маленькой блондинкой, которая в настоящее время трется об него спиной.

Тиган перевернула мою жизнь, она — мое сердце. Она причина, по которой я на этой вечеринке, окруженный гребаными идиотами, и я останусь здесь, пока эта маленькая девочка этого хочет. Кай оставляет блондинку и садится с нами. Мы наслаждаемся пивом, а я убиваю взглядом каждого парня, который проходит в десяти футах от моей сестры. Звук басов — это единственное, что не бесит меня на этой вечеринке. Тем не менее, Тиган пытается перекричать звук, пытаюсь отвлечь меня от мысленного убийства каждого мужика, который смотрит в ее сторону. Я киваю головой, а звук ее голоса легко заглушает безумие вокруг нас. Новая блондинка оказывается у Кая на коленях. Она использует любую известную уловку, чтобы привлечь больше внимания, но он уделяет ей лишь самую малость. Я удивлен, что Кай организовал эту вечеринку. Это не те люди, с которыми мы общаемся каждый день, если только это не для бизнеса. Нет никого, кого мы бы назвали друзьями, кроме друг друга. В нашем мире трудно доверять людям. В последнее время его расстраивает этот путь, как и меня. Итак, дом, полный людей сегодня, меня смущает.

Я не могу сосредоточиться, и Тиган продолжает безуспешно пытаться поговорить, пока какой-то человек не прерывает нас. Я заметил, что он внимательно наблюдал за нами, когда мы сели. Он чего-то хочет. Они все хотят, но обычно у них нет яиц, чтобы подойти ко мне, особенно так. Я наблюдаю, как он набирается храбрости, чтобы сказать, что у него на уме. Он нервничает и теребит свою рубашку, избегая смотреть в глаза Каю или мне. Я мог бы ему помочь, но не буду.

— Берк. Кай

Он приветствует нас с напускной уверенностью.

— Извините, что беспокою вас на вечеринке, но я в безвыходном положении. Мне нужны деньги. У меня есть эти часы, — он указывает на блестящий кусочек на запястье. — Это Rolex. Стоит немалых денег. Это семейная реликвия, поэтому я не могу ее продать, но мне нужны деньги.

Я пресекаю его, прежде чем он сможет потратить еще больше нашего времени.

— Нет. Мы не даем в долг. Это не стоит нашего времени.

Он не понимает намека.

— Пожалуйста. У меня есть дети. Жена. Мы можем потерять наш дом.

Кай поднимает руку, чтобы остановить его нытье. Мы слышали все эти оправдания. Он не может сказать ничего, что бы заставило нас играть в его игру. Если мы прогнемся под этого мудака, нам на шею сядет каждый торчок в этом штате.

— Мы не даем займы. Исключений нет. Если твоя семья действительно рискует потерять крышу над головой, тогда я предлагаю потратить твое время на работу вместо того, чтобы болтаться на вечеринках. Или ты можешь продать часы. В любом случае, твое финансовое положение — не наша проблема. Исчезни.

Я смутно слышу ответ Кая, прежде чем человек уходит. Шепот прокатывается по комнате, и все взгляды устремляются к задней части дома. Очевидно, что что-то происходит. Голос перекрывает шум. Люди толпятся вокруг источника скандала. Только потому, что я не хочу, чтобы мой дом был разрушен, я отправляюсь посмотреть, что происходит. Кай скидывает девушку с колен и идет за мной. Толпа легко расступается, и я наконец-то вижу, что происходит.

О, черт!

Девушка в черном платье, недавно изображавшая умирающую кошку у меня в спальне, стоит, окруженная толпой. Какой-то мужик навис над ней, вторгаясь в ее личное пространство. Красное лицо, руки сжаты в кулаки. Сжавшаяся в комок девчонка совсем не похожа на ту, которая бесстыдно удовлетворяла себя на моих глазах. Она напугана яростью этого мужчины. Он обзывает ее шлюхой и мусором. Он понимает, что ее оттрахали и недоволен этим. Отстой для него.

Если бы я знал, как ее вопли повлияют на мой член и что за этим последует драма, я бы выгнал ее из своей комнаты, прежде чем она схватилась за подол своего платья. Не потому, что меня беспокоит то, что я трахаю женщину другого парня. Это их проблема. Не выношу, когда мужчина бьет женщину. Ненавижу эти гребаные вечеринки.

Он хватается за платье, и, видя это, некоторые из женщин задыхаются от ужаса. Большинство гребаных идиотов подначивают его, хотят увидеть, как он с ней разделается. Девчонка болтается, как тряпичная кукла в его руках. Я тот, кто трахал его цыпочку, он выясняет отношения со мной? Нет. Он — чертов трус, который справляется со своими проблемами, унижая женщину. Моя кровь закипает. Он оттягивает свою мясистую руку и бьет девушку прямо в лицо. Кровь брызжет из ее носа, когда ее голова отлетает от удара. Вопли, стоны и поощрения со всех сторон.

Я убью Кая за эту вечеринку.

Я продолжаю двигаться вперед с Каем, следующим по пятам, пока не оказываюсь прямо перед ними... Девушка, которая лежит на полу, схватившись за лицо, рыдает, а люди плюют в ее сторону. Взрослые мужчины оскорбляют ее, а женщины в ужасе отстраняются. Ее самодовольный парень или кто бы он ни был, стоит над ней с маниакальным взглядом на лице. С одобрения толпы он снова подходит к ней.

— Прикоснись к ней снова, и ты не сможешь самостоятельно уйти отсюда

Мужчина останавливается, его нога в воздухе, готовая ударить ее, пока она лежит на полу. Поняв, что только что прервал выбивание дерьма из его девушки, он расправляет плечи и улыбается, как будто мы друзья. Мы не друзья.

— У меня нет к тебе претензий. Моя проблема связана с этой шлюхой, которая,

похоже, не может понять, что единственный член, который может в ней находиться, принадлежит мне.

Толпа окружает нас. Кто-то выключил музыку. Единственный звук — это хныканье девушки, все еще лежащей на полу.,.

— Плевать я хотел на ваши разборки. Есть проблема. Ты ее создал, подняв руку на нее.

Он смущенно озирается, как будто не понимает, почему мне не все равно, выбьет ли он из нее дерьмо.

— Ты попробовал ее киску и хочешь еще? В этом дело?

Хватит болтать с этим дебилом. Время разобраться с этим дерьмом.

Думал ли я, что буду защищать честь шлюхи, которая покинула мою спальню? *Е*ать, нет.* Честно говоря, я защищаю не ее честь. Она набросилась на меня, не сказав ни слова, и, судя по этому дерьму, у нее, очевидно, есть парень. Тот, кто был внизу, когда мой член был в ней. Но это не значит, что она заслуживает того, чтобы ее избили. Ни одна женщина, будь то шлюха или девственница, этого не заслуживает. Никто не знает этого больше, чем Кай. Я не удивлен, когда он отходит от меня, набрасываясь на парня. Прежде чем кто-либо может даже моргнуть, Кая успевает врезать ему три раза. Два удара по лицу и один под дых. Парень, который думает, что можно бить женщину, не падает, но воздух вырывается из него с ударом в живот.

Кай не нуждается в моей помощи. Я позволяю ему справиться с этим, и он не подводит. Его кулаки продолжают летать со смертельной точностью до тех пор, пока мудака не оказывается на полу, в той же позе, в которой до этого лежала его девушка. Толпа ревет, не заботясь о том, кого избивают. Они хотят крови.

Быстрый взгляд через плечо говорит мне, что Тиган выполняет приказы. Она хорошо знает, что делать, когда такое дерьмо случается. Она исчезла со сцены, происходящей в гостиной, и теперь наблюдает за происходящим с перил второго этажа. Она закрыла лицо руками, подглядывая сквозь пальцы. Удовлетворившись тем, что она в безопасности, я перевожу взгляд на Кая и парня, чью девку я трахал.

Трое мужчин приближаются с намерением поучаствовать в драке. В их глазах решительность и глупость. Эти дебилы — скорее всего дружки этого мудака. Кай стоит над ним, тяжело дыша и не осознавая, что ослы проталкиваются к нему. Я инстинктивно завожу руку за спину. Я не позволю ударить Кая в спину. Кай замечает новоприбывших. Они стоят в импровизированном круге, готовом отправиться в ад за своим дружком. Одним быстрым движением я готов положить этому конец. Пистолет, который я вытаскиваю из-за спины, предупреждает их. Я задумчиво машу стволом перед ними.

— Я предлагаю вам убраться отсюда. Захватите с собой своего друга

Три парня переглядываются и принимают разумное решение. Дикари, которые так жаждали кровопролития несколько секунд назад, смотрят теперь в пол. Три марионетки помогают своему другу, им приходится выносить его из дома. Я провожаю их с оружием в руках.

Несколько телефонных звонков завтра, и они будут занесены в черный список каждой вечеринки и каждого захудалого бизнеса в округе. Люди не будут даже здороваться с ними, если я этого захочу. Когда ты контролируешь доходы стольких людей, они охотно прислушиваются к твоим требованиям.

Девушка из моей спальни проскальзывает мимо меня, платье разорвано, в глазах стоят слезы, она зажимает сломанный нос. Кровь покрывает ее декольте, и она, не говоря ни слова, выбегает из дома в ночь. Музыка возобновляется до того, как я возвращаюсь в дом. У гостей достаточно развлечений... Женщины сплетничают. Мужчины наслаждаются, обмениваясь эмоциями.

Каждый взгляд в доме направлен на меня, когда я возвращаюсь внутрь. Тиган вернулась из своего укрытия, сидит на диване с Каем и осматривает его руки, пока он пытается успокоить ее между глотками пива. Возвращая оружие обратно в кобуру, я

сажусь на диван, готовясь закончить эту ночь. Народу стало меньше после драки, но эта вечеринка будет идти всю ночь. На смену ушедшим придет еще больше людей. Алкоголь и наркотики будут литься рекой. Сегодня — не первый раз, когда гости увидели агрессию и жестокость в моем доме. Я уверен, что они не в первый раз видели, как кто-то вытаскивает пистолет. Вечеринка продолжится, и все, что произошло, станет лишь поводом для обсуждения за выпивкой. Я бы лучше поднялся наверх, закончил рисунок, но я не могу оставить Тиган здесь одну.

Пейсли

Мы на вечеринке уже около часа, и до сих пор все было хорошо. Хотя, я думаю, что что-то пошло не так еще до нашего приезда, потому что я слышу обрывки сплетен, пока мы продвигаемся по комнате. С напитками в руках мы блуждаем по дому. Я стараюсь быть той веселой кокеткой, которую изображала вчера, но это намного сложнее в доме, полном этих людей. Здесь я скорее неуклюжая, чем кокетливая. Мою теорию подтверждают гримасы Брэй на некоторые мои слова, но, по крайней мере, я вышла из своей зоны комфорта. Это начало.

Внимание Брэй сосредотачивается на ее вчерашнем клиенте. На том, кто был свидетелем моего «изящного» падения и случайного стриптиза. Он сидит с симпатичной девушкой и еще одним мужчиной, который не выглядит довольным вечеринкой. Вот он мгновенно привлекает мое внимание. Толпа окружает их, как будто они — центр этой вечеринки. На самом деле, они просто сидят там, небрежно выпивая и разговаривая между собой, но все мужчины и женщины глазят на трио, как будто они своего рода богоподобные существа. Мужчина рядом с парнишкой Брэй, выглядит совсем не как посланник бога. Хотя он сидит, но очевидно, что он высокий, может быть, чуть ниже моего вчерашнего знакомого. Он стройнее моего «любящего подглядывать друга», но это не значит, что он слабый. Не качок, но у него есть мускулы. Его волосы такие же короткие, но в отличие от моего знакомого, темные. Он слишком далеко от меня, чтобы увидеть цвет его глаз, но они пугают меня больше, чем этот дом. Если бы я описала своего идеального мужчину, это был бы он, по крайней мере, внешне. Его глаза встречаются с моими, и я не могу оторвать взгляд. Это длится чересчур долго для моей зоны комфорта, но затем он возвращается к разговору. Мои ладони потеют, я чувствую, как меня тянет к нему. Я выдыхаю, осознав, что все это время не дышала.

Девушка в их трио, скорее всего, его родственница. Они очень похожи внешне. На внешности их сходство заканчивается. Она оживлена, когда говорит и улыбается так широко, что это выглядит болезненно. Ее глаза танцуют вокруг комнаты, и она выглядит искренне счастливой, проводя время с этими двумя. Здесь и есть различие. Его губы вытянуты в тонкую линию, как будто его кожа треснет, если он даже попытается улыбнуться. Его глаза тоже перемещаются по комнате, но в них плещется раздражение и недовольство. Похоже, он предпочел бы быть где угодно, но не здесь.

Брэй продвигается в их направлении. Хотя я действительно хочу быть ближе к незнакомцу, мне не хватает на это смелости. Поэтому вместо того, чтобы следовать за ней, я решаю поискать ванную. Я хотела выбраться из своей зоны комфорта, но

приближение к нему больше похоже на то, что я поджигаю свои границы и позволяю толпе насладиться зрелищем. Выйдя из ванной, я не сразу возвращаюсь назад в поисках Брэй, решив сделать круг по дому.

Я ограничиваюсь первым этажом в своей экспедиции, не уверенная, можно ли посетителям на второй. Интересно, кто, черт возьми, владеет этим местом, если даже Брэй не знает их. Я поражена контрастом между улицей и внутренностью дома. Мои странствия, в конце концов, возвращают меня в поле зрения Брэй, которая сидит на коленях вчерашнего знакомого. Это странно. Она не привязывается и не проводит много времени за пределами спальни с ее клиентами. Брэй что-то чувствует к этому парню? Обычно она уже включила бы свою магию и обрабатывала бы его голой в темной комнате во имя единственного, что действительно важно для нее. *Деньги*. Но меня не было, по крайней мере, двадцать минут, и вот она сидит, удобно устроившись на его коленях, без каких-либо намерений затащить его в спальню.

Мне больше некуда идти, я сокращаю расстояние между нами. Я проталкиваюсь через толпу, люди окидывают меня неприятными взглядами и пытаются заблокировать мой путь. Я никогда не был на концерте, но похоже на попытку приблизиться к рок-звезде за кулисами. Как только я пробиваю себе дорогу, то останавливаюсь. Я пробилась, но что теперь? Брэй обычно бросает меня, когда присматривает что-то для себя. Я не рискну остаться с ними без Брэй. Может быть, мне стоит уйти с вечеринки и отправиться домой. Пока я разворачиваюсь и собираюсь с силами пробиться через толпу к выходу, я слышу знакомую усмешку.

— Малышка! Так приятно, что ты на этот раз почтила меня визитом на моей территории! Могу ли я ожидать очередного прелестного вида сегодня вечером?

Ну что ж, похоже, я не осталась незамеченной. Я поворачиваюсь и замечаю, что четыре пары глаз смотрят на меня. Глаза у говорившего парня выглядят игриво. У Брэй нет обычного блеска. Ее глаза выдают любопытство, смешанное с волнением. Взгляд таинственного незнакомца не изменился, все еще напряженный и жесткий. Меня к нему тянет.

— Прелестный вид. Забавно. Ты такой остроумный! Надеюсь, ты хорошо рассмотрел, потому что больше этих прелестей тебе не видать. Бр... — Брэй бросает на меня напряженный взгляд. Я почти назвала ее настоящим именем, и это табу перед клиентами. Мне тяжело помнить. — Стэсс, я собираюсь уйти.

Она не будет спорить со мной. Она, кажется, довольна своим положением, и по какой-то причине она не хотела, чтобы я шла вместе с ней. Не дожидаясь ответа от нее, я убираюсь отсюда. Намного легче выйти из этой толпы, чем пробиться к ним. Женщины смеются надо мной, когда я ухожу, вероятно, думая, что меня отбрила эта группа людей, к которым все, похоже, хотят приблизиться. Конечно, они красивы, но эти двое не кажутся теми людьми, которых я бы хотела бы видеть в своей жизни. В любом случае, я работаю утром. Пришло время положить конец моему приключению на ночь. Я отправляюсь домой с поджатым хвостом и странным желанием к таинственному незнакомцу.

Берк

*Эти глаза. Эти губы. Бл*дь. То, как она смотрит на меня с моим членом во рту, может стать зависимостью. Ее челюсть, кажется, практически отделяется, в то время как она берет меня глубже к задней части ее горла. Я дергаю за ее длинные темные волосы, пытаюсь не дать ей взглянуть на меня. Все это меня заводит. Ее щеки. Движения ее языка. На ее лице явно читается желание. Все в этой девушке заставляет меня разрядиться в ее умелый рот.*

Меня будит звонок будильника, с моих губ срывается стон — слишком рано, я дерьмово себя чувствую и не успел кончить во сне. Мой член тверже камня. Это больнее, чем обычный утренний стояк. Девушка с прошлой ночи. Та, что пришла со шлюхой Кая, пробралась мне в голову, пока я спал. Почему, черт возьми, я мечтаю о ней? Мне нужен холодный гребаный душ. Мне нужно потрахатьсь. Я не знаю, что это такое, но то, как она смотрела на меня, когда практически проглотила мой член, не выходит у меня из головы, а это всего лишь сон. Пришло время принять душ и позаботиться о моем пульсирующем члене, а затем отправиться в спортзал.

Кажется глупым мыться перед тренировкой, но мне нужно взбодриться после вчерашней ночи. Мне это удастся, хотя тело все еще борется со мной. Мои мышцы болят. Моя голова кажется тяжелой, не говоря уже об отбойном молотке в моем черепе. Свет, проникающий из окон, — сущее наказание. Жестокая и ужасная пытка. Хотя обычно зал — мое святилище, сегодня он ничем не отличается, и мое тело восстает против физической активности. Подтягивания заставляют пот литься по моей коже и капать на пол, хотя я и не выкладываюсь полностью.

Эта вечеринка была чертовски плохой идеей. Мы с Каем поговорим об этом, когда он стащит свою задницу с кровати. Возможно, мы поздно легли, но у нас все еще есть дела, с которыми необходимо разобраться. Если он скоро не встанет, я вытащу его из постели, как только закончу наказывать свое тело за похмелье. Закончив с подтягиваниями, я направляюсь к гантелям и беру две пятидесятифунтовых (*прим.* 23 кг) и начинаю подход.

Мы ожидаем поставку в ближайшее время. Парень показался подозрительным в телефонном разговоре. Я имел с ним дело несколько раз, и он не тот, с кем легко работать. Он обычно параноик, и чаще всего, что бы он ни принес, это не стоит моего времени. Я думаю, что он наркоман, мой наименее любимый тип преступника, с которым приходится иметь дело, и я больше не буду этого делать, если он не принесет мне сегодня ничего ценного.

Мой бизнес может быть не полностью законный, но я работаю так же упорно, как любой «синий воротничок», зарабатывающий на честную жизнь (*прим. термин, обозначающее принадлежность работника к рабочему классу, представители которого, как правило, заняты физическим трудом с почасовой оплатой*). Счета оплачиваются, и нас уважают в нашей сфере, возможно, даже опасаются. Несанкционированная комиссионка, или, как мы ее называем, НК, в основном является незаконным ломбардом. За исключением того, что мы не принимаем барахло и не берем что-то в заем. Люди

приносят свое украденное дерьмо, потому что знают, что мы не будем просить бумаги или квитанции. Затем мы продаем его онлайн на подпольном сайте. Мы покупаем и продаем все виды высококачественных товаров и храним их в кладовке или на небольшом складе, который у нас есть. Это боль в заднице, но она приносит деньги.

Другой наш бизнес — тату-салон «Игла и чернила». Этот бизнес, в отличие от НК, полностью легален и мне действительно нравится. Мы с Тиган делаем тату. Оба предприятия — семейные. Семья — это я, Кай и Тиган. Хотя моя сестра не участвует в управлении НК, потому что я не хочу, чтобы она вращалась в этой среде.

Закончив с гантелями, я хватаю полотенце, чтобы вытереть лицо. Я был в зале около часа. Моя тренировка выполнена только наполовину, но я заканчиваю ее. Я не собирался напиваться. Мне просто нужно было выпить немного пива и нюхнуть. Я иду в кухню. Вода и еда — мой следующий приоритет.

Тиган уже сидит за кухонным столом, работая над эскизом для встречи сегодня. Наполовину съеденный бублик и чашка кофе стоят рядом с ее проектом. Вы думаете, что мы живем в тундре, судя по тому, сколько слоев одежды на ней, но мне нравится когда дома холодно. Я взъерошиваю ее волосы, проходя мимо. Она бросает на меня недовольный взгляд за то, что я побеспокоил ее за работой. Она единственная, кому я позволяю так на меня смотреть. Я люблю эту девчушку больше, чем когда-либо считал возможным. Отметив 18-летие и разделив девушку в городе с Каем, мы думали, что находимся на вершине гребаного мира, живя в дерьмовой квартире и зарабатывая деньги исключительно на вечеринки. Когда Тиган было десять, наши родители возвращались домой с какой-то вечеринки и попали в аварию — пьяный водитель. Урод врезался в них и оставил умирать. Мне пришлось бороться, чтобы получить опеку над Тиган, и вскоре она стала жить с Каем и мной. Это заставило быстро вырасти и собрать все наше дерьмо. Если бы мы этого не сделали, мы были бы уже сидели за продажу наркотиков или кражу всего, что плохо лежало. Это было не то, чего я хотел для Тиган, и мы не могли ее обеспечивать таким образом. Все это сблизило нас троих. С тех пор мы живем вместе. Мне сейчас двадцать девять, и я думаю, что мы с Каем сделали все возможное для Тиган. Ей двадцать один, она окончила старшую школу и быстро превращается в одну из лучших татуировщиц, которых я когда-либо видел.

Тиган смотрит с отвращением, когда я споласкиваю голову под краном, а затем встаю, позволяя воде стекать по груди быстрее, чем я могу ее вытереть. Охладившись, я направляюсь к холодильнику за водой.

— У нас есть душ, ты знаешь? В нашем большом доме. Вообще-то их пять. Ты можешь привести себя в порядок в любом из них, кроме моего, вместо того, чтобы освежаться в кухонной раковине.

Тиган откусывает свой бублик, а я несколькими глотками осушаю бутылку воды. Я игнорирую ее отвращение. Мне жарко и я голоден, и я больше чем кто-либо знаю о душах в этом доме. Я уже был сегодня в одном из них, думая о девушке из моего сна. Плюс, пища важнее душа.

— Доброе утро тебе тоже. Как идет эскиз?

— Довольно хорошо. Это на самом деле второй эскиз. Я сделала первый, точно так, как клиент спросил, но у этого есть небольшая фишка, которая, я думаю, сделает его лучше. Я посмотрю, какой девочка предпочтет.

Я беспечно киваю, готовя себе бублик и кофе. Кай заходит на кухню молча, не смотря ни на кого. Видок у него адский. Его кожа — неестественно бледная, настолько, что круги под глазами выделяются еще сильнее. Не желая облегчать его утро — ведь именно он был тем, кто заполонил наш дом толпой — я стараюсь шуметь как можно громче. Я хлопаю ящиком со столовыми приборами, они гремят, когда дверца с треском закрывается.

Он садится за стол, сгорбившись. Моя сестра качает головой, пока пытается скрыть улыбку от моей выходки. Кай — ее слабость, и я качаю головой, когда она встает с места,

чтобы позаботиться о нем. Я не думаю, что он заслужил ее доброту этим утром, но я также знаю, что ее желание заботиться о нем, нельзя объяснить.

Кай смотрит на меня, когда я выдвигаю стул рядом с ним из-за стола. Мой план ударяет по мне бумерангом, так как шум усиливает мою собственную головную боль, но видя выражение его лица, понимаю, что оно того стоило. Он стонет, как большой ребенок, и я возвращаюсь к своему завтраку и наслаждаюсь кофе. Я не знаю, через что он прошёл прошлой ночью, но я бы сказал, что это было больше, чем пиво, которое мы пили на диване. Наверное, что-то связано с той шлюхой, которую он привел. Они бродили по дому всю ночь, пока я не увидел, как она спускается с лестницы без него и вскоре уходит. Больше я Кая не видел.

Тиган ставит обезболивающее и воду перед Каем, но его голова лежит на столе, поэтому он не замечает. Я пользуюсь возможностью, чтобы ударить его по затылку, чтобы проучить. Моя сестра протестует, когда моя рука соприкасается с его скальпом, но Кай даже не вздрагивает. Он вообще не двигается и не реагирует. Тиган ругает меня, пока готовит пищу и кофе для моего друга, который, возможно, перестал дышать за столом передо мной. Черт. Что, черт возьми, он принимал прошлой ночью?

Он медленно поднимается, оторвав голову от стола. Его глаза — щели, едва открытые, когда он тянется за двумя маленькими таблетками и водой. Я сомневаюсь, сможет ли он справиться с делами сегодня. Может быть, сегодня я буду заниматься бизнес-соло.

— Что, черт возьми, ты сделал прошлой ночью, что ты выглядишь так, будто смерть пригласила у тебя на груди?

Кай бросает таблетки в рот и осушает стакан, прежде чем потереть виски, когда его лицо напрягается, как будто он пытается вспомнить события прошлой ночи. Его голос хрипит, когда он отвечает.

— Бл*дь. Я... Мы... Я не помню.

Он заикается, на его лице отражается путаница.

— Ты не помнишь? Не помнишь, что принял или что делал прошлой ночью??

Продолжая нянчиться с ним, Тиган ставит тост, намазанный маслом, и порезанный банан прямо перед Каем. Я не думал, что это возможно, но его лицо еще больше бледнеет. Он берет у нее кофе, отодвигая тарелку с едой подальше, чтобы не чувствовать запах. Тиган снова садится за стол.

— Я почти ничего не помню. Отрывочные фрагменты. Блондинка на моем члене, какой-то парень кричит на девушку, появляется Стэсси. Последнее, что я помню, это то, что она скачет на моем лице, как будто участвует в родео. Сегодня утром я проснулся в одиночестве, пропитанный запахом ее киски.

Тиган с шумом отодвигает свой стул и встает. Она хватается за свое дерьмо и на выходе из комнаты бросает через плечо:

— На этом я вас покидаю. До встречи, ребята! Я иду в салон.

Кай откусывает небольшой кусок тоста, но выражение его лица говорит о том, что его желудок протестует.

— Бро, у тебя передоз от киски?

— Я не знаю, что случилось. Я помню, как Стэсси говорит мне о том, что принесла экстази. Я не помню, как принимал, но, должно быть, сделал это, потому что сегодня я чувствую себя мертвецом.

— Ты сможешь собраться и пойти со мной на встречу?

— Я буду там, мужик. Дай мне час.

Я встаю из-за стола и оставляю его оклематься. Мне нужен еще один душ.

Пар поднимается вверх, помогая мне справиться с откатом от наркоты. Вода стекает вниз, я подставляю лицо под ее напор, опираясь одной рукой о стену душевой. Мои мысли возвращаются к ней. Снова.

Темные волосы. Ноги — чертовски потрясающие ноги. Глаза, поймавшие мой взгляд

через всю комнату. Невинная улыбка, не свойственная той, за кого я ее принимаю. Я не знаю ее имени. Девка, которая трахается за наличные, судя по той, с кем она пришла на вечеринку. Девка, которую я не могу выкинуть из головы. Смывая мысли о ней, я выключаю воду. У меня много дел сегодня. Нужно разобраться с тем наркоманом.

Я отправляю тому парню сообщение с местом и временем встречи. Ему лучше быть вовремя, и его товару лучше бы быть хорошим. Это его последний шанс произвести на меня впечатление. Я не буду заниматься дерьмом, которое не принесет мне деньги, независимо от того, насколько этот парень нуждается в следующей дозе.

Кай ждет меня в гостиной, очевидно принявший душ и переодетый. Цвет его лица улучшился, и он расслабился на диване, закрыв глаза.

— Готов?

Он открывает глаза и молча следует за мной в гараж. Мы берем мою машину, так как я не верю, что Кай достаточно отошел, чтобы сесть за руль. Может быть, он умнее, чем выглядит. Ведь это из-за моего потакания члену вечер закончился размахиванием оружия в моей гостиной. Тем не менее, платить за то, что приходит так легко, кажется пустой тратой.

Мы направились к месту встречи. Я не люблю решать эти вопросы в «Игле и Чернилах», потому что не хочу втягивать Тиган. О складе знаем только мы с Каем. Незачем всяким неудачникам и наркоманам знать, где мы храним наши товары. Таким образом, редкие укромные встречи — это то, как мы проворачиваем свои дела.

Первый звонок, что эта сделка не стоит моего времени — он опаздывает. Спустя десять минут я собираюсь уйти, вычеркнув его навсегда из списка наших клиентов. Слышится звук подъезжающей машины. Думаю, что это он. Второй звонок — машина паркуется рядом с нашей, и он в ней не один. За рулем незнакомый мне человек. Наши клиенты знают, что незнакомцы при заключении сделки — это табу. Я уже порываюсь убраться оттуда, как знакомое лицо выходит из машины. Водитель отчаливает. Торчок ставит старую коробку рядом с нашей машиной, прежде чем постучать пальцами по стеклу. Я раздраженно разблокирую двери. Он проталкивает коробку в машину, затем садится сам. Он почесывается, как будто у него вши, это отвратительно. От него воняет. Я уверен, что этот запах прилипнет к салону моей машины, даже когда он уберется из нее.

— Что у тебя есть для нас?

Он достает из коробки женскую сумку. Женские штучки — не мой конек, но я в этой игре достаточно долго, чтобы знать, что некоторые бренды стоят больше, чем автомобили. Кай берет сумку у парня и осматривает ее. Человек на заднем сиденье молчит. Сумка выглядит просто, но какого черта я знаю?

Кай смотрит на него, вытаскивая свой телефон. Человек на заднем сиденье постоянно чешется. Он избегает смотреть нам в глаза, пот струится по его коже, хорошо, что у меня кожаные сидения. Он либо нервничает, либо действительно готов слиться. Я слышу только Кая, говорящего по телефону, можно услышать, скорее всего, с тем, кто знает о сумках больше любого из нас.

— Привет. Это Кай.

— Да. У меня есть сумка, о которой мне нужно поговорить.

Кай осматривает сумку.

— Написано Hermès.

Пауза, а затем Кай поворачивается к человеку на заднем сиденье, чтобы обратиться к нему.

— Это «Биркин»?

Парень кивает.

— Вся эта коробка заполнена сумками одного бренда?

Кай снова получает кивок от человека, а затем возвращается к разговору.

— Сколько стоит одна? Кто, черт возьми, заплатит столько?

Длинная пауза.

— Да. Понимаю. Итак, как мне это узнать?

Кай начинает тщательно изучать сумку и отвечает: «Да» или «Нет», на вопросы собеседника. Детали, которые я получаю от одностороннего разговора, очень расплывчатые, но моя интуиция говорит мне, что высока вероятность того, что эти сумки поддельные. Парень слишком нервничает. Кай вешает трубку и поворачивается ко мне.

— Оказывается, эти сумки лучшие. Вряд ли есть что-то более редкое, более желанное или более дорогое. Они стоят десятки тысяч долларов. Проблема в том, что мой источник выразил сомнение, когда узнал, что у нашего друга целая коробка таких сумок. Шансы, что обычный преступник может заполучить такое количество дизайнерских вещей, невелики.

Мои глаза прикованы к сумке, я не могу представить, что кто-то платит такие деньги за это, Кай переходит к сути.

— Конечно, когда я проверил маркировку и строчку, отличающих настоящую сумку, они не соответствовали описанию. Это подделка. Кроме того, в этой сумке отсутствует штамп на маленьком кусочке кожи, прикрепленному к собачке. Без него это подделка.

Кай делает паузу, и моя кровь кипит. Мы оба поворачиваемся к человеку на заднем сиденье, когда Кай переходит к сути. К тому, что я ожидал.

— Что значит, она ничего не стоит.

Наш парень пытается смыться, но я успеваю заблокировать двери. Никто не может втянуть нас в дерьмо и уйти безнаказанным. Особенно в такой день, как сегодня, когда выход из дома чувствуется, как участие в марафоне. Мы не только не будем снова иметь с ним дело, но и просто обязаны проучить его. У меня есть идеальный урок для нашего маленького друга-наркомана. Через минуту он уже закован в наручники на заднем сидении. Я никогда не был бойскаутом, но я всегда готов. Наручники, которые я держу под моим сиденьем, очень кстати сегодня.

Через пять миль мы подъезжаем к нашему складу. Он этого не знает, и это идеально подходит для моего плана, место уединенное и вокруг только деревья. Как только машина припаркована, я вытаскиваю нашего друга из машины за наручники. Он со стоном валится на землю. Он еще больше вспотел за время нашей поездки. Кай поднимает его, пока я осматриваю территорию, чтобы найти дерево, идеально подходящее для наказания. Кай тащит нашего заключенного за мной.

Я приковываю его к дереву, и парень кричит от боли и страха. У него ломка. Я сам экспериментировал, но никогда не был наркоманом. Я изредка курю траву и иногда нюхаю. С возрастом, время между приемами наркоты все увеличивается. Я практически святой по сравнению с этим человеком, так отчаянно нуждающимся в дозе, что он решил нас поиметь. Следы на его руке и цвет его кожи выдают в нем героинщика.

— Я никогда не пробовал героин. Никогда даже не тянуло. Я слышал, что это превращает людей в зависимых маленьких сучек.

Мы наблюдаем за тем, как человек пытается безуспешно освободиться.

— То же самое. Я никогда не был настолько глуп, чтобы колоться.

Кай пожимает плечами, как будто это самая очевидная вещь в мире.

— Пожалуйста, мужики. Отпустите меня. Я вас больше не побеспокою. Я-я... мне нужно убраться отсюда. Вы можете оставить сумки. Просто отпустите меня.

Какая щедрость от этого заикающегося идиота. Он позволит мне оставить бесполезные сумки. Большое спасибо.

— Извини, приятель. Не выйдет. Понимаешь, ты пытался поиметь меня. Думал, что у тебя получится. Это никому с рук не сойдет. Я слышал, что ломка — не самая приятная вещь. Ты не сможешь контролировать свою физиологию. Ты видишь всякое дерьмо. Яд, покидая твой организм, захватывает все тело. Сегодня ты испытаешь это.

— Что ты говоришь? Ты не можешь оставить меня здесь, прикованного к дереву. Я не могу через это пройти. Я не могу. Я не буду. Я бы предпочел пулю в лоб. Пожалуйста, не делай этого.

У него начинается истерика. Никогда не видел ничего более жалкого.

— Могу и сделаю. Тебе стоило подумать роб этом до того, как ты попытался впарить нам свое дерьмо.

Спорю, что этот наркоман не понимает вообще, о чем я ему толкую. Он слишком заиклен на предстоящей ломке. Он все осознает, как только его наказание закончится.

— Пара дней прикованным к этому дереву, твой жестокий детокс поможет мне почувствовать себя лучше. Что насчет тебя? Не волнуйся. Мы вернемся. Принесем воду, как нашему маленькому питомцу, и отпустим на волю, как только я этого захочу. Тебе действительно стоило подумать о последствиях заранее. Ты не повторишь эту ошибку. Гарантирую.

Парень срывается. Он кричит и бьется вокруг, насколько наручники ему позволяют. Я уверен, что здесь его никто не найдет. Поэтому он может кричать сколько хочет. Достаточно скоро, судороги и рвота отвлекут его от крика.

У меня урчит в животе, и я думаю о еде. Грязная закусочная на 2-й улице притягивает меня. Я позвоню Тиган и приглашаю ее туда.

Я доволен наказанием торчка.

Никто не связывается со мной, моей семьей или моим бизнесом — никто.

Пейсли

Одна благословенная ночь без кошмаров, и вот они вернулись с удвоенной силой. Темная комната, которую я действительно помню только по моим снам, все еще терзает меня. Мне всегда требуется несколько часов после пробуждения, чтобы отойти от этих воспоминаний.

Я поднялась по карьерной лестнице пищевой промышленности, бросив фаст-фуд. Я работаю в отеле «Легкий завтрак», где меню не приклеено на стену. Я также подрабатываю на выездных мероприятиях. Люди могут быть сволочами после третьей чашки кофе, но сегодня я благодарна за знакомую обстановку.

Другая официантка сегодня не появилась, и я работаю одна. Даже это меня не огорчает. Я загружена, но вернусь домой с хорошими чаевыми в кармане, когда все закончится, мне просто нужно посушиться. Я бегаю от столика к столику в течение последних трех часов. Я испачкалась, по крайней мере, четыре раза, а мой небрежный конский хвост растрепался еще больше.

Утренний наплыв посетителей в основном иссяк, когда я слышу, что пришли новые. Я заканчиваю заваривать свежий кофе перед тем, как осмотреть зал. Знакомая улыбка, совершенные зубы и ямочки на щеках привлекают мое внимание. Двое парней сидят рядом с ней, и они, кажется, занимают все пространство. Воздух в этом крошечном помещении уплотняется. Их присутствие заметно, хотя на самом деле они занимают

только один стол в углу. Понимая, что не могу сбежать от них, я включаю очаровательную официантку и подхожу к столу.

Первой меня замечает знакомая лучезарная девушка. Ее глаза выдают удивление, но через мгновение она радуется мне теплой улыбкой. Мужчины погружены в изучение меню.

— Добро пожаловать в «Легкий завтрак». Что будете пить?

Парень Брэй, должно быть, узнает мой голос, потому что, когда он поднимает голову, на его лице играет его фирменная улыбочка. Сегодня он слегка бледноват. Без сомнения — это последствия бурной ночи, но это не портит его улыбку. Господин *Темный и Задумчивый* так и не поднял голову и, следовательно, еще не понял, что обнаружили его соседи. Я не жалуясь.

— Кажется, звезды выстроились в нашу пользу. Вселенная сталкивает нас, малышка.

И все же он отрывается от меню, слыша мое прозвище. Я качаю головой и смотрю на девушку в надежде, что она спасет меня.

— Пожалуйста, прости Кая, его вырастили волки, и, похоже, он падок на прелести.

Я не уверена, знает ли она о моем позоре, но мое лицо краснеет.

— Меня зовут Тиган. Я сожалею, что этот парень заставил тебя сбежать прошлой ночью. Иногда он заставляет меня чувствовать то же самое.

В этой девушке есть что-то теплое и сопереживающее. Я расслабляюсь благодаря ее простому поведению.

— Я Пейсли. Приятно официально познакомиться

Я искренне улыбаюсь ей, прежде чем слышу:

— И как она уже сказала, я Кай.

Он симпатичный мальчик с красивым телом. Его внешний вид не вводит меня в заблуждение. У него немного детское лицо — но в его глазах прячутся темные секреты. Его улыбка игривая, но думаю, что он может стать пугающим, когда она превращается в насмешку. Он выглядит, как будто неуязвим, но я вижу шрамы, покрывающие его тело, но не лицо.

— Хм. Кай. Думаю, это тебе подходит больше, чем парниша.

Я решаю ответить на улыбку, когда он прекращает дразнить меня. Тиган и Кай смотрят на своего друга, ожидая, когда он назовет мне свое имя. В его глазах нет вчерашнего любопытства. В них тьма, которую я не понимаю. Я не сказала ему ни слова, но он, кажется, уже ненавидит меня. Спокойствие, которое Тиган привнесла в разговор, исчезает, когда мы все смотрим на него.

Он начинает говорить, но лучше бы он молчал.

— Что, не можешь зарабатывать достаточно своей киской? Что не так с товаром, что тебе приходится работать в этом месте?

Моя челюсть падает. Как будто я персонаж мультфильма, но это вовсе не забавно. И Кай, и Тиган распекают его, и я узнаю его имя — Берк. Звук из-под стола говорит о том, что кто-то из них, или даже оба, пинают его под столом.

Этот парень пугает меня, но я научилась защищаться. Я не собираюсь позволять кому-то говорить со мной, как будто я ходячая секс-игрушка.

— С моим, как ты его называешь, товаром все в порядке, за исключением побочного эффекта — он высыхает рядом с козлами, вот например как в данную минуту.

Мой тон говорит ему, что он — и есть один из этих козлов.

— Моя киска не продается, даже по самой высокой цене. Может быть, тебе стоит проверить информацию, прежде чем болтать. Ты судишь меня по сестре, но сидишь с мужчиной, который платит за ее услуги. Чем ты в таком случае лучше?

Из-за этого парня меня бросает в пот, и это не самое приятное ощущение. Я хочу ударить его, и я просто знаю, что он никогда не извинится. Надеюсь, он уйдет, и я смогу отпустить весь свой гнев.

— Кофе.

Ладно, полагаю, он не уйдет, и, видимо, он хочет кофе. Этот парень непробиваем. Я возвращаюсь к остальным за их заказами. Они смущенно заказывают кофе. Я ухожу от них как можно быстрее. Только за дверями кухни с моих уст срываются ругательства. Я проклинаю этого человека. Я проклинаю его ненавистные слова. Меня также бесит, что моя киска далеко не сухая рядом с ним.

Я подсакиваю, когда кто-то подходит ко мне. Обернувшись, я занимаю оборонительную позицию, готовая защищаться. Вместо этого я встречаю сочувствующий взгляд Тиган.

— Прости, что пошла за тобой. Уверена, что мне нельзя быть здесь, но я хотела извиниться за своего брата. Мне жаль, что он так сказал. Однако я гарантирую, что в один прекрасный день он извинится. Я знаю этих двоих лучше всех. Поверь мне.

Прежде чем я могу ответить или спросить, о чем она, черт возьми, говорит, девушка уходит так же быстро, как пришла.

Вернувшись к столу со своим кофе, я обнаружила, что Тиган и Кай остались вдвоем. Он не вернулся, и Тиган и Кай спокойно едят без своего друга. Я слышу, как они упоминают о его долгой прогулке домой. Моя смена почти закончилась, и Тиган ушла, но Кай все еще сидит за столом, потягивая кофе. Я прохожу мимо и слышу, как он говорит:

— Ты скоро закончишь?

— Да.

— Берк уехал домой. Тебя подвезти? Я еду к Стэсси.

Если он все равно поедет ко мне, глупо отказываться. Особенно, когда альтернатива — час на автобусе.

— Конечно. Благодарю.

Мы в машине, и Кай подпевает вместе со стерео, в то время как мои мысли мечутся интересом к этим двум мужчинам.

— Можно вопрос?

— Дерзай, но не обещаю, что отвечу или отвечу честно.

По крайней мере, он честен. Я прочищаю горло, чтобы задать вопрос, который у меня на уме с тех пор, как он появился у моей двери.

— Почему такой парень, как ты, платит за секс?

Я нервничаю, пока жду ответа, не хочу его оскорбить. Кай даже не смутился.

— Я платил за секс, но у меня никогда не было подобной договоренности. Это был либо эксперимент, либо просто было удобно. До твоей сестры это было всего пару раз. Но по мере того, как толпа вокруг нас становится все больше и больше, общаться с женщинами, которые мне не интересны в плане отношений, становится все труднее.

Выражение его лица говорит мне, что он вспоминает конкретные случаи, когда его сексуальная жизнь кусала его за задницу.

— Стэсси появилась в моей жизни, и это обрело смысл. Она одна из самых горячих девушек, которых я когда-либо трахал, и, кроме денег, она не хочет ничего от меня.

— Это вызывает около миллиона других вопросов.

Бессмысленно пытаться бороться с нервной улыбкой на моем лице, поэтому я не пытаюсь.

— У тебя есть время, пока мы не приехали, но еще раз — никаких обещаний.

— Что ты подразумеваешь под «подобной договоренностью»?

— Я никогда не платил за секс на регулярной основе, и я никогда не возвращался к тем, кому я платил за секс. Я выдаю Стэсси еженедельную зарплату за то, что она доступна, когда я того хочу. У нее есть определенная квота, которую ей приходится выполнять, исходя из суммы, которую я ей даю.

— Что, если она не выполнит твою квоту?

— Я разумный человек. Я знаю, что у нее есть другие клиенты. Я не ожидаю, что она прибежит, стоит мне щелкнуть пальцами, но я также ожидаю получить то, за что я плачу. До сих пор наша договоренность нас не подводила. Я предупреждаю ее, и она

выделяет время для меня.

— Ты говоришь о толпе вокруг себя. На вечеринке прошлой ночью люди роились вокруг вас, ребята, как будто вы были рок-звездами. Что, черт возьми, с этим?

Он немного хихикает и потирает щетину.

— Ты же ничего не знаешь о нас, не так ли?

Я качаю головой.

— Мы с Берком управляем несколькими компаниями по всему городу. Они стали довольно успешными. Это притягивает к нам людей. Мы поняли довольно быстро, что большинство людей, окружающих нас, когда мы достигли вершины, используют нас. Это еще одна причина, почему моя договоренность со Стэсси имеет смысл.

— Что это за компании?

Он замолкает на этом вопросе. Кажется, он был честным до сих пор, хотя он сказал мне, что может и не быть. Интересно, продолжит ли он быть таким открытым.

— Мы держим тату-салон, где Берк и Тиган — художники. Среди прочего.

Он жмет на газ, и меня вдавливают в сидение. Я принимаю это как намек закончить допрос о его бизнесе.

— Тиган твоя девушка?

Его нога полностью слетает с педали газа, и он смотрит на меня как на сумасшедшую.

— Что? Нет! Ты издеваешься? С чего ты взяла?

— Не знаю. Вы все так близки. Достаточно легко понять, что Тиган и Берк — брат и сестра, какова твоя роль?

— Нет, Тиган не моя девушка. Мы с Берком выросли вместе. Жизнь свела нас вместе, и с тех пор мы все близки.

Это похоже на другую тему, в которую он не хочет углубляться, поэтому я решаю закончить игру в двадцать вопросов. Мы возвращаемся к удобной тишине до конца поездки. Как только мы добираемся домой, Кай отправляется в спальню к Брэй. Я иду за ним, быстро хватаю свою одежду и отправляюсь в душ. После, я направляюсь к дивану и открываю книгу. Рим не был построен за один день. Я все еще буду проводить свободное время, будучи той, кем я всегда была, и это была долгая, тяжелая смена.

Я, должно быть, уснула, потому что следующее, что понимаю, я просыпаюсь от стука в дверь. Я бегу открывать. Как только делаю это, в квартиру врывается человек. Моя первая мысль — один из грязных клиентов Брэй здесь, чтобы доставить нам проблемы. Мой крик болью отзывается в ушах, и я падаю на пол, стараясь защититься от этого человека. Дерись или беги? Похоже, есть третий вариант: сжаться на полу, как идиотка.

Я выдыхаю с облегчением, когда сильные руки осторожно поднимают меня.

— Тсс. Ты в порядке. Я не собираюсь причинять тебе боль. Мне жаль, что я тебя напугал. Мне нужен Кай. Сейчас. Это очень важно, и он не берет трубку. Мне нужен Кай, пожалуйста.

Это Берк, и он говорит со мной таким тоном, на который я даже не думала, что он способен. Это точно не тот тон, которым он называл меня шлюхой или заказывал кофе этим утром. Мое тело дрожит от страха, это унижительно. Настолько, что я не думаю, что могу выдавить из себя хоть слово.

Лицо Берка впервые смягчается. Не поймите меня неправильно, он все еще самый пугающий человек, которого я когда-либо встречала, но впервые с тех пор, как я встретила его, его глаза полны эмоций, и это не отвращение или гнев. Он прижимает к себе мое дрожащее тело. Мне кажется, что он так же потрясен моей реакцией, как я. Кай и Брэй, должно быть, услышали мой крик, они оба выбегают из спальни и смотрят на Берка, который держит меня, как все еще дрожащую куклу, в своих объятиях. Я не знаю, было ли это потому, что он разбудил меня так резко, но я не могу успокоиться.

— Берк. Какого черта ты здесь делаешь, что ты с ней сделал?

— Я искал тебя. Напугал ее. Нам нужно идти. У нас чрезвычайная ситуация в гараже.

Его голос изменился, больше поддерживая этот успокаивающий тон. То, для чего ему нужен Кай важно. Кай тоже это понимает и, не задумываясь, бросает:

— Пойдем.

Берк задерживается в дверях, все еще держа меня в объятьях. Затем он мягко ставит меня на ноги и быстро выбегает из квартиры.

Берк

Кто-то играет с нами. Из того, что я видел, они знают, что делают. Мне нужно выяснить, кто они и чего хотят. Гараж разгромлен, и я не знаю, как, кому и зачем это понадобилось. Я парень, который сначала действует, потом задает вопросы. Мне нужна смекалка Кая, чтобы разобраться с этим дерьмом.

— Ты собираешься рассказать мне, что происходит?

Мы все еще стоим за дверями шлюшки Кая, и я готов уйти отсюда. У Кая есть вопросы, но я бы хотел пропустить эту часть и показать, что произошло.

— Кто-то ворвался в гараж. Устроил разгром и оставил нам небольшое послание. Думаю, тебе стоит увидеть это собственными глазами. Пойдем.

— Что ты имеешь в виду? Тот торчок? Он смог освободиться?

Я не хочу говорить об этом здесь.

— Все, что я знаю, кто-то ворвался после того, как мы ушли. Я вернулся, чтобы проверить нашего друга и разобраться с товаром, но увидел, что место было разгромлено. Нарик все еще там, прикованный к дереву, убит выстрелом в голову. Садись в чертову машину и сможешь убедиться в этом сам.

Сказав это, я сажусь в машину. Ему нужно это увидеть, а мне нужно понять, кто этот ублюдок.

Взлом при свете дня. Пока нас там не было. Он знал, что там был парень, прикованный наручниками к дереву в лесу, окружающем склад. Обошел нашу первоклассную систему безопасности. Кадры с камеры стерты. Нет никаких признаков взлома. Сигнализация не сработала. Это была хорошо продуманная атака.

Через двадцать минут я паркуюсь в нашем гараже, а Кай останавливается рядом со мной. Хранилище находится за пределами города в районе с очень небольшим населением. Его окружает высокий забор из колючей проволоки и около двадцати километров деревьев во всех направлениях. Никто не знает коды безопасности, кроме Кая и меня. Мы никого сюда не приводили, даже Тиган. Это частный и уединенный склад, идеальный для подпольного, незаконного бизнеса. Внутри есть все наши дорогие или крупные предметы от НК. Они хранятся здесь, пока не будут проданы и перевезены.

Когда я открываю дверь, чтобы Кай зашел, картина его шокирует. Он этого не ожидал, даже после моих слов. Все внутри разбито. Остатки разбросаны, как грязь на полу. Электроника разбросана по комнате, как будто кто-то играл в вышибалы. Машины с разбитыми окнами, дверями свисающими с петель, обивкой, разорванной на куски, а корпуса поцарапаны и помяты. Три бильярдных стола на дальнем конце комнаты выглядят так, как будто кто-то тренировался на них с цепной пилой, ножки, отделенные от столов, были самым легким повреждением. Все ювелирные изделия были брошены в мусорную корзину и подожжены, огонь еще не погас. Все в гараже разрушено. Вероятно, мы потеряли более ста тысяч долларов.

Этот кто-то не хотел нас поймать. Если бы это было так, они бы вынесли все и заработали деньги со всего этого дерьма. Не похоже, что они даже не взяли ничего для

себя. Они хотели отправить нам сообщение, анонимно.

Три манекена лежат в центре комнаты. Первый — лицом вниз с пулевым отверстием в голове. Мое имя написано красной краской на спине. Второй, лежит на животе, изрешеченный пулями, и на нем имя Кая, написанное той же красной краской на торсе. Третий — единственный, из-за которой моя кровь замерзает, — это кукла из пластика и ткани, которая была разрезана на куски. Ноги куклы разбросаны, ее гениталии порезаны на ленточки, а на лбу — одно слово: Тиган.

Мои мышцы напряжены, кровь стучит в висках. Бешенство — недостаточно сильное слово, чтобы описать, что я чувствую сейчас. Любой, кто планирует причинить вред Тиган, смертник. Пусть они придут ко мне. На этот раз они, возможно, застали меня врасплох, но это была их ошибка. Теперь я готов. Я избивал людей почти до смерти и преподавал уроки тем, кто раньше пытался украсть у нас. Раньше я никогда не переходил черту, но у того, кто угрожает Тиган, нет шансов на выживание. Пришло время придумать план. План безопасности для Тиган. План по отрыванию головы того, у кого есть какие-то намерения причинить ей боль. Ущерб гаражу и всему, что в нем, скорее всего, первый шаг в этой войне, но картина в центре — это ее финал. У нас много дел.

Нам дают понять, что это только начало.

Пейсли

Прошла неделя. Брэй, казалось, была в отличном настроении, в то время как я скатилась в депрессию. Мои кошмары взяли за меня с новой силой. Стали ярче, если это возможно. Я ненавижу их за то, что они преследуют меня. Самое отвратительное — я не знаю, откуда они взялись. Они часть моей жизни, сколько я себя помню. Каждую ночь, во сне я заперта в комнате. В ней есть что-то знакомое, но даже после всех этих лет я не могу понять, где я. Это сводит меня с ума. Должен же быть смысл. И снова я лежу утром в постели, пытаюсь воссоздать свои видения из сна. Я пытаюсь свести все детали.

Я в комнате размером с большой шкаф с небольшой росписью на стене — поле с красивыми полевыми цветами, залитое ярким солнцем. Эта роспись — единственное, что успокаивает меня в моих кошмарах. Я пытаюсь заново воссоздать сон в течение нескольких часов, но вижу только роспись. В комнату вбегает Брэй, отвлекая меня.

— Вставай!

Я переворачиваюсь и натягиваю одеяло на голову. Сегодня я не хочу ни с кем общаться, и Брэй не исключение.

— Вставай! Вставай, вставай, вставай! Я не знаю, почему ты раскисла, но у меня хорошее настроение. Поэтому у нас сегодня девичник. Я плачу. Теперь вставай! Побалуем себя.

Она срывает с меня одеяло. Я не открываю глаз в молчаливой надежде, что она уйдет. Кроме депрессии, у меня ужасное настроение, плюс я работала шесть дней подряд. Сегодня я хочу остаться в постели и ничего не делать. Неужели я прошу так много?

Конечно, я проиграю эту битву. Когда Брэй чего-то хочет, она сила, с которой нужно считаться. Через тридцать минут мы садимся в машину, направляясь к маникюрному салону. Автомобиль Брэй. Машина, о которой даже не подозревала.

— Где, черт возьми, ты взяла эту машину?

— Она моя. Я купила ее три дня назад. Красавица, правда?

— Да, и где ты взяла деньги?

Она не успевает ответить, раздастся звонок. Она наклоняется вперед, чтобы схватить телефон и ответить.

— Да?

— Нет, я не дома.

Ставлю двадцатку, что это клиент, который ее ищет. Это значит, что нашему плану конец — ей нужно зарабатывать деньги. Не могу сказать, что расстроена таким поворотом событий.

— Я не могу. Я иду в маникюрный салон с моей сестрой.

Еще одна пауза. Неужели она действительно откажется от работы? Брэйлин этого не сделает.

— Хорошо. Увидимся через десять минут.

Она вешает трубку. Я знала, что она не откажется от денег. Мы возвращаемся домой. Значит, я перебираюсь на диван. С этим я могу смириться.

— Мы заедем к Каю перед салоном.

— Хм, что? Что значит, мы заедем к Каю?

— Послушай, Пейс, я тоже не хочу ехать, но он уже заплатил мне за неделю вперед. А я ни разу с ним не спала. У него было какое-то дерьмо или что-то в этом роде. Я не могу отказать ему, я не отработала эти деньги. Ты видела дом. Уверена, что ты можешь посидеть часик в гостиной и посмотреть телевизор. Все будет хорошо.

А я-то думала, что телефонный звонок освободит меня от этого девичника. Оказывается, он только ухудшил ситуацию.

Город поделен на две части: богатая сторона заполнена большими домами и ухоженными газонами, и бедная сторона — трейлерами и захудалыми жилыми комплексами. Не нужно быть гением, чтобы понять, на какой стороне города живем мы с Брэй. И сейчас мы направляемся на другую сторону. Отлично.

На этот раз, когда мы подъезжаем к дому, ворота закрыты. Брэй звонит в домофон. Голос Кая прорывается через крошечный динамик в центре устройства безопасности, через секунду ворота открываются и быстро захлопываются, как только мы проезжаем. В отличие от прошлого раза, на подъездной дорожке нет автомобилей, и я не слышу музыки, гремющей из дома.

Кай встречает нас у входной двери. Он лихорадочно набирает что-то на своем телефоне. Он не поднимает глаз, пока Брэй паркует машину. Мы подходим к нему. Интересно, он все еще думает о том, из-за чего Берк ворвался в нашу квартиру на прошлой неделе? Спустя несколько полных неловкости секунд, Кай поднимает голову и видит, что мы стоим перед ним. Он выглядит усталым. У него темные круги под глазами, такие же, как у меня. Впервые с тех пор, как я встретила его, он не улыбается. Несмотря на это, он все же красив.

— Заходите.

В доме чисто и нет лишних людей. На столах нет даже пыли полностью, не говоря уже о порошке, который украшал мебель, как конфеты в последний раз, когда я была здесь. Солнечный свет проникает сквозь окна, освещая то, что больше напоминает семейное гнездышко, а не логово греха. Эта перемена нервирует меня.

Брэй в рабочей ипостаси. Она держит голову высоко, проходя через комнаты этого гигантского дома прямо за Каем. Ее глаза искрятся. Она выглядит совершенно не тронутой величием вокруг нее или человеком, с которым она собирается скрыться в одной из комнат. Она росла в грязи, как и я, но выглядит более уместно в этом месте. На ней дизайнерское платье и туфли, которыми она цокает по полу, уверенно шагая. Однажды она действительно получит собственный дом, выйдя замуж или провернув красивую аферу. Я не могу представить, что Брэй выйдет замуж, поэтому ставлю на деньги. Брак отнимет контроль, который она так любит. Однако если кто-то мог иметь торт и съесть

его, это только Брэй.

Кай, наконец, перестает двигаться по дому, когда мы выходим на открытое пространство гостиной. Большой серый диван в центре. На стене огромный телевизор. В этой чисто мужской комнате все же чувствуется женская рука — в виде красочных декоративных ламп на боковых столах и подушках на диване. Свечи украшают стол. Кай включает телик и передает мне пульт.

— Побудешь здесь?

Что я могу сказать — нет?

— Да, со мной все будет в порядке.

Он кивает головой и обходит диван.

— Ванная находится прямо там, а в холодильнике полно еды. Я не задержу ее надолго.

Кай уводит Брэй вниз по коридору.

Любопытство побеждает, и вместо того, чтобы переключать каналы, я изучаю комнату. Фотографии в рамках украшают стены. На каждой из них Тиган, но на некоторых ей составляют компанию ребята — один из них или оба сразу. Фотографии от маленькой девочки до сегодняшнего дня. Стены этой комнаты запечатлели ее дни рождения, ее первый автомобиль, выпускной экзамен и другие важные вехи. Кажется, что, несмотря на то, что я видела в ту ночь, это все же семейное гнездышко. Не совсем обычная семья, но все же семья. Понятие «обычная семья» никогда не заканчивается хорошо для большинства людей, которых я встречала в жизни, так или иначе. Я снимаю рамку со стены и рассматриваю ее, она заставляет меня улыбнуться. Затем я слышу женский крик.

Сначала я думаю, что это у Брэйлин проблемы. Но по мере того как он становится громче, ясно, что это не она. Это не крик о помощи, кто-то злится. Я слышу топот из той части дома, где лестница предположительно ведет на второй этаж. Крик становится громче. Это Тиган. Берк следует за ней, он не кричит, но на его лице отражается раздражение. Никто из них не замечает меня.

— Я была заперта в доме неделю, Берк. Я схожу с ума. Ты даже не разрешишь мне работать без тебя. У меня назначены встречи в салоне. Ты перегибаешь. Это безумие.

— Я не перегибаю, — кричит Берк так громко, что стены дома сотрясаются.

Затем, более спокойным тоном, он продолжает:

— Я не пытаюсь контролировать тебя, Тиган. Мне снова описать сцену в гараже? Кто-то угрожает твоей жизни, и нам нужно быть осторожными, пока мы не выясним, что, черт возьми, происходит. Мы с Каем держим это под контролем. Это не навсегда, но на данный момент тебе нужно смириться.

Он тяжело вздыхает из-за того, что не принимает его точку зрения. Я не знаю, о чем они спорят, но достаточно ясно, что этой беседы не было бы, если бы они знали, что у них есть свидетели. Единственная проблема: я не совсем уверена, как выбраться из комнаты незамеченной. Я застряла, поэтому вместо того, чтобы позволить им продолжать обсуждение, я решила обнаружить себя. Глаза Тигана встречаются с моими.

Я выгляжу как сумасшедшая в их гостиной, с одной из фотографий со стены в руках. На фото их трио. Я не могла удержаться, чтобы не рассмотреть более молодую версию Берка. Сейчас я сожалею об этом выборе. Тиган пугается и, задохнувшись, делает шаг назад. Берк резко поворачивается, и я в ужасе смотрю на дуло пистолета, направленное на меня. К сожалению, это не первый раз, когда мне угрожают оружием. Такие вещи случались часто, когда мы с Брэй жили на улице, но я больше не там. Это безумие.

— Что, черт возьми, ты делаешь в моем доме?

Пистолет по-прежнему нацелен прямо на меня. Берк приближается ко мне. Тиган подходит, чтобы встать рядом с ним.

— Берк, опусти пистолет. Она явно здесь, не чтобы напасть на нас. Ты сошел с ума.

Он опускает пистолет, но не снимает палец со спускового крючка.

— Моя сестра наверху с Каем. Мы были вместе, когда он вызвал ее. И вот я здесь.

Тиган смеется, на ее щеках появляются ямочки. Берк наконец-то ослабляет хватку на пистолете и убирает его в кобуру.

— Значит, не перегибаешь, брат? Я буду наверху в своей камере, если понадобится.

Берк

Прошла неделя с тех пор, как мы обнаружили, что гараж разгромлен. Я сам не свой. Тиган серьезно не воспринимает эту угрозу и действует мне на нервы. Да, я слишком забочусь о ее безопасности, но кто-то же искалечил чертову куклу с ее именем. Как я должен реагировать? Кай и я повсюду повысили безопасность, но мы не стали ближе к выяснению, кто это сделал. Кай напряг информаторов по всему городу, чтобы попытаться получить хоть какую-то информацию, но никому ничего не известно или они ни черта говорят. Я видел, как Тиган застыла, и я отреагировал. Я не знал, что, мать твою, напугало ее, но я не ожидал, это будет Пейсли посреди моей гостиной. Это уже второй раз за короткий период времени как я пугаю эту девушку. Сначала, ворвавшись в ее квартиру, и теперь, направив на нее пистолет. Держу пари, она надеется, что Кай перестанет вызывать ее проклятую сестру.

Я проверил цыпочку. Очевидно, что она не угроза, но она — новый человек, с поддельными документами. Учитывая ее работу, я могу понять, почему она это делает, но сейчас лишняя осторожность не помешает. Я не нашел ничего примечательного. Брэйлин Дэвис, 26-летняя девушка, ни разу в жизни не работавшая. Она выросла в приемной семье и получила несколько судимостей за такое мелкое дерьмо, как например воровство. Ее дело было стерто, как только ей исполнилось восемнадцать лет. Выгода от несовершеннолетних преступлений, но у меня есть способы найти дерьмо. В наши дни ничто не исчезает навсегда. С тех пор она держится подальше от проблем.

Пейсли я тоже проверил. Я обнаружил очень мало, за исключением того, что эти двое не родные по крови и она также была приемным ребенком. Пейсли Джеймс, похоже, работает на регулярной основе и не имеет судимостей. Ее записи о рождении засекречены, и даже я не смог получить информацию о них. Я убедил себя, что узнаю о ней ради безопасности, но кого я обманываю? Мне действительно не нужно видеть свидетельство о рождении девочки, чтобы знать, что она безвредна. Мне любопытно, и препятствия, с которыми я столкнулся при поиске информации, подогревают это любопытство. Не повезло. По неизвестным мне причинам информация о ее рождении — это засекреченная информация.

Она стоит в моей гостиной, держа фотографию, запечатлевшую один из самых важных дней в моей жизни. Это был день, когда мы, наконец, привели Тиган домой навсегда. Мы в гостиной старой халупы, в которой тогда жили. Тиган была робкой и немного испуганной. Она через много прошла за тот год, вероятно, нервничала из-за своего нового дома. Мы с Каем купили ей подарки и пирог, чтобы у нее было с чем играть и чтобы она знала, что она желанный член семьи. Все это на фото.

Наши родители умерли, а штат Флорида хотел отправить Тиган в детдом. Я не мог этого допустить. Я убедил тетку взять ее на время. Суд не отдал ее мне сразу, я пробовал. Для них я был маленьким мальчиком-панком, восемнадцатилетним ребенком, с трудом

работающим неполный рабочий день на минимальной зарплате. Мой незаконный доход не мог быть основанием. Тиган жила с ней около шести месяцев. За это время я сделал все, чтобы убедить суд отдать ее под мою опеку. Для непосвященного человека, это похоже на ее день рождения, но это не так. Это был день, когда мы наконец-то снова стали семьей.

Пейсли вешает фотографию на стену, когда я приближаюсь к ней. Она нервничает, сжимает руки. Моя вина, Тиган наверху, а она одна с человеком, который тыкал в нее пистолетом.

— Ты всегда приветствуешь своих гостей дома оружием, направленным в их сторону, или ко мне у тебя особое отношение?

Пейсли направляется к дивану, давая мне беспрепятственный взгляд на ее задницу. Она стройная, но ее убийственные изгибы цепляют мой взгляд, прежде чем она садится и подтягивает ноги к груди, закрывая обзор на ее грудь. Ее сиськи не такие выдающиеся, как ее задница, но вряд ли они делают ее менее привлекательной. Она достаточного размера, чтобы порадовать мои глаза или любую другую часть моего тела, которая могла бы ей наслаждаться. Я следую за ней на диван и сажусь.

— Ты всегда таскаешься за своей сестрой на заказы или просто надеялась увидеть меня?

Ее лицо меняется, она хмурит брови в ответ на мой вопрос. Рядом со мной ее лицо всегда такое. Она одна из немногих девушек, встреченных мною когда-либо, которая автоматически не играет ту роль, которую они считают, я хочу видеть.

— Я не шлюха. Говорю в последний раз

— Я знаю. Ты ясно дала это понять. Думаешь, меня хотят только шлюхи?

Кажется, я вызвал у нее что-то вроде улыбки на этот раз.

— Ты заигрываешь со мной?

— Я никогда не заигрываю, детка. Если бы я хотел тебя, ты бы уже была моя.

Что ж, ее улыбка исчезает, прежде чем я заканчиваю фразу.

— Ты имеешь в виду, что тебе плевать на согласие девушки или что никто не откажет тебе? Если первое — то ты жуткий тип, а если второе — то ты полный урод.

Кай прав по поводу этой девушки. Она остра на язык, и в моей голове проносятся картины всего, что это язык может сделать с моим членом. Ни одна девушка никогда не говорила со мной, как она. Я угрожал ей пистолетом, а она все еще не сдерживается. Это должно раздражать меня, но действует на меня совсем по-другому.

Я медленно наклоняюсь к ней. Мои движения медленные и преувеличенные, чтобы доказать, что я даю ей возможность сбежать. Я раздвигаю ее колени, чтобы быть еще ближе, пробегаю руками по ее икрам. Мои руки зарываются в ее длинные локоны, прижимая ее лицо к моему. Ее глаза широко открыты, и они смотрят на меня с любопытством, шоком и возбуждением. Я ставлю на все три эмоции, и они мне на руку.

Прежде чем наши губы соприкоснутся, я задерживаю дыхание, оценивая ее реакцию и давая ей последний шанс сказать «нет». Вместо этого ее тело тает в моих руках. Ее дыхание ускоряется, оно касается моей кожи. Я впираюсь в ее губы, и она, не колеблясь, отвечает мне. Она стонет, когда наши языки встречаются. Это жадный и яростный поцелуй. Моя догадка — она выпускает всю свою злость этим поцелуем. Что ж, я не против.

Ее руки на моей шее. Она тянет меня на себя, ее ноги раздвигаются еще шире, давая мне полный доступ к ней. Я углубляю поцелуй, она яростно отвечает, это словно битва наших ртов, языков, губ и зубов. Я прикусываю ее нижнюю губу. То, что начиналось как поцелуй сидя, заканчивается тем, что я лежу на ней, прижимая ее к дивану. Мое тело движет инстинкт, который показывает ей, что она делает меня каменно-твердым. Даже с одеждой, разделяющей нас, она задыхается, осознавая меня между ее ногами.

Со всей силой воли, которую я могу собрать, я поднимаюсь на руки, разрывая

физический контакт между нами.

— Я ставил на то, что ты откажешь, но ты показала, что хочешь меня. Итак, мне нужно еще раз доказывать свою точку зрения?

Она тяжело дышит. В ее возбужденном состоянии, ей требуется несколько секунд для осознания моих слов. Она качает головой туда-сюда, а затем ее рот приоткрывается.

Я подталкиваю ее подбородок пальцем, и она отбрасывает мою руку. У меня вырывается смешок. Ее глаза горят одновременно от гнева и похоти. И все это направлено на меня.

— Слезь с меня

Я поднимаюсь осторожно, стараясь не соприкоснуться кожей. Пусть я покажусь слабаком, но не могу не признать, что в ней есть энергия, которая притягивает меня. Есть целый ряд причин, почему я не должен был ее целовать, но я не мог сдержаться. Я также хотел доказать свою точку зрения и поиграть с ней немного. Я не парень для Пейсли, но я не мог сопротивляться искушению.

Пейсли садится на диване и поправляет одежду и волосы. Я стою перед ней, ожидая ответа, который она бросает на меня.

— Серьезно? Ты псих. Думаешь, что подтвердил, что просто неотразим для всего женского пола, не так ли?

Убийственный взгляд летит в мою сторону. Она пытается скрыть, что я завел ее. Он не работает.

— Я бы так сказал. Разве нет?

Я дарю ей свою очаровательную улыбку, но уверен, что она видит сквозь нее. Очаровательный — это не про меня. Грубый, холодный и бессердечный — более точное описание. Так меня называли многие женщины.

— Я бы сказала, ты начал то, что лучше бы тебе быть готовым закончить.

Она поднимается на ноги и расправляет плечи, в глазах появляется что-то коварное. Если бы она была выше, мы бы столкнулись нос к носу. Эта девушка не позволит мне играть с ней в игры, и это не облегчает давление в моем члене от произошедшего на диване.

Кто-то прочищает горло позади нас, но ни один из нас не нарушает зрительный контакт. Ее усмешка расширяется, и прежде чем она уходит, она оставляет меня с уверенным обещанием.

— Поиграем.

Эта девушка не знает, с кем она играет.

Брэйлин задает вопрос:

— Что это было?

Прежде они выходят за пределы слышимости, я слышу намеренно громкий ответ Пейсли:

— Ничего, с чем я не могу справиться.

Пейсли

Берк сильно смутил меня. Не уверена, что увижу его снова, но я бросила ему вызов. Я даже не знаю правил этой игры. Подозреваю, что с таким парнем, как он, все будет не по правилам. Я должна была догадаться, зачем он поцеловал меня, но как только он прикоснулся ко мне, я не смогла уйти или даже думать здраво. Такая плохая идея. Я проигнорировала все знаки. Я не смогла устоять.

Мои нервы ни к черту. Похоже, что Брэй снизошла до общения со мной. Мы все же пошли на маникюр, но все это время не сказали друг другу ни слова. Это было неловко, даже для двух человек, которые проводят столько времени вместе, фактически не разговаривая, а это то, что происходит с нами большую часть времени.

Что-то в ней изменилось, но я не уверена, что именно.

Красный цвет, украшающий мои ногти, казался подходящим выбором к моему настроению. Он кричит о битве, силе и власти. Каким-то образом я начала войну с могущественным человеком. Конечно, для победы над таким противником потребуется больше, чем лак для ногтей, но, несмотря на мою нервозность, я чувствую смелость. Я выбрала яркий цвет, чтобы соответствовать. Я искала прилива адреналина, перемены — что-то, что встряхнуло бы мою жизнь. Я обнаружила это все в человеке, который вызывает во мне враждебность, противоречие и страсть одновременно.

Берк — это приключение, которого я жажду.

В этом нет смысла, но что есть, то есть.

Как только мы возвращаемся домой, Брэй становится очень серьезной. Я игнорирую ее взгляд, беру книгу и устраиваюсь на диване. Я не уверена, что изменило ее настроение или почему она, похоже, готова спорить со мной, но похоже мы на пороге драмы. Она следует за мной в нашу крошечную гостиную. По ее лицу ясно, что она не может дождаться, чтобы что-то сказать мне. Я вздыхаю и откладываю книгу, обращая на нее свое внимание, так как кажется, что она все равно его потребует. И она переходит прямо к делу.

— Я хочу, чтобы ты держалась подальше от него.

Ладно, я вся во внимании. Брэилин никогда не заботили мои знакомства, кроме случаев, когда она могла извлечь из этого пользу. Например, когда она нуждалась во мне, чтобы составить ей компанию или ругалась со мной по поводу моей социальной неспособности. Она никогда не говорила ни слова ни об одном моем парне. Она завелась из-за этого, будучи даже не в курсе того, что мы целовались, и это вызывает мое любопытство.

— И от кого же мне держаться подальше?

— Ты знаешь, о ком я говорю. Не прикидывайся дурочкой. Берк. Я хочу, чтобы ты держалась подальше от Берка. Поняла, или нужны еще разъяснения?

Ничего себе. Брэй привыкла добиваться своего, но это уже слишком. Мы с ней, возможно, были вместе на протяжении большей части нашей жизни, но я забочусь о себе дольше. Я могла рассчитывать только на себя всю свою жизнь. Это означает, что я способна сама делать выбор, допускать ошибки и все такое.

— У тебя нет никакого права говорить со мной таким тоном или пытаться диктовать то, что я могу или не могу сделать. С чего ты завелась, когда сама трахаешься с его

лучшим другом?

Я поднялась с дивана и подошла к ней. Не в моем характере давать кому-то вытирать об себя ноги, она второй человек сегодня, которому мне приходится противостоять.

— Он платит мне, Пейсли. Это не любовь. Наши отношения — это всего лишь обмен жидкостями. Ничего больше. Это большая разница. Ты дура, если этого не понимаешь.

— Задумайся, Брэй? Ты сама привела этих людей в нашу жизнь. Я ничего не знаю о них. Что с ним не так, раз ты запрещаешь мне видеться с ним?

Брэй вздыхает и зажимает переносицу.

— Он большая проблема, Пейс. Они оба по уши завязли в преступном мире. Они заботятся только друг о друге. У них есть свои тараканы и враги в прошлом и настоящем. Они обращаются с женщинами, как с куклами. Тебе не нужно туда погружаться. Тебе лучше держаться подальше от него.

Ее голос и поведение меняются от авторитарного до умоляющего к концу ее обличительной речи. Она больше не требует, она просит. Я не знаю, хочу ли я прислушаться к ее предупреждениям или проигнорировать их. Понятно, почему она предупреждает меня, но я не знаю, достаточно ли этого, чтобы успокоить бурю, бушующую во мне. Я хочу снова увидеть его. Я хочу снова прикоснуться к нему и хочу оставить за собой последнее слово в игре, которую мы начали сегодня. Это может быть глупо, но я чувствую себя немного безрассудной.

— Я подумаю об этом, но держаться от него подальше просто потому, что ты так сказала, я не собираюсь. Я большая девочка, Брэй. Я могу позаботиться о себе.

Брэй выходит из комнаты, не говоря ни слова. Она хлопает дверью в нашу спальню, и там она остается на несколько часов. Я прокручиваю ее слова снова и снова в голове. Я проигрываю сцену с Берком снова и снова. Мой мозг усиленно работает, обрабатывая все, что произошло сегодня. Берк. Проблема. Этот поцелуй. То, как я ощущала его. То, что я чувствовала, когда он разорвал контакт. Предупреждения Брэй. Ее гнев. Ее требования. Ее просьба. Моя голова кружится. Вопреки всему, что у меня на уме, я все еще не могу не думать о следующей встрече с ним.

Поздно ночью, я слышу, как Брэй выходит из дома, хлопая дверью. Куда, черт возьми, она пошла?

Берк

Мое терпение принесло свои плоды. Это на меня совсем не похоже, но на этот раз сработало. Наконец у нас появилась информация от контакта Кая. Было рискованно рассказывать людям о том, что произошло. Это знак того, что мы уязвимы, но раскрыть карты было просто необходимо. Пришло время получить ответы. Сейчас.

Парень неохотно рассказал ему, что знает, кто ворвался в гараж, устроил там разгром и угрожал нам. Думаю, злоумышленник считал себя очень умным, проделывая фокус с этими глупыми чертовыми куклами. Расплатившись с осведомителем, Кай быстро нашел мудака, привез его в гараж и позвонил мне. Я был там уже через десять минут.

Пришло время закончить всё это к чертям.

В пустом помещении захлопнувшаяся дверь отзывается эхом. Жалкий неудачник привязан к стулу за запястья и лодыжки. Кай кружит вокруг него как лев вокруг своей жертвы, и парень выглядит так, как будто он уже обделался от страха. Кажется, он не такой крутой без своих кукол. Первое, что я делаю, — бью ублюдка прямо в челюсть. Это меньшее из того, что он заслуживает. Его голова откидывается назад от удара. Я выпускаю пар, прежде чем стану ему судьей, присяжным и палачом.

Я поворачиваюсь к Каю.

— Что ты знаешь?

— Бармен из Винченцо слышал, как этот парень хвастался своим приятелям сделанным в гараже, рассказывал им, что он испортил наше дерьмо, что вскоре мы выйдем из дела, как только он «позаботится о нас». Сказал, что он мало знает об этом парне. Он видел его несколько раз, и его зовут Энтони Кармайл.

Кай пристально смотрит на человека, которого я только что познакомил со своим кулаком.

— Я полагаю, ты только что поприветствовал Энтони Кармайкла. Во всяком случае, я пораспрашивал и узнал, что он работает в «Гамби Авто». Просто удача, что Энтони работал сегодня. Я подождал, пока он закончит работу, проследил за ним до дома, схватил и привез его сюда. Он довольно-таки молчалив. Кажется, ему нужен стимул, чтобы ответить на мои вопросы.

Это не сработает. Нам нужно знать, работает ли он один и каковы его мотивы. Мне нужно убедиться, что Тиган в безопасности.

— Думаю, что смогу его замотивировать.

Я разминаю пальцы и плечи, прежде чем отвернуться от Кая и снова взглянуть на Энтони. Чувак, похоже, уже получил пару ударов от Кая. Его левый глаз опух, нижняя губа разбита. У него рыжие длинные светлые волосы, смазка все еще покрывает кожу от работы в автомагазине. Думаю, ему лет сорок. Его грудь и руки покрыты дурацкими черно-серыми татуировками, которые выглядят как тюремные чернила.

Решимость в его взгляде говорит мне, что потребуется время, прежде чем он расколется. Что ж, оно у нас есть. Из кобуры за спиной я достаю пистолет, из штанов вытаскиваю большой карманный нож. Этот парень заговорит, даже если мне придется часами его мучить, чтобы вытащить все из него. Сегодня я, не раздумывая, пересеку линию от жестокости до убийства. Можно поиметь меня на деньги и, вероятно, пережить это, но никто не выживет, угрожая моей сестре.

— Какой был смысл врываться в наш гараж и ничего не взять? Это место было заполнено дерьмом на целое состояние. Зачем уничтожать все это? В чем смысл?

Он молчит, глядя мне в глаза нечитаемым взглядом. Время для стимула. Я передаю свое оружие Каю, затем открываю лезвие в руке. Медленно, я провожу ножом по его щеке. Рана достаточно глубокая, должно быть, она чертовски болит, но недостаточно глубокая, чтобы нанести какой-либо реальный ущерб. Он сжимает зубы, зубчатое лезвие ножа раздирает его кожу. Он старается доказать свою убежденность, сдерживая крик боли. Я отхожу, не теряя времени зря.

— Ты работаешь в одиночку или у тебя были помощники?

И снова в ответ тишина. Чем дольше он молчит, тем больше я хочу его убить. Он теряет всякий шанс на мое раскаяние в содеянном. Быстрым движением я всаживаю нож в верхнюю часть его бедра до упора. На этот раз он кричит. Я отступаю, оставляя нож в его бедре.

— Начинай говорить, иначе будет только хуже.

С этими словами я поворачиваю лезвие в ране. Он кричит. Боль пронзает его кровоточащее лицо. Его глаза наполняются слезами. Я вынимаю нож, а затем быстро всаживаю его обратно в ногу всего в паре сантиметров от первой раны.

— БЛ*ДЬ! Отлично...

Энтони тяжело дышит. Он сжимает зубы. Его кровь заливают пол. Кай наблюдает за нами со своего места.

— Я работаю один, но у меня есть друзья. У вас двоих много врагов. Люди устали от вашей власти на улицах, на которых вы даже не живете, и от вашего контроля. Вы можете убить одного, но на его месте появятся еще трое.

Со злостью в глазах он плюет в мою сторону, практически попадая на мои ботинки. Теперь, когда он говорит, слова срываются с его губ. Кай встает рядом со мной, и мы ждем, что еще скажет нам этот человек.

— Я разгромил ваш гараж, потому что вам нужно преподать урок. Меня не волнуют ваши деньги или ваши побрякушки. Моя цель — предупредить вас о неизбежной судьбе. Ваше высокомерие станет вашим крахом, и твоя шлюха сестра падет вместе с вами. Я сожалею только о том, что не добрался до нее, прежде чем вы меня схватили. Мне бы хотелось услышать, как она кричит мое имя, пока я находился бы внутри нее.

Кай срывается. Он обрушивает на него удар за ударом. Кровь брызжет, и звук избиения отражается эхом в пространстве нашего пустого гаража. Я позволяю ему нанести еще несколько ударов, затем оттаскиваю его. Кай борется со мной, пытаюсь вернуться к избиению, на которое Энтони напросился. Хотя я и хочу, чтобы он заплатил за треп о моей сестре, но я не знаю, достаточно ли у нас информации.

— Кай, успокойся. Еще рано убивать его.

Энтони почти не узнает. Его лицо залито кровью и опухло. Он сплевывает кровь. Ему тяжело держать голову.

— Твой последний шанс рассказать нам все.

Энтони смеется в ответ.

— Вам больше ничего не нужно знать. Я работал один, и мой мотив был прост: пришло время свергнуть вас. Возможно, я не тот, у кого это получилось, но кто-то сможет. Я собираюсь умереть с честью за хорошее дело. Я жертва ради большего блага этого города и его людей. Я умру сегодня с достоинством.

Не задумываясь, я достаю свой пистолет и стреляю ублюдку прямо в лоб. Задаваясь иногда вопросом, каково это — пересечь черту, я не думал, что это будет так. В других обстоятельствах, у меня появилось бы чувство вины, возможно, я бы даже задумался, есть ли у него семья. Сейчас же ничего подобного не происходит. Я не монстр. Дело не в том, что парень уничтожил мои дорогие игрушки. Он угрожал Тиган и говорил о ней таким образом, каким я никому не позволю даже думать. Я уверен в своем решении, потому что это означает, что Тиган в безопасности. Нет ничего такого, что я не сделал бы для нее.

Я поворачиваюсь к Каю, который все еще явно зол. Его трясет от желания продолжать мучить человека, лежащего мертвым у наших ног.

— Что будем делать с телом?

Мои слова, похоже, вырывают Кая из его состояния. Он отводит взгляд от Энтони и смотрит на меня.

— Ты прибираешься. У меня есть брезент и чистящие средства в моем багажнике. Я позабочусь о теле.

Я приступаю к работе над беспорядком, оставленным человеком, которого я убил. Хладнокровно. Без угрызений совести. Ради безопасности нашей семьи.

Пейсли

На следующее утро Брэйлин все еще нет. Ее кровать пуста, машины по-прежнему нет на парковке. Наконец она возвращается в квартиру поздно вечером, но она больше не поднимает тему с Берком, и я, конечно, тоже этого не делаю. Она заперлась в нашей комнате, а я устроилась на диване.

Теперь я работаю в обычную утреннюю смену в закусочной. Я не в настроении играть счастливую официантку и уже перепутала три заказа, уронила две тарелки и даже пролила целый стакан апельсинового сока на бизнес-леди в брючном костюме. Это было не специально, на этот раз. Клянусь. Путаница заказов и неуклюжесть совсем не нормальны для меня. Обычно я могу делать эту работу хоть со связанными руками, но сегодня мои ноги болят, и я подсчитываю минуты до конца моей смены.

Прощаясь с последними клиентами, я слышу, как открывается дверь. Я изо всех сил прошу, чтобы кто бы это ни был, занял не один из моих столиков. Если у меня не будет других заказов, я, вероятно, смоюсь отсюда через двадцать минут. Вот она моя удача — мой столик занимает мой вероятно наименее любимый персонаж. Он еще не в поле моего зрения, но я уже вижу, как обрушиваю на его голову все известные мне ругательства. Могу только мечтать об этом, если я хочу сохранить свою работу. Вздыхнув и натянув на лицо выражение, которое отдаленно напоминает приветливость — лучшее, что я могу сделать — я иду приветствовать гостя.

— Здравствуйте.

И тут я замечаю, кто сидит передо мной.

— Эй. Я не видела, что это ты.

Моя улыбка превращается во что-то более естественное, но я также хочу узнать, будет ли у моей новой гостьи компания. Тиган улыбается так широко, что, если я попытаюсь повторить эту улыбку, то буду выглядеть ненормальной, но для нее она естественная и привлекательная.

— Привет, Пейсли!

В ее голосе я слышу шаловливые нотки, и, хотя я не могу представить Тиган в этой роли, я все же вспоминаю, что она в родстве с человеком, который всю неделю занимает мои мысли. Я возвращаю улыбку, но она не такая уверенная.

— Что будешь пить?

Я не знаю, что еще сказать.

— Просто кофе, пожалуйста.

Пока я готовлю кофе для Тиган, ко мне подходит Карли. Она официантка, которая больше делает вид, чем на самом деле работает. Она молода, вероятно, недавно закончила школу. Она не выглядит человеком, который зависит от этой работы, возможно, через несколько лет ее трудовая этика улучшится.

— Ты почти закончила до того, как появилась новая посетительница. Хочешь, я ее обслужу?

Видимо, мои затруднения не остались незамеченными. Карли едва ли хочет обслуживать свои столы. Никогда не слышала, чтобы она предлагала помощь.

— Нет, все нормально. Я знаю ее.

Карли не отстаёт.

— Ты знаешь Тиган Хенсли? Она твоя подруга? Приехала к тебе? Ты знаешь ее брата?

Выражение лица Карли напоминает те, что я видела на вечеринке. Это то, что превращает разумных людей в безумных фанатов.

— Карли, если ты хочешь поговорить с ней, сделай это. Спасибо, что предложила помощь, но я справлюсь.

Я заканчиваю приготовление кофе для Тиган.

Как только я возвращаюсь в зал, становится ясно, что Карли взяла дело в свои руки и присела за стол Тиган. Она оживленно жестикулирует. Я слышу ее рассказ о том, как однажды она стояла за Берком в очереди на бензоколонку. Тиган очень скучно, как будто ей часто приходится терпеть такие вещи. Как стоять рядом с кем-то на заправочной станции может быть интересной историей?

Я прерываю их.

— Эй, Карли, думаю, двадцать девятый столик тебя зовет.

Карли останавливается в середине предложения. Как будто я только что пнула щенка. *Прости, Карли.* Она уходит.

— Спасибо.

— Нет проблем. Принести тебе что-нибудь перекусить?

— Гм... Нет, спасибо. Я к тебе. Я хотела узнать, хочешь куда-нибудь выбраться?

Тиган, похоже, нервничает.

— Ты пришла, чтобы позвать меня погулять?

Мой голос звучит слишком скептически, даже для моих собственных ушей.

— Я буду честна с тобой. Чаще всего, люди используют меня, чтобы попытаться приблизиться к Берку и Каю. Ты видела, как ведет себя эта девушка. Не говоря уже о том, что весь мой школьный опыт — почти каждая девушка, притворяющаяся моей подругой, только для того, чтобы забыть о моем существовании, как только они переступят порог моего дома и получают доступ к этим двум шутам.

Ее взгляд движется к Карли, которая разговаривает с клиентами за ее столиком.

— Не люблю, когда меня используют, и сама так никогда не поступлю. Я хочу, чтобы ты была моим другом по ряду причин, некоторые из них очень личные.

Тиган начинает загибать пальцы, перечисляя.

— Во-первых, ты кажешься действительно классной девушкой, которую не завораживает и не интригует моя семья, поэтому я не думаю, что ты будешь использовать меня, чтобы добраться до них. Во-вторых, мой брат и Кай отпугивают почти всех, кто мог быть моим другом, а ты их не боишься.

Тиган делает паузу, и озорная улыбка озаряет ее лицо.

— В-третьих, Берк был настоящей болью в моей заднице в последнее время, и я думаю, что дружба с тобой будет раздражать его. Итак, последнее — моя собственная эгоистичная причина.

Это похоже на то, как два школьника впервые становятся друзьями. Думаю, ни у одной из нас нет практики в искусстве построения дружбы.

— Ты думаешь, что наша дружба будет раздражать Берка?

— Честно? Да.

— Тогда я в деле.

Тиган улыбается своей фирменной улыбкой, и я улыбаюсь в ответ, чувствуя себя немного подростком.

Через несколько часов мы с Тиган вошли уже в третий бар и веселились на полную

катушку. Мы заехали ко мне, чтобы я смогла принять душ и переодеться. Я была рада, что Брэй в тот момент не было дома. Она была против моих встреч с Берком, вряд ли она будет довольна, застав в доме его сестру.

Приглашая к себе гостей, я всегда нервничаю, а учитывая то, где живет Тиган, я нервничаю еще больше. Мы с Брэй делим спальню в крошечной квартире. Мы прошли долгий путь от нашего первого места проживания. Эта квартирка удобна и безопасна, если не учитывать опасности, которые приносит Брэй к нашему порогу. Тиган осматривалась, задавала вопросы о моей жизни, моих отношениях с Брэйлин, при этом чувствовала себя как дома. Она сказала мне, что жила в этой части города несколько лет, когда была ребенком. Я узнала, что ее родители умерли, и Берк стал ее законным опекуном, когда ей было десять лет. Не только ее история, но сам Берк очаровали меня.

Тиган вытаскивает меня на маленький импровизированный танцпол в центре этого бара. Я изо всех сил пытаюсь сбежать от нее. Я не умею танцевать, хотя никогда и не пробовала, но она удивительно сильна и решительна.

— Когда растешь в доме с Берком и Каем, ты учишься, как защищать себя. Силовая подготовка — часть этого, и сегодня это мне на руку, чтобы вытащить твою задницу на танцпол!

Я смеюсь над ней.

— Напомни мне, что есть еще одна причина, по которой я хотела бы задушить твоего брата, — кричу я громко, перебивая музыку.

— «Задушить» — это эвфемизм, или твое тайное желание?

Тиган откидывает голову назад. Я не уверена, это начали действовать шоты, или, может быть, я не так умею скрывать свои чувства, как мне хочется верить. Разве это так очевидно, что я полностью очарована им? Желание на моем лице видят все? По-видимому, это так, потому что Брэйлин и Тиган заметили это сразу.

— Расслабься, я вижу, как ты начинаешь грузиться по этому поводу. Женщины очень проницательны. Мужчины — идиоты. Он понятия не имеет, что происходит в твоей голове.

Я выдыхаю с облегчением.

— Почему тогда ты хочешь быть моим другом? Ты говоришь, что люди используют тебя, чтобы добраться до Берка, но до сегодняшнего дня ты, очевидно, знала, что я хочу твоего брата. Итак, зачем все это?

— Есть много причин, по которым ты не похожа на других. Ты хочешь его, не из корыстных побуждений. Во всяком случае, это причина подружиться. Ты задержишься, так что это имеет смысл. Кроме того, мой брат всегда присматривал за мной, и, может быть, настала моя очередь присматривать за ним. Поэтому, будучи твоим другом, я смогу приглядывать за тобой.

— Что ты имеешь в виду — задержусь? Я уважаю все остальное, что ты сказала, но это ставит меня в тупик.

Знала ли она, что я уже поцеловала его? Она читает больше в поцелуе, чем в маленькой игре Берка, которую мы ведем?

— Я хорошо разбираюсь в ситуациях, и я буду доверять своей интуиции. Между вами есть что-то.

— Не обижайся, Тиган, но Берк не производит впечатление того, кто зависает надолго с одной девушкой, и, честно говоря, я тоже не сильна в этом.

Я пожимаю плечами, и Тиган перестает танцевать. Она тянет меня к нашему столику и смотрит на меня, когда мы садимся на места.

— Берк — мудака почти со всеми. Список людей, важных для него, очень короткий — в нем всего два человека. Мы всегда были только троим. Даже когда мои родители были живы, они не были вовлечены в нашу жизнь. Берк может быть мудаком.

Она вздыхает, как будто расстроена тем, что у человека, которого она так обожает, такая репутация.

— Это не то, кто он. Это то, кем ему приходится быть. Он будет делать все, чтобы защитить меня и убедиться, что я живу хорошей жизнью, и я думаю, что это говорит громче, чем то, что он социально неумелый, требовательный и взрывоопасный.

Мне нечего сказать. Я обдумываю эту информацию. Тиган тоже прекращает говорить на эту тему. Берк играет со мной, как будто я приз, но есть ли там нечто большее? Хочу ли я, чтобы было нечто большее? Я считала, что время, проведенное с Берком, будет приключением. Я не могу представить, что это нечто большее. Тиган не позволяет мне долго размышлять, у нее есть планы на еще одну порцию шотов и более легкую беседу.

Это не похоже на то, как мы с Брэй развлекаемся. Мы не говорим, не смеемся и не танцуем. В основном, когда мы проводим время вместе, мы находимся друг с другом только физически. Брэй всегда на охоте, и мы неизбежно идем разными путями. Я могу быть одна, но сегодняшний вечер с Тиган новый опыт и очень приятный. Мне весело.

Ее телефон звонит, и Тиган подходит, чтобы ответить на него. Ей приходится заткнуть одно ухо пальцем и прижать телефон, чтобы пообщаться со звонившим. Тиган хихикает, как школьница, но потом она передает телефон мне.

— Вот, это тебя. Я иду в дамскую комнату.

С недоумением, я беру телефон и смотрю на экран, который гласит: «Брат — Убийца Веселья». Я не могу сдержать смех. Наблюдая отношения Берка и Тиган, и услышав ее слова, я вижу его другим.

Я приветствую ожидающего абонента.

— Привет, убийца.

— Кто это, черт возьми?

Его голос мужественный, и он запускает мурашки вдоль моего позвоночника.

— Обидно, что ты не помнишь меня после всех наших приключений на диване.

Может быть дело в ликере, но мой голос звучит игриво даже для моих собственных ушей. Я не думаю, что могла бы сказать это трезвой, так что это, вероятно, алкоголь.

— Пейсли?

Его тон меняется, и я рада, что в нем больше нет агрессии.

— Единственная и неповторимая.

— Ты с Тиган? В какую игру ты играешь? Неважно. Где вы, черт возьми?

Некоторая горечь возвращается в его голос, когда он пытается понять, как мы оказались вместе. Тиган сказала, что одной из причин, по которым она подружилась со мной, заключалась в том, чтобы раздражать Берка, и я думаю, она была права. Он раздражен.

— Мы у Винченцо.

— Твою мать! Оставайтесь там.

Он вешает трубку, пока Тиган возвращается из туалета.

— Убийца веселья?

Я сомневаюсь в прозвище. Тиган смеется, как будто это самое смешное, что она когда-либо слышала. Как только она успокаивается, то говорит через икоту.

— Берк немного перебарщивает с заботой. Я думаю, что если бы все было по его плану, я бы никогда не покидала дом.

Она задерживает дыхание, пытаясь справиться с икотой. Кажется, это не работает. Не прошло и десяти минут, как Берк прорывается сквозь дверь. Люди перестают делать то, что делают, и почти каждый смотрит на него. Он идет с уверенностью, его язык тела просто кричит: «Не лезь ко мне».

Как только он добирается до нас, гнев вырывается из него.

— Берк! Ты пришел выпить с нами!

Тиган вскакивает со стула и хлопает в ладоши. Она пытается его взбесить, и, честно говоря, это забавно.

— Нет. Я здесь не для этого, и ты это знаешь. Поехали. Детское время закончено.

Тиган одаривает Берка этой своей озорной усмешкой, которую я видела раньше в закускойной, но он не выглядит умиленным ее выходками.

— Ты будешь нашим шофером. Дживс, вези нас домой!

Она теряет равновесие, но Берк бросается к ней. Она даже не падала, лишь немного споткнулась. Наблюдать, как Берк обращается с Тиган — это словно смотреть на совершенно другого человека. Может быть, все вещи, о которых она рассказывала, верны. Может быть, он не так плох, как его репутация. Лает, но не кусает.

— Дерьмо. Сколько вы выпили?

Тиган игнорирует его и выдвигается вперед. Я пожимаю плечами в ответ. Первое правило пьяного клуба — вы не говорите о пьяном клубе. Как только мы выходим на улицу, я понимаю, насколько я устала от долгого рабочего дня. Когда мы приближаемся к стоянке, я говорю.

— Я живу недалеко. Это было весело, Тиган. Надо будет повторить.

Оба останавливаются и поворачиваются, чтобы посмотреть на меня.

— Ты не пойдешь домой пешком так поздно и такой пьяной. Садись в машину. Это не просьба.

Он не собирается слушать мои возражения. Мои ноги двигаются к ним сами по себе, и я запрыгиваю на заднее сиденье машины Берка. Тиган, которая все еще пытается разозлить его, плюхается рядом со мной. Как только мы подъезжаем, я издаю стон.

— Что случилось?

Тиган осматривает темную стоянку в поисках того, что вызвало мое раздражение.

— На самом деле ничего. Этот цветочный горшок в окне означает, что у Стэсси клиент. Все нормально. Я в любом случае сплю большинство ночей на диване. Спасибо, что подвезли.

Я тянусь к ручке двери, но машина движется назад.

— Что ты делаешь?

— Ты не пойдешь туда. Ты пила всю ночь, а в твоей квартире есть какой-то скользкий тип.

Машина выезжает из моего квартала.

— Кай — один из таких. Вероятно, это он там.

— Это не Кай. Я оставил его дома, он зол на Тиган.

На этот раз Тиган стонет. Ей явно не нравится, что завтра она получит двойную порцию нравоучений. Я устала, и у меня нет желания спорить с Берком. Это может быть небезопасно, но это норма для моей жизни. Вместо этого я затыкаюсь и позволяю ему вести. Похоже, сегодня я выплусь.

Берк

Что, черт возьми, случилось сегодня? Я понятия не имею, как мы до этого докатились, но я сбит с толку и раздражен. В чем я уверен, так это в том, что Тиган отталкивает меня. Она бунтует, как будто у нее снова переходный возраст, который в свое время заканчивался плохим выбором для нее и головной болью для меня. Сейчас с ней намного сложнее.

Когда Тиган стала жить с нами, я ничего не знал о воспитании ребенка. Особенно о воспитании девочки. Очень пронырливой девочки. И откуда мне знать? У нас было два сложных момента. Первый — когда она впервые приехала и снова, когда она была в раннем подростковом возрасте. Первый момент был во многом обусловлен моим незнанием того, как обращаться с десятилетней девочкой. Бедный ребенок ходил в школу с не расчесанными волосами и в одних и тех же шортах больше раз, чем мне нравится признавать. Это был процесс обучения, но мы, в конце концов, поняли это. Затем, в тринадцать лет, Тиган начала пытаться прощупать границы с нами. Она бунтовала. Чем больше мы действовали, как пещерные люди с ней, тем больше она выделялась.

Я бы выбрал мятежного подростка, нежели злую двадцати-с-чем-то-летнюю девушку, особенно учитывая то, что на кону сейчас. Сегодня я пытался удержать ее дома часами. А она оказалась у Винченцо — в последнем месте на планете, в котором я хотел, чтобы она была. В том самом баре, где Энтони распускал язык насчет нас.

Конечно, Энтони был мертв, но я не могу сказать, что все его предсказания о нашей гибели не застряли у меня в голове. Если Тиган когда-нибудь навредят, потому что какой-то парень завидует нашему успеху, я наверняка попаду в тюрьму на всю оставшуюся жизнь, а это не то место, где я хочу быть.

То, что там оказалась Пейсли, меня еще больше смутило. Когда неизвестный голос назвал меня «убийцей» сразу после того, как я впервые убил, у меня зашевелились волосы. Какое облегчение я испытал, когда понял, что она просто флиртует. После я вернулся к своему скепсису, пытаюсь понять, как получилось, что Тиган и Пейсли оказались в баре вместе. Сначала я подумал, что Пейсли играет со мной, из-за истории с диваном, но на самом деле я не знал, что думать. Она вытащила мою сестру, чтобы покончить со мной? Она не казалась той, что использует людей, но я не мог понять, как они оказались вместе.

Было уже довольно поздно, когда мы вернулись, поэтому я отнес пьяную задницу Тиган в ее спальню и показал Пейсли, где она может устроиться. С тех пор я не могу заснуть. С той скоростью, с которой мои мысли пробегают по моей голове, я сегодня не засну. Появляются мысли о Пейсли. Ее полные губы вокруг моего члена. Ее сиськи, то, как они выглядят под ее одеждой. Мои руки, рот и язык дразнят каждый дюйм ее кожи. Мое тело просит освобождения. Я завелся как никогда раньше.

Мой член натягивает мои боксеры. Я скольжу рукой по своему стволу, фантазируя о том, как нагибаю Пейсли. Идеальная поза, я вижу все ее сексуальные изгибы. Ее задница заслуживает того, чтобы на нее смотрели, прикасались и шлепали. Мысль о том, что она лежит передо мной или нагибается для меня, почти заставляет меня кончить. Я представляю свои руки на ее коже, чувствуя каждый дюйм ее изгибов, и мое грубое касание, отмечающее ее кожу. Ее тело выгибается и просит большего. Я почти слышу, как она кричит мое имя в полном экстазе.

Образ ее подо мной, готовой кончить, помогает моей разрядке. Мое тело охватывает дрожь, пока моя рука скользит вверх и вниз по моему члену. Мое освобождение мощное, когда я представляю, что ее киска выжимает меня досуха.

Пот льется градом, я тяжело дышу, как мальчишка, впервые дрожащий свой член. Фантазировать о ней, удовлетворяя себя не самая лучшая идея. Легко видеть вещи ясно, как только я уже допустил ошибку. Я не могу трахнуть Пейсли. Во всяком случае, это только усугубит ситуацию. Я хочу услышать, как она кричит мое имя. Я хочу попробовать ее. Я хочу войти в нее настолько сильно, что это разрушает меня. Что-то подсказывает мне, что именно это произойдет, если я когда-нибудь прикоснусь к ней.

Пейсли — девушка, которая заслуживает большего, чем я могу ей дать. Она заслуживает человека, который может дать ей все то дерьмо, которое девушки хотят и в котором нуждаются в отношениях. Я хочу ее больше, чем кого-либо раньше, но что-то глубоко внутри меня говорит мне, что я не могу причинить ей боль. Я не могу дать ей то, что она заслуживает, поэтому мне нужно отстраниться. Кроме того, для нее опасно

связываться со мной. Это означает, что она может пострадать от того заговора, который начался с куклы, с вырезанным именем на ней, и закончится чем-то, что я не могу предсказать.

Убедившись в том, что мой трусы на месте, я спускаюсь вниз за водой, и что ты думаешь? Женщина из моей ночной фантазии также находится на кухне. Она стоит спиной к столешнице, глядя в кухонное окно и потягивает воду из стакана. Увидев ее после того, что я только что сделал, заводит меня. Мне не помогает также то, что единственная одежда на ней — это одна из моих рубашек, которые я ей дал раньше. Она закрывает больше кожи, чем то, что большинство девушек носят на наших вечеринках, но это определенно пробуждает мой голод к ней снова.

Когда я приближаюсь, она отвлекается от окна, и ее глаза встречается с моими. Она играет с подолом рубашки, и я замечаю больше того, чего мне не хватает. Не может быть, что мои грязные фантазии сравнятся с настоящей Пейсли.

— Прости. Я разбудила тебя?

Она ставит стакан воды на стол, и ее тело изгибается мне навстречу. Она маленькая, но ее ноги чертовски сексуальны. Они покрыты загаром. Тем не менее, она самая горячая девушка, которую я когда-либо видел, даже с волосами затянутыми в простой пучок и без макияжа.

— Нет, я не мог заснуть.

Я беру воду из холодильника, стараясь держаться подальше от нее, пытаюсь не смотреть на ее ноги. Она искушение, которому я не могу поддаться. Моей фантазии будет достаточно.

Я еще не наполнил стакан, когда почувствовал, что Пейсли двигается позади меня. Ее маленькое тело в дюймах от контакта с моим, когда она останавливается. С силой, которую я не ожидал, она поворачивает меня к ней лицом. У нее это получилось только потому, что она застала меня врасплох. Тем не менее, она держит дистанцию между нами, смотря на меня с тем же взглядом, который я видел в ее глазах перед нашим первым и последним поцелуем. Ее движения соблазнительны, когда она скользит рукой по моей груди и поднимается на носочки, чтобы приблизить свои губы к моему уху. Ее слова почти ломают мое намерение держаться подальше от нее.

— Нам нельзя спать вместе, только потому, что мы оба не можем заснуть по одиночке. Я слышала, что не спать лучше, когда это делают вместе.

Это игра. Она хочет отомстить за поцелуй. Наш собственный вид извращенных развлечений. Даже если я сдамся, она проделает со мной то, что я уже сделал с ней. Я знаю это, и я все еще хочу взять ее на столешнице и доказать ей, что у нее нет силы воли, чтобы уйти. Что действительно меня останавливает — то, сколько она выпила сегодня вечером.

Вместо этого, желая, чтобы мое тело не реагировало на нее, я отвечаю, нежно отодвинув ее от себя.

— Сегодня поставим нашу игру на паузу.

Ей это не нравится. Она разрывается между тем, чтобы продолжить и сдаться.

— Но почему?

Она изучает мое лицо. В ее глазах обида, которой не было, когда я оборвал наш поцелуй на диване. В тот раз она увидела, что это вызов. На этот раз ей кажется, что я не хочу ее. Она так ошибается, но я не хочу, чтобы она это знала.

— Ты слишком много выпила сегодня.

Улыбка освещает ее лицо. В ее слова возвращается дразнящий тон.

— Я думала, что большой, плохой Берк Хенсли делает, как ему заблагорассудится, берет то, что хочет, и к черту мораль.

Ее рука пробегает по моей груди. Я останавливаю ее движение до того, как ее рука добирается до моего затылка. Это мне не подходит. Я делаю то, что мне нужно для выживания. Я забочусь о своей семье любым возможным способом. Я защищаю свой

бизнес и свое имя в этом городе. Умышленное причинение вреда кому-то невиновному — это не тот, кто я. Я не пользуюсь девушками, не задираю людей, которые не заслуживают этого, и не убиваю ради забавы — независимо от того, что говорит недавняя история.

— Иисусе, Пейсли. Я мудака, но я знаю, что это неправильно.

Я потираю виски. Эта девушка не покидает мою голову, создавая в ней бардак из сексуальных фантазий

— Прости. Я не это имела в виду, — заикается она, когда я возвращаюсь к наполнению своего стакана.

Пейсли остается на месте. Когда мой стакан наполнен, я снова смотрю на нее, делая большой глоток воды и осушая половину стакана.

— У меня есть вопрос, на который я бы хотел получить ответ, — говорю я, когда опускаю стакан и наблюдаю, как она запрыгивает на стол и затем скрещивает ноги, обнажая еще больше кожи для моих голодных глаз.

— Я вся во внимании.

Я откидываюсь назад к прохладному холодильнику, пытаюсь облегчить жар внутри меня.

— Что ты делала с моей сестрой сегодня?

Пейсли вдумчиво делает паузу, а затем откликается.

— Я охочусь за тобой. Мой план состоит в том, чтобы проникнуть в твою жизнь, начав с того, чтобы подружиться с твоей сестрой, а затем в конечном итоге держать тебя где-то в подвале.

Она смеется над абсурдностью своего собственного ответа. Хотя, может быть, это не так уж и далеко от того, что происходит в моей жизни. Она этого не знает. Ее слова заставляют меня напрячься.

— Расслабься, господи! Ты так напряжен. Сегодня Тиган пришла в закусочную и пригласила меня выбраться куда-нибудь. Вот так просто. Она мне нравится. Было весело. Когда ты рядом с ней, ты другой.

Она разжигает мое любопытство своим последним заявлением.

— Что ты имеешь в виду «другой»?

Пейсли, кажется, тщательно подбирает слова, прежде чем ответить, и я не уверен, продумывает ли она каждое свое слово, или она просто вдумчива по своей природе.

— Я не знаю. С другими ты требуешь уважения просто своим присутствием, когда вы вместе с ней, я вижу чистые эмоции в ваших отношениях. Приятно видеть, насколько ты заботишься о ней.

Слишком поздно для этого разговора, и я вообще не планирую делиться чем-то личным с Пейсли.

— Вероятно, тебе стоит подняться и поспать. Я возвращаюсь в спальню.

Не дожидаясь ответа, я разворачиваюсь. Я делаю всего несколько шагов, прежде чем останавливаюсь. Звук разбитого стекла сопровождается криком Пейсли. Я поворачиваюсь и вижу ее с широко раскрытыми от ужаса глазами, не отрывающую взгляда от кирпича посреди пола, окруженного осколками стекла.

— Сходи за Каем. Скажи ему, чтобы он взял пистолет и спустился ко мне. Потом иди к Тиган, запрись в ее комнате. Не выходите, пока Кай или я не придем!

Она стоит, все еще в шоке. Мне нужно, чтобы она двинулась, чтобы я смог начать действовать

— Пейсли! Ты меня слышишь? Иди!

Она кивает, и ее ноги, наконец, отрываются от пола. Не думая, я выхожу на улицу. В темноту. В погоне за неизвестным.

Пейсли

Какого. Хрена. Сейчас. Произошло?

Кирпич, разбивший окно, едва не снес мне голову! Я делаю два шага, а затем останавливаюсь. Я все еще в шоке наблюдаю, как Берк выбегает из дома в одних боксерах. Тревога не покидает меня. Это злая шутка или что-то еще?

Я смотрю на беспорядок из стекла на полу и лужицу крови, собирающуюся у моих ног. Должно быть, я наступила на стекло, но ничего не чувствую. Оглянувшись на блестящие осколки того самого окна, в которое я смотрела, прежде чем Берк спустился вниз, я вижу кирпич, к которому привязан конверт. На нем черным маркером написано имя. *Мое имя*. Я наклоняюсь, чтобы взять его. Не без усилий мне удастся освободить конверт, и потом я роняю кирпич обратно на пол. Прежде чем я открою его, мне нужно найти Кая. Удивительно, что шум уже не разбудил его. Берк выбежал из дома черт знает зачем, а мне нужно ввести Кая в курс дела. Проблема в том, что я не знаю, какая спальня его. Поэтому я решаю найти его самым простым способом, который могу придумать.

— Кай! Кай! Проснись!

Я кричу изо всех сил моих легких.

Я бегу туда, где находится большая часть спален в этом доме, крича, как сумасшедшая. Когда я дохожу до холла, растрепанный Кай выбегает из комнаты справа от меня. В другой ситуации я бы сострила, поскольку он абсолютно голый. Это реванш за мой инцидент с полотенцем, и он происходит в самое неподходящее время.

— Что, черт возьми, происходит?

Кай не кажется смущенным, стоя передо мной в костюме Адама. Он еще не полностью проснулся и стоит передо мной во всей своей красе.

— Кто-то бросил в окно кирпич. Берк погнался за ним.

Я все еще пытаюсь закончить оставшуюся часть моего сообщения, но прежде чем я успеваю что-то добавить, Кай исчезает в своей спальне. Через минуту он появляется в тренировочных брюках, с пистолетом в руках. Он пробегает мимо меня.

Мне нужно добраться до комнаты Тиган. Этих людей пушкой не разбудишь. Как весь этот шум мог ее не разбудить? К счастью, я знаю, где находится комната Тиган, так как я помогала Берку доставить ее туда. На самом деле, я просто открыла ему дверь, когда он занес ее как мешок с картошкой. Когда оба мужчины за пределами дома, я стараюсь как можно быстрее добраться до комнаты Тиган. Страх охватывает меня, пока я пробираюсь в ее комнату и закрываю дверь на замок. Конверт в моей руке жжет мои пальцы. Кто, черт возьми, прикрепил письмо, адресованное мне, к кирпичу, а затем бросил его в окно в доме, в котором я никогда не жила?

Как они узнали, что я здесь или кто я? Что я внутри? Я испытываю желание открыть его и узнать, но мне сначала нужно разбудить Тиган. Я трясусь ее, пока она не начинает шевелиться.

— Тиган, проснись.

Открыв один глаз, она приветствует меня хныканьем.

— Что ты делаешь? У меня ужасно болит голова, и отвратительный привкус во рту.

— Кто-то бросил кирпич в кухонное окно. Берк и Кай пытаются найти его.

Ей требуется несколько секунд, чтобы переварить информацию, она поднимается с кровати, делает шаг, а затем спотыкается.

— Тиган, сядь. Мы ничего не можем сделать, и я думаю, что Берк и Кай прекрасно справляются. Нам там делать нечего. Плюс, Берк приказал нам остаться здесь, заперев дверь.

Я говорю эти слова, пытаюсь ее успокоить, но я сама в ужасе. Я беспокоюсь за этих едва знакомых мне людей. Моя интуиция кричит, что что-то действительно не так.

— Что у тебя в руке?

Вопрос Тиган заставляет меня посмотреть на конверт, который я все еще держу.

— Я не знаю. Он был прикреплен к кирпичу, и на нем было мое имя. Я еще не открыла его. Открыть? Я имею в виду, на нем мое имя, но оно было прикреплено к кирпичу, брошенному в окно вашего дома.

Я не могу остановить свою бессвязную речь, поскольку мой разум обдумывает ситуацию.

Она переводит взгляд с моего лица на конверт.

— Конечно, ты должна открыть его. Сделай это сейчас!

Тиган взбирается на свою кровать, и я следую за ней, садясь на край с тяжелым конвертом в руках. Он относительно небольшой, но толстый, как будто он заполнен чем-то.

Внутри я нахожу еще два конверта и два отдельных листа бумаги. Каждый из них подписан. Первый лист аккуратно сложен и на нем написано «Пейсли», как и самом конверте. Второй лист идентичен первому, за исключением того, что на нем были написаны имена Берка и Кая. Два конверта также обозначены как «Пейсли и Тиган», и «Берк и Кай». Сначала я разворачиваю лист с моим именем на нем. Написанное внутри — зловещее предупреждение, без подписи.

— Думай, с кем связываешься; ты замараешься, как и вся эта компания. Ты можешь стать сопутствующим ущербом.

Тиган читает через мое плечо. Кто, черт возьми, может знать, что я здесь, и угрожать мне? Я игнорирую письмо, адресованное Берку и Каю, так как это не кажется правильным читать его, я сразу открываю конверт с нашими с Тиган именами. Внутри находятся десятки фотографий. На каждой из них либо Тиган, либо я, либо мы обе вместе. Вот Тиган садится в машину, я предполагаю, это утро. Тиган на стоянке закусочной. Мы с ней разговариваем внутри. Мы заходим в мою квартиру. На еще одной мы заходим в бар и на нескольких — мы в баре.

Это просто жутко. Кто-то следил за нами весь день и фотографировал нас. В доме ужасающая тишина, и знание того, что за нами следили весь день, действительно пугает. Я покрываюсь мурашками. Тишина давит на мои нервы. Я хочу, чтобы Тиган что-то сказала, чтобы объяснила это. Тем не менее, когда я смотрю на нее, ее лицо — это мириады тех же эмоций, что я чувствую — шок и страх.

— Открываем другой конверт?

Я хочу знать, что внутри, но мой страх, похоже, удерживает меня. Тиган отвечает без колебаний.

— Да, мы его откроем! Открывай его прямо сейчас!

Я разрываю конверт, адресованный Берку и Каю. Опять же, внутри фотографии, и я медленно их переворачиваю.

На первых десяти или около того фотографиях Кай. Кажется, что они были сделаны в разные дни, потому что он в разной одежде. Вот он в спортзале, на пороге моей квартиры, в том самом баре, где мы были сегодня вечером, разговаривает с барменом, а затем паркуется возле автомагазина. На следующих нескольких фотографиях Берк, и они похожи — у дверей того, что я предполагаю, его тату-салон, на заправке, и есть даже у моего дома, должно быть, был снят в тот день, когда он искал Кая. За ними следят, и, похоже, уже не первый день.

Фотографии становятся все более зловещими. Во что я впуталась? Есть фотография Кая, на которой он борется с мужчиной, я бы сказала, что Кай пытается затащить его в свою машину. Фотография Кая привязывающего этого человека к стулу в большой пустой комнате. Следующее изображение показывает, как Кай наносит удары по беспомощному человеку. Следующие несколько фотографий показывают, как Берк мучает этого человека кулаками, а затем ножом. Я задыхаюсь от жестокости, изображенной на фото. Я неохотно продолжаю просматривать фотографии.

Берк направляет пистолет на голову мужчины.

Следующее фото.

Человек на полу, после выстрела. Берк над ним с пистолетом, все еще направленном на него.

Следующее фото.

Берк и Кай заворачивают человека в брезент.

Следующее фото.

Они засовывают тело в багажник Кая.

Следующее фото.

Берк очищает пол от крови.

Следующее фото.

Кай тащит труп, завернутый в брезент в лес.

Я ошеломлена.

Я в доме хладнокровных убийц. Мне стоит бежать? Даже когда ребята вернутся, я все еще в опасности. Я не знаю, кто бросил кирпич в окно, но знаю, что я в доме людей, которые убили человека и спрятали труп, и теперь я знаю об этом. Они позволят мне уйти?

— Пейсли...

Тихий голос Тиган полон беспокойства. Я сожалею о своей новой дружбе с ней. Я не отвечаю ей. Я не уверена, что могу. Кроме того, что, черт возьми, я должна сказать?

— Пейсли, что бы ни было на фото, это не может быть тем, чем кажется. Я могу понять, что ты действительно волнуешься, но, пожалуйста, поверь мне. Должно быть какое-то объяснение. Это не то, кто они. Пожалуйста, Пейсли, успокойся.

— Какое ты можешь придумать объяснение для убийства человека, привязанного к стулу?

— Это выглядит плохо, но они никому не причинят вреда, если это не будет абсолютно необходимо. Нам угрожают. Это должно иметь какое-то отношение к этому. Подумай об этом, Пейсли. Мой брат и Кай — не плохие парни. Сегодня кто-то следил за нами весь день и бросил в окно кирпич. Есть что-то большее в этой истории. Должно быть. Что в письме?

Я не собиралась читать его, но мне нужна вся информация, которую я могу получить. Дрожащими руками я разворачиваю его.

— Похоже, вы оба были заняты в последнее время. Плутовка сестра. Длинноногая рыжая шлюха для Кая и новая игрушка для Берка. Мертвое тело. Что мне использовать в первую очередь?

Кто-то пытается уничтожить эту семью. Вопрос в том, заслуживают ли они этого? Меня предупреждают держаться подальше. Похоже, я уже слышала это предупреждение раньше и проигнорировала его. Знание всего этого заставляет меня чувствовать себя в ловушке. Как любая из сторон позволит мне жить моей жизнью со знанием всей этой информации? Оставит ли Берк меня в покое, со знанием, что он убил человека, и Кай помог ему скрыть это?

— Кто-то хочет уничтожить мою семью. Ты это понимаешь. Пейсли, пожалуйста. Я понимаю, как эта ситуация выглядит, но это не то, чем кажется.

Дверь хлопает, а вслед за ней я слышу шум криков и проклятий. Я застываю на месте, не зная, что делать. Я могу разобрать голос Берка, а также Кая, но есть голос

другого человека, который я не узнаю. Все трое кричат, что делает невозможным понять, кто что говорит. Безумие внизу длится еще несколько минут, а затем я слышу шаги в нашем направлении. Раздается стук в дверь.

— Тиган, это я, Берк. Впусти меня.

Тиган встает с кровати и подходит к своей двери. Я тоже встаю. Фотографии разбросаны по всему полу вокруг меня. Я не знаю, что ждет меня на другой стороне этой двери.

— Тиган, нет. Не открывай.

Я задыхаюсь. Она не слушает меня. Это ее брат. Она преданна ему. Когда она подходит к ручке, то отвечает.

— Все будет хорошо. Я обещаю.

Когда она открывает дверь, Берк входит, его глаза пробегают по комнате, прежде чем вернуться к Тиган. Он смотрит на нее, словно хочет убедиться, что она в порядке, а затем он делает то же самое со мной. Затем его взгляд падает на фотографии, разбросанные повсюду. В его взгляде жесткость. Я хочу бежать, но Берк загораживает выход. Он проходит в комнату, смотря на меня так, словно я бомба, которая вот-вот взорвется. Я хочу выбраться отсюда. Но это просто нереально.

Тиган спрашивает:

— Ты поймал его?

Не отрывая глаз от меня, он отвечает:

— Да.

Это, должно быть, третий голос внизу. Человек, который хотел, чтобы я нашла этот конверт, полный доказательств. Все еще двигаясь ко мне, Берк адресует мне следующий вопрос.

— Пейсли, что сейчас происходит в твоей голове?

Я не отвечаю ему, мои глаза мечутся между ним, Тиган и дверью. Я в ловушке. Это то, что происходит у меня в голове.

— Пейсли, я вижу, что ты паникуешь. Позволь мне объяснить. Сядь, давай поговорим спокойно. Ты в безопасности. Я не причиню тебе вреда.

Его слова и его тон успокаивают. Я хочу ему верить. Но здравый смысл кричит мне этого не делать. Он говорит мне, чтобы я выбиралась оттуда и, не оглядываясь, бежала в ближайший полицейский участок искать у них защиты.

Берк приближается. Мне нужен план. Я буду сидеть и слушать, или я попытаюсь сбежать? Когда он находится всего в нескольких футах от меня, я делаю попытку ускользнуть от него. Конечно, это глупо. Я не выйду из этой комнаты, он поймает меня, но я должна попробовать.

Это почти смешно, как быстро он хватается за меня и перебрасывает через плечо, и если бы я так не была так напугана, то рассмеялась бы. Вместо этого я болтаю ногами, бью его по спине. Я кричу так громко, как позволяют мои легкие, когда Берк выносит меня через дверь, по коридору и в другую комнату. Войдя внутрь, он бросает меня на кровать и уходит, закрывая дверь снаружи.

Я осматриваю комнату в поисках выхода, нахожу окно, в которое я легко впишусь. Однако меня смущает второй этаж. Я спрыгиваю с кровати и бегу к окну. Это требует некоторых усилий с моей стороны, но мне удается открыть его. Прежде чем я даже попытаюсь выбраться, дверь позади меня открывается, и Берк возвращается в комнату.

Его руки полны содержимого из конверта. Моя слабая попытка побега, похоже, его забавляет, потому что он пристально смотрит на меня с весельем, сверкающим в его улыбке, когда он кладет то, что в его руках, на кровать.

— Подойди сюда, Пейсли, и закрой окно. Ты не будешь прыгать. Я сказал тебе, что ты в безопасности. Сядь.

Я снова смотрю на землю из окна и решаю, что мне, вероятно, придется рискнуть с Берком. Я не смогу сбежать, выпрыгнув из окна. Я закрываю его и сажусь за письменный

стол, а Берк просматривает фотографии и бумаги, разбросанные по кровати.

Надеюсь, он говорит правду, что он не причинит мне вреда, потому что я не знаю, во что верить.

Берк

Я прошу Тиган проверить Кая и убедиться, что он справляется с ситуацией внизу. Уверен, у нее много вопросов к нему после этих фотографий, но я должен разобраться с Пейсли. Последнее, что я хочу делать, — это посвящать ее во все это. Но у меня нет выбора. Кажется, я должен, чтобы она поняла, что происходит. Она не может уйти. Ей сказали, что она сейчас в комнате с убийцей. Она пойдет прямо в полицию. Кто бы не пошел на ее месте?

Я думал, что все закончилось с убийством Энтони. Я не знаю, во что верить. Это все связано или совпадение? Второй человек, привязанный к стулу за слишком короткий промежуток времени, возможно, это закончится еще одним убийством. Здесь должно быть что-то большее, чего я пока не вижу. Шаг за шагом. Мне нужно убедить Пейсли не сдавать нас. Ее нужно убедить, что мы меньшее из двух зол.

Мои глаза падают на фотографию со мной, прямо перед тем, как я нажал на курок и закончил жизнь Энтони. Я не жалею об этом. Нисколько. Но мне противно свидетельство того момента. Я бы сделал это снова, если бы пришлось, потому что я сделал бы все, чтобы Тиган была в безопасности. Только сейчас я должен выяснить, как убедить Пейсли, что я не монстр, которым меня делают эти фото.

Отводя глаза от глянцевой фотографии, я поворачиваюсь к Пейсли и задаюсь вопросом, что происходит в ее голове. В ее глазах страх. Ее руки дрожат, и ее дыхание неровное. Она видит меня насквозь. По крайней мере, она знает правду, поэтому мне не придется сопротивляться искушению. Пейсли не позволит кому-то, кто сделал то, что я сделал, приблизиться к ней. Грязный трах не для этой девушки, а это все, что я могу ей дать.

Мы смотрим друг на друга в моей тускло освещенной спальне. Я не знаю, что сказать, чтобы исправить это. Я должен заставить ее понять. Я ищу с чего начать, но Пейсли опережает меня.

— Ты убил его? Парня на фото?

Она не ходит вокруг да около. Отодвигая несколько фотографий в сторону, я сажусь на край кровати, чтобы посмотреть ей в глаза, прежде чем ответить.

— Да.

Я позволю ей вести в разговоре, пока пытаюсь ее прочитать.

— Ты убил парня, который сегодня бросил кирпич через окно?

Ее руки все еще трясутся, но в ее глазах появляется уверенность. Она не хочет, чтобы я видел ее страх. Я не могу не гордиться ею за это. Она сильная.

— Еще нет.

Она даже не вздрагивает от моих кратких ответов. Я не могу прочитать ее.

— Но ты собираешься?

— Скорее всего.

Она прекращает дрожать, и кажется, что она собирается для своего следующего вопроса.

— Ты меня убьешь?

Она сидит совершенно неподвижно, в ожидании моего ответа.

— Нет, Пейсли. Я же сказал, что не причиню тебе вреда. Но нам нужно выяснить, что *нам* дальше делать, потому что я не могу позволить тебе идти в полицию.

— Что, если я скажу, что в любом случае пойду прямо в полицейский участок?

— Я не знаю. Я не так детально продумал свой план. Плана вообще нет, так как я не подозревал, что это произойдет, но я должен сделать все возможное, чтобы защитить Тиган. Я надеюсь убедить тебя, что я не самый плохой парень.

— Эти люди он угрожают Тиган?

В его глазах наконец-то появляются эмоции. Пэйли нравится моя сестра. Я понимаю. Нетрудно поверить, учитывая, что Тиган — это моя слабость. Одна ночь с моей сестрой — все, что нужно, чтобы у них появилась связь.

— Я предполагаю, что человек внизу — это пешка или приманка. Он не тот, кто напрямую угрожает Тиган. Но да, кто-то угрожает ей, а также мне и Каю.

В ее глазах плещутся эмоции. Она пытается выглядеть уверенно, но она не может скрыть от меня ничего. Я знаю, как повлиять на нее.

— Почему?

Именно это мне и интересно. Я не могу ответить, я просто не знаю. Если бы я знал, то был бы на шаг ближе к пониманию ситуации.

— Я не знаю. Все, что у меня есть, — это факты, которые мне предоставили.

— Тогда расскажи мне факты. С самого начала. Ты говоришь, что убил. Что собираешься убить снова и просишь меня доверять тебе. Понимаешь, почему мне это трудно осознать?

— Да. Понимаю.

Конечно, да, но мой мир черно-белый. Ненавижу, что полностью вовлекаю ее в этот бардак, рассказывая ей все подробности, но это, по-моему, единственный вариант. Я понятия не имею, какой будет план Б, если я не смогу убедить ее. Попав в тюрьму, это помещает мне защитить мою сестру, я просто не могу этого сделать.

В течение следующего получаса я рассказываю Пейсли о том, что случилось, что привело к сегодняшнему дню. Я рассказываю ей о взломе на складе, разрушении и куклах. Она спрашивает меня, почему я не пошел в полицию. Я мог бы что-то сделать, но я рассказываю ей о незаконном бизнесе. Я рассказываю ей о разговоре с барменом в том месте, где она была несколько часов назад, и как Кай обнаружил, где работает Энтони. Я рассказываю ей, как мы допрашивали его и как он рассказал нам все. Я говорю ей, как Кай и я преследовали этого парня сегодня вечером, и что он внизу, привязанный к стулу, возможно, Кай сейчас его допрашивает.

Я наблюдаю за ее глазами на протяжении всего моего рассказа об этих событиях. Она чувствует сострадание, но она также разрывается между тем, что хорошо и что плохо. Я неправильно понимаю ситуацию? Да, по стандартам общества я преступник. Я не могу пойти в полицию и сказать, что кто-то ворвался в мой незаконный бизнес, разрушил все мои украденные товары и угрожал моей семье. Это закончится для нас с Каем тюрьмой, и Тиган останется беззащитной.

Когда я заканчиваю свое объяснение, Пейсли перемещается на кровать, теперь она сидит на расстоянии вытянутой руки от меня. Я воспринимаю это как знак, что она больше не беспокоится о своей безопасности. Надеюсь, это означает, что наши секреты в безопасности с ней.

— Я понимаю, Берк. Мне это не нравится, но я понимаю.

Ее рука двигается к моему плечу. Она успокаивает меня своим прикосновением, и я понимаю, что победил. Черт возьми, но этот простой жест заставляет меня хотеть бросить ее на спину и трахнуть ее семью разными способами. Больше, чем когда-либо, но я не

могу этого сделать. Трахать девушку, которая знает все скелеты в вашем шкафу, — это плохая идея. У нее есть рычаги. Она слишком много знает.

— Значит ли это, что ты не собираешься сдавать нас?

Это не то, к чему я привык. Я привык требовать то, что хочу, и брать то, что мне нужно. Сейчас же я чувствую, что все козыри у нее в руках.

— Нет. Не собираюсь.

Она хочет спросить что-то еще, но нервничает. Я сижу и жду, пока она наберется смелости.

— Я в опасности? Кто-то следил за мной. Конверт был адресован мне. Они знают, кто я.

Это то, о чем я тоже спрашивал. Я хотел бы сказать, что если она будет держаться подальше от меня и моей семьи, они оставят ее в покое. Но кто-то ввязал ее в это. Не уверен, что могу ей это обещать.

— Я не знаю ответа на это. Я не знаю, какие у них мотивы. Мое мнение, да, ты в опасности. Особенно после сегодняшнего.

Она не отвечает, а глаза опускаются, я не понимаю, что она чувствует. Она смотрит на свои руки на ее коленях. Я тоже не знаю, что сказать.

— Черт, Пейсли!

Моя вспышка пугает ее, она вскидывает голову. В ее глазах слезы, но она не позволяет им пролиться. Я не могу поверить, что все это из-за меня.

— Ты истекаешь кровью! Какого черта?

На ее ногах кровь и пол запачкан. Как я раньше не заметил крови?

— О, я наступила на стекло. Я даже не почувствовала. Правда, сейчас мне немного больно.

— Оставайся там. Я скоро вернусь.

Я иду за пинцетом, антисептиком и бинтами. Когда я открываю дверь в спальню, я слышу, как Кай внизу допрашивает парня, которого мы поймали, и я надеюсь, что Тиган не смотрит на это. Я уверен, что это не самое красивое зрелище. Надеюсь, Кай получит больше ответов от этого парня, чем от Энтони. Когда я возвращаюсь к Пейсли, то оставляю дверь незапертой, чтобы она знала, что она не пленница. Глупо или нет, я ей верю, когда она говорит, что она не сдаст нас.

— Вернись на кровать.

Пейсли делает, как я прошу, позволяя мне положить ее ноги мне на колени. В каждой ноге несколько кусочков стекла, но ничего серьезного. Мне нужно сосредоточиться на задаче, потому что вид ее в моей рубашке, лежащей в моей постели, снова пробуждает мои фантазии. Она немного вздрагивает, когда я извлекаю стекло, но она сильная, не жалуется и не скулит. Я удаляю последний кусок, а затем обрабатываю порезы антисептиком. В дверь стучат, и заглядывает Кай. Он смотрит на меня, потом на Пейсли.

— Она в порядке? — он заходит, задавая вопрос.

— Да, она в порядке. Просто порезалась. Забери все это и посмотри на содержимое.

Кай говорил с парнем внизу, поэтому он даже не знает про конверт. Он тщательно подбирает все и быстро понимает, что к чему. Он просматривает фотографии и читает письма. Когда он заканчивает, то снова смотрит на Пейсли. Ее тело напрягается.

— Все улажено?

Он задает мне этот вопрос, но он все еще смотрит на Пейсли. Интересно, может ли он видеть ее эмоции так, как вижу их я.

— Все в порядке. У тебя там все хорошо?

Его глаза оставляют Пейсли, и он, наконец, смотрит в мою сторону, бросая фотографии и письма поверх шкафа справа от него. Сегодняшний день был для него нелегким; Кай выглядит уставшим.

— Не совсем, парень молчит. Сегодня я не могу больше. Я убедился, что он надежно

привязан к стулу. Он в кабинете, там нет окон, и я запер дверь снаружи. Он пробудет там до утра. Я заткнул ему рот, чтобы он не мог кричать.

Хотя я не чувствую себя действительно комфортно, оставляя его в доме с Тиган, у меня нет большого выбора. Нам нужно, чтобы он заговорил, а вывезти его за пределы дома пока невозможно. Это было бы слишком рискованно. Надеюсь, ночь заставит его дать нам некоторую информацию завтра.

— Хорошо. Сделай мне одолжение, побудь в комнате с Тиган сегодня. Я не хочу, чтобы она оставалась одна с этим парнем в доме.

Я знаю, что последнее, что Кай действительно хочет сделать, это спать на полу, когда его собственная кровать находится в его комнате, но он это сделает. Не потому, что я попросил, а потому, что он заботится о Тиган.

— Конечно. Сначала я должен позаботиться об этом окне. Утром его нужно будет починить, но нужно закрыть его на ночь. Кроме того, мне нужно убрать с пола стекло, чтобы никто больше не порезался. Увидимся утром.

Кай уходит.

— Мне наверно тоже пора спать.

Пейсли пытается убрать ноги с моих коленей, но я хватаю ее за лодыжки. Я — та причина, по которой она застряла в этом, и мне нужно убедиться, что она не будет убита во сне.

— Ты останешься в этой кровати. Ты не будешь спать одна, пока этот парень в доме.

— Ты уверен?

— Да, забирайся под одеяло и двигайся. Я не собираюсь спать на полу. Я лягу ближе к двери.

Она двигается, освобождая мне место. Я присоединяюсь к ней. Я устал, но я все еще смотрю в потолок и переживаю сегодняшние события. Надеюсь, Тиган перестанет бунтовать, после того, как она увидела своими глазами, насколько все серьезно.

— Я боюсь.

Я смотрю на Пейсли. Она поворачивается лицом ко мне. Она выглядит такой маленькой, свернувшись в клубочек в моей постели.

— Кай удостоверился, что парень не сможет освободиться. Все будет хорошо.

Я поворачиваюсь к ней. Момент близости, и это не то, что я когда-либо ощущал в своей жизни раньше.

— Не того, что он в доме. Просто боюсь. Из-за всей этой ситуации.

— Мы разберемся с этим, но не сегодня. Спи, завтра я решу, то делать дальше.

Она смотрит на меня со страхом в глазах, и я двигаюсь к ней. Моя рука гладит ее по волосам успокаивающим движением, мои пальцы пробегают по ее шее и спине. Физический контакт, похоже, успокаивает ее, поэтому я опускаю руку на нее, закрывая глаза.

— Когда в последний раз в твоей постели была девушка, с которой ты не занимался сексом?

Ее голос сонный. Она скоро заснет.

— Никогда, в этой постели вообще ни разу не спала девушка, независимо от того, трахал я ее или нет.

Пейсли не отвечает, и вскоре ее дыхание выравнивается, говоря мне о том, что она заснула. В моих руках. Кто бы мог подумать, что это будет окончанием настолько испорченного дня?

Пейсли

Утро мучает меня. Меня преследует кошмар более явный, чем когда-либо прежде. Впервые я чувствую, что у меня появились реальные подсказки. Хотя события в темнее, чем обычно, и меня трясет от пережитых эмоций, часть меня хотела бы, чтобы я увидела больше. Любой нормальный человек захотел бы избавиться от кошмаров. Это и моя конечная цель, но мне нужно больше частей паззла, чтобы они исчезли из моей жизни навсегда.

Тьма окружает меня. Знакомая тьма. От этого мне не становится легче. Вместо этого я чувствую, как задыхаюсь. Меня окружают белые стены. Ни окон, ни света. Это просто небольшая комната с предметами первой необходимости и этой чертовой цветочной росписью на стене.

Впервые я слышу крик. Мужчина кричит на женщину, она всхлипывает и умоляет. Мой мозг отмечает, что я сплю, как это всегда бывает во время этого кошмара, но он кажется более реальным, чем когда-либо. Я чувствую панику, как будто я действительно участвую в этой сцене. Я никогда не могла заставить себя проснуться, надеюсь, так будет и в этот раз, ведь я, наконец, получаю еще одну подсказку.

Слова мужчины трудно понять. Звук искажен, но я слышу враждебность в его тоне. Некоторые слова проходят через завесу, и я слышу явно разгневанного человека. Такие слова, как «илюха», «золотоискательница», «унижение» и «бесполезная», проникают в мое сновидение. Когда голос человека становится громче, мой собственный страх растет. Во сне я концентрируюсь на цветах на стене. Но внутри, часть меня, которая полностью осознает, что происходит, кричит, чтобы я сосредоточилась на том, что происходит за пределами комнаты, где я застряла в ловушке.

— Пейсли!

Что-то происходит. Похоже, разбилось стекло, я слышу звук предметов, брошенных в стену. Женщина замолкает, меня бросает в холод. Человек все еще кричит, его злость растет с течением времени. Я больше не могу разобрать ни единого слова.

Во сне я не двигаюсь. Даже на дюйм. Моя паника, как и все, что происходит вокруг меня, становится более злоедей. Моя грудь поднимается и падает с тревожным, ускоряющимся темпом, здесь слишком мало воздуха. Моя голова тяжелеет, кружится, хотя я не поднимаюсь с пола, на котором всегда оказываюсь во время этих ночных видений.

— Это сон. Это просто сон.

Я чувствую запах дыма, скоро он заполнит мои легкие, и я начну задыхаться. Мужской голос затихает, и звуков ссоры больше нет. Дым заполняет темную комнату, и мое тело, наконец, отрывается от пола, чего никогда не случалось ни в одном из моих кошмаров.

Через темноту и растущий дым я нахожу путь к единственной двери в комнате. Единственный выход, до которого, как бы я ни хотела, чтобы мое тело двигалось, я не могу дотянуться. Почему-то эта дверь страшнее, чем все, что происходит в комнате. Прикосновение к ручке обжигает мою руку, и я осознаю, что мой единственный выход

меня не спасет.

— Пожалуйста... Пейсли. Пожалуйста, проснись. Ты в порядке. Я с тобой.

Глоток чистого, не задымленного воздуха вытаскивает меня из кошмара. Комнаты больше нет. Пытаюсь выровнять свое дыхание, я понимаю, что мне угрожает реальная опасность. Тем не менее, я чувствую себя в безопасности, пока Берк умоляет меня проснуться, убеждая меня, что я в порядке. Я снова закрываю глаза, прежде чем он узнает, что я проснулась.

Во что, черт возьми, я ввязалась? Мое детство было наполнено хаосом и насилием, и, похоже, я как-то бессознательно стремлюсь к этому и в моем настоящем. Проблема в том, что, в то время как я, не оглядываясь, должна бежать с места преступления, я все же чувствую, что мое место здесь. С Берком. С этими людьми.

Пот пропитывает мою рубашку, мурашки страха все еще покрывают мою кожу. Мои мышцы болят от напряжения. Когда мое дыхание возвращается в норму, я стараюсь понять, что произошло и что это значит.

— Что это было, Пейсли?

Мое тело снова напрягается. Как я что-то могу объяснить кому-то еще, когда у меня самой нет никаких объяснений? Я надеялась, что смогу выиграть немного времени, чтобы разобраться с этим, притворяясь спящей. Его хватка усиливается. Человек, который проявил себя жестоким, напряженным и пугающим, успокаивает меня одним своим присутствием. Все мои инстинкты подвергаются сомнению, когда я прижимаюсь к нему сильнее.

— Я слышала, как ты пытался разбудить меня. Твой голос проник в мой сон и попытался вытащить меня из кошмара.

Я шепчу, но знаю, что он слышит меня так же ясно, как я могла слышать его в ловушке той комнаты.

— Я волновался. Похоже, у тебя была паническая атака во сне.

Со всем, что мы переживаем после того, что произошло прошлой ночью, паническая атака во сне кажется наименьшей из наших забот. Сейчас стоит побеспокоиться о связанном человеке внизу. Забавно, что я мечтаю быть запертой в комнате, в то время как человек, который меня утешает, держит пленника взаперти.

— Ты не думаешь, что я заслуживаю немного честности? Я вчера вечером признался, что убил человека.

Неловкий смехок срывается с его губ.

— Это не смешно.

Хоть я и понимаю ситуацию, в которой он находится, шутка кажется чересчур грубой. Я вижу в его глазах, что он не бесчувственный. Поэтому я не знаю, принимать ли во внимание его бездушные слова. Равнодушие — это то, как он справляется с ситуацией.

— Часть меня хочет, чтобы я смогла все объяснить, но я не знаю, как это сделать. Другая часть хочет, чтобы я скрывала это, чтобы никто не мог понять, насколько я растеряна.

Правда, которую я никогда не говорила вслух раньше, подавляет меня и делает уязвимой.

— Быть сломанным — это ощущение... не черта характера. Это не определяет тебя, Пейсли.

Его слова больше, чем я могла надеяться, но они не могут преодолеть моих убеждений относительно себя. Для этого потребуется больше, чем несколько добрых слов от мужчины. Берк откидывается назад, все еще обнимая меня. Он пытается убедиться, что его слова достигли цели. Его пальцы выводят круги на моей спине, и я нахожу утешение в его прикосновении. Как это может быть тот самый человек, который планирует пытать человека сегодня?

— Попробуй мне это объяснить? Это из-за прошлой ночи?

Я вздыхаю, пытаюсь распутать клубок моих мыслей так, чтобы сформулировать ответ.

— Нет. Это не о прошлой ночи. У меня кошмары. Почти каждую ночь. Обычно они всегда одни и те же. Я заперта в темной комнате в полном одиночестве. На самом деле ничего страшного не происходит, но меня всегда охватывает жуткий страх и паника.

Я не рассказываю о росписи, потому что это не кажется важным. И это слишком личное.

— На этот раз все было по-другому. Было больше деталей. Я слышала голоса. Кричащий мужчина, плачущая женщина. Громкая ссора, комната начала заполняться дымом. Впервые я активно пыталась выбраться из комнаты, но обнаружила, что застряла. Вот тогда я и проснулась. Я вижу тот же сон, каждую ночь, с тех пор, как я себя помню, и мне всегда казалось, что мое подсознание пытается мне что-то сказать. Проблема в том, что я понятия не имею, что именно.

— Думаешь это воспоминание?

Я всегда думала именно так. И я не знаю, действительно это воспоминания или я слишком часто видела это кошмар, что все кажется таким настоящим.

— Я не знаю.

Закончив с этим разговором, я снова прячу свое лицо на груди Берка. Надеюсь, ему достаточно моих ответов, потому что я больше не хочу обсуждать эту тему. Интенсивность этого сна, состояние паники после пробуждения, и то, что я впервые с кем-либо этим поделилась, эмоционально истощили меня.

Брэйлин знает про мои кошмары. Невозможно скрыть что-то подобное от того, с кем делишь комнату, но я никогда не рассказывала ей, о чем они. Когда мы были маленькими, она старалась меня успокоить, нельзя было будить нашего приемного отца, ничем хорошим это бы не закончилось. Я всегда чувствовала себя виноватой, не рассказывая ей, тогда как она была единственным человеком, помогающим мне скрыть последствия, но я не достаточно доверяла ей. А она никогда не задавала вопросов.

Берк снова отрывает мое лицо от своей груди. Я чувствую себя побежденной, он не позволит мне замять эту тему. Я собираюсь сказать, что мне нужно время, когда он застает меня врасплох, целуя меня с силой, которая выбивает воздух из моих легких. Его поцелуй действует так, как ни один другой до него. Чувствуя его губы на своих, и его язык, совершающий чувственные движения, я забываю и о кошмаре, и о запертом внизу мужчине, и о человеке, который ввязал меня в какую-то болезненную игру.

По мере того, как наш поцелуй становится глубже, меня охватывает ощущение власти — я получу то, что хочу. Я хочу, чтобы этот мужчина меня боготворил. Кажется, он читает знаки моего тела. Он разрывает наш поцелуй и переворачивает меня на спину, оставляя меня задыхающейся от быстрой смены позы и от его взгляда. Его грудь вздымается от напряжения. Его глаза смотрят на меня так, будто я самая сексуальная женщина, которую он когда-либо видел. Его бедра прижимаются к моим, тонкая ткань боксеров не может скрыть его возбуждения. Его глаза пробегаются по моему телу, когда он срывает с меня свою рубашку.

Я остаюсь в лифчике и трусиках. Его возбуждение растет. Берк дотрагивается до моей груди с той силой, которую я жажду. Он расстегивает мой бюстгальтер, я выгибаюсь, чтобы помочь ему, а затем он срывает ткань, отбрасывая клочок кружева на пол. За ним следуют и мои трусики.

Теперь я полностью обнажена пред ним. Я тяну за пояс его боксеров, намекая на то, что не хочу, чтобы они стояли между нами. Он снимает их. Теперь он стоит передо мной, образец мужской красоты. Загорелая кожа, я вижу все усилия, которые он вкладывает в свое тело. Кубики пресса притягивают мои пальцы, я пробегаюсь по ним вниз к той части, которая сейчас интересует меня больше всего.

Никогда в жизни я не испытывала такого подавляющего желания почувствовать кого-то внутри меня. Его член стоит по стойке смирно, показывая, как сильно он меня

хочет. По его взгляду я понимаю, что ему льстит то, как я на него смотрю. Медленно он присоединяется ко мне на кровати, разводит мои ноги. Полностью накрывает меня. Его руки касаются каждого дюйма моих бедер, а затем его пальцы убеждаются в том, что я уже мокрая для него.

— Черт побери. Ты само совершенство.

По его голосу я понимаю, что он предпринимает огромные усилия, сдерживаясь, медленно исследуя мое тело. Когда мы оба уже не можем ждать дольше, я чувствую жар его дыхания на коже, прежде чем он проводит языком по моей киске. Он медленно добирается до моего клитора, посасывает его, делая круговые движения языком. С первого прикосновения я понимаю, что это будет лучший секс в моей жизни.

Мои руки сжимают простыни, пока он продолжает свою чувственную пытку.

— Я могу умереть счастливым человеком с твоим вкусом на моем языке.

Его порочные слова приглушены, ведь он не отрывается от меня, пока говорит. Это каким-то образом усиливает их эффект.

Дрожь охватывает мое тело. Пальцы ног закручиваются в блаженстве, мои бедра извиваются от захватывающих меня ощущений. Берк сжимает мои бедра и продолжает лизать и сосать. Его пальцы проникают внутрь, помогая языку, и из меня вырывается первый крик. Его пальцы жестко двигаются во мне, эти движения толкают мое тело за край. На пике мои глаза закрываются, со стоном я кончаю на его пальцах.

Берк скользит вверх, пока я пытаюсь перевести дыхание от умопомрачительного оргазма. Он захватывает мои губы своими. То, как он контролирует свои движения, ощущается силой. Его напор смешивается со вкусом моего возбуждения и создает мощную комбинацию. Берк прерывает поцелуй, чтобы достать презерватив из ящика и быстро одевает его. Он берет свой член в руку и проводит по моей киске. Я извиваюсь, мое тело жаждет большего, пока он дразнит меня. Я двигаю бедрами, умоляя. Медленно, он проталкивается внутрь меня, мое тело застывает. Он растягивает меня так, как никто и никогда раньше.

— Черт, Пейсли. Ты такая узкая.

Медленными толчками он прокладывает себе путь внутрь и наружу, каждый раз немного глубже, пока, наконец, не заполняет меня полностью. Я теряю связь с реальностью, он неподвижно ждет, когда я приспособлюсь к его размеру. Я не хочу, чтобы ждал, поэтому призываю его двигаться толчком моих собственных бедер. Берк отвечает на мое желание и скользит во мне, медленно и ритмично. С каждым ударом его темп увеличивается, пока он не становится почти жестоким, но это именно то, что нам обоим нужно. Его глаза сосредоточены на моей груди, он наслаждается видом.

Поддерживая свой темп, Берк опускает верхнюю часть своего тела и прокладывает дорожку из резких поцелуев по моей шее и декольте.

— Берк!

Его имя легко слетает с моего языка, когда я чувствую его близкое освобождение внутри меня. Я снова завожусь. Берк прикасается к моему клитору, его толчки становятся более резкими. Мы оба близки к краю. Он потирает меня пальцами. Я не думала, что это возможно, но он вбивается в меня еще сильнее. Сильнейший оргазм обрушивается на меня. Я больше не чувствую свое тело, я теряю контроль. Никогда в моей жизни секс не чувствовался так. Никогда не было ничего, что могло бы заставить меня чувствовать себя столь желанной.

Когда мой оргазм ослабевает, я чувствую, как он достигает кульминации во мне. Его движения замедляются, но он продолжает получать удовольствие от моего тела, кончая. Берк падает на меня сверху, и с нежностью, столь противоположной тому, что произошло между нами, он легко целует меня в лоб, и мы погружаемся в уютную тишину.

Берк

Голос разума говорит мне держаться подальше от Пейсли. Я получил то, что хотел. Теперь я знаю, каково это, быть внутри нее. Но я хочу больше. Я как петля вокруг ее шеи, медленно затягивающаяся каждую минуту, пока она не начнет задыхаться от надвигающейся угрозы.

Когда я услышал, как она кричит во сне, и увидел, как она мечется в панике, я испугался. Что-то внутри меня хотело унять ее боль. Я не могу объяснить это, это инстинкт. Итак, я использовал секс, чтобы отвлечь ее. Я никогда не испытывал ничего подобного. Сладкий вкус ее киски. Ощущение ее ногтей, царапающих мою спину. Быть внутри нее. Ее отклик на мое проникновение. Выражение ее лица, когда она стонала мое имя, как молитву. Ни одно тело никогда не давало больше, чем тело Пейсли. Я чувствовал себя сильным, словно мог победить все, что угодно.

— Отвезешь меня домой?

Я поворачиваюсь к ней и понимаю, что Пейсли более разумна, чем я. Она уже ищет выход.

— Мне не нравится мысль оставлять тебя в месте, с постоянно снующими туда-сюда клиентами в то время, как кто-то угрожает нам.

Она все еще голая в моей постели, и, если я смогу ее убедить, она останется здесь.

— Это мой дом, Берк. Я не могу оставаться здесь навсегда, и, если быть абсолютно честной, я бы предпочла не быть здесь, пока здесь происходит то, что происходит внизу. Кроме того, я уверена, что моя сестра беспокоится о том, где я нахожусь.

Ее слова говорят мне, что ей пора уходить, но язык ее тела говорит о другом. Она спускает простыню со своего тела, не отрывая от меня взгляда. На ее лице сексуальная ухмылка. Я не могу на это не отреагировать.

Как только я приближаюсь, она слегка раздвигает ноги. Ее руки блуждают по ее телу. Ее сиськи лучше, чем любая фантазия, которую я мог бы придумать. Они круглые и полные. Идеально подходят для всего, что я хотел бы сделать с ними. Ее соски превращаются в горошинки от ее собственного прикосновения. Или, возможно, это мой взгляд так на нее действует. Я ставлю на второе, потому что это то, во что я хочу верить.

— Иди ко мне.

Меня не нужно просить дважды. Наблюдать — это весело, но я предпочитаю принимать непосредственное участие. Мои руки путешествуют по ее коже. Пейсли обнимает меня за шею и притягивает к себе за дразнящим поцелуем. Ее губы прикасаются к моим, но к моему разочарованию, она не использует свой язык. Все еще хватаясь за мою шею одной рукой, она перемещает другую вниз между нашими телами и оборачивает свои пальцы вокруг моего члена. Медленно она проводит рукой по нему, а затем скользит дальше, чтобы обхватить мои шары. Она приближает рот к моему уху, ее губы касаются моей кожи.

— Мат.

Я не сразу понимаю, о чем она, потому что мой мозг затуманен, ее рука на моих яйцах. Игра, которую я начал с ней на диване. Это ее месть.

— Черт, нет! Игра закончилась в тот момент, как ты позволила мне войти в себя.

Злой смех грохочет из глубины ее груди.

— Просто потому, что я позволила тебе трахнуть меня, не значит, что я забыла твой маленький трюк. Я не позволю этому сойти тебе с рук. Кто сейчас себя контролирует?

Ее смех вибрирует сквозь все ее тело. Хотя я не планирую позволить ей победить в этом раунде, я горжусь тем, что могу отвлечь ее от тяжелой ночи. Ее глаза светятся ощущением победы.

Стук в дверь прерывает нас, ее тело мгновенно напрягается под моим.

— Нам нужно разобраться с дерьмом внизу, — кричит Кай из коридора.

Взгляд на часы говорит мне, что уже одиннадцать утра, и он, вероятно, потратил остатки терпения, дожидаясь меня. Путаться с Пейсли — глупая идея, когда нам так много нужно выяснить. Тем не менее, я не жалею ни минуты, хотя и должен.

— Ты не вовремя. Я выйду через минуту!

Я слышу звук удаляющихся шагов. Я опускаюсь, чтобы поцеловать Пейсли, прижав ее руки над ее головой. Низкий стон вырывается из ее горла, и ее руки напрягаются, она хочет вырвать их из моей хватки.

— Никаких прикосновений. Я не покину эту комнату, если твои руки снова меня коснутся.

Я поднимаюсь, а затем помогаю Пейсли. Как только она снова в вертикальном положении, я шлепаю ее по заднице, мстя за трюк с моими шарами. Она взвизгивает, и это только затрудняет уход из этой комнаты.

— Я принесу твою одежду, потом поедem к тебе.

Я вскоре отвожу Пейсли домой, проверяя, чтобы на парковке не было машины с прошлой ночи, и на ее месте нет других. Пейсли настаивает, что она не нуждается в том, чтобы я провожал ее. Я хочу вправить Брэйлин мозги, но не мне ее учить. Пейсли в опасности из-за ее связи со мной, а не из-за того, что делает Брайлин. Тем не менее, я не нарываюсь на проблемы намеренно, как Брэйлин. Я уезжаю, чтобы разобраться с тем, с чем мне приходится иметь дело, но мне не нравится, что я оставляю Пейсли.

Когда я, наконец, возвращаюсь домой, мы с Каем молча пьем кофе на кухне. Забавно, что мы сидим здесь так спокойно, делая что-то настолько нормальное, прежде чем мы пойдем к человеку, которого мы заперли в офисе.

Тиган наверху в своей комнате работает над эскизами. Я дал ей строгое указание не спускаться вниз, пока не дам ей знать, что все в порядке. Она не спорила.

— Происходит что-то большее.

Кай смотрит на меня со своего места через стол и озвучивает то, о чем мы оба думаем.

— Я знаю. Я пришел к такому выводу в тот самый момент, когда этот кирпич пролетел через наше окно прошлой ночью.

— Кто бы там ни был, тот парень... он не тот, кто стоит за этим. Я даже не уверен, что у него есть для нас ответы. Он может дать нам подсказки, но я сомневаюсь, что он знает все.

Кай смотрит на потолок, как будто ответы появятся, если он сосредоточится достаточно сильно.

— Кто-то нанял его сделать грязную работу. То, что я не могу понять, это то, что Энтони и этот парень получают от этого. Им обоим было наплевать, если их поймают и убьют. Что такого им пообещали, что они готовы добровольно пойти на смерть?

Мне интересно то же самое, и я не могу придумать нормального объяснения этому.

— Понятия не имею. Что нам с ним делать?

— Мы получим от него любую информацию. Прими как данность — он скормит нам

только то, что они хотят, чтобы мы знали. Все, что он говорит, может ввести в заблуждение. Мы должны выяснить, что он знает, и попытаться понять, что из этого правда. Нам придется избавиться от него, но нам нужно быть более осторожными. У кого-то есть доказательства наших грехов, и нам не нужно давать им больше.

Я киваю в знак согласия. Кай, очевидно, хочет еще что-то сказать. Я сижу молча, в ожидании.

— Что знает Пейсли?

Вот оно. Говорить о Пейсли с ним — это последнее, что я хочу делать, но я понимаю, что ему нужно подтверждение, что она не побежит к полицейским.

— Она все знает. Она узнала все по фотографиям. Я решил, что единственный вариант — дать ей полную картину.

Он сводит брови, мои слова рождают еще больше вопросов. Тот, который я ожидаю, снова срывается с его языка.

— Так... она знает, что ты убил человека? Она знает, что я избавился от тела, и она не только не убежала из этого дома вчера ночью, крича, но и спокойно спала в твоей постели? Что я сегодня прервал, невинную беседу?

— Она понимает. Ей это не нравится, но она понимает. Она не сдаст нас.

Я игнорирую его последний вопрос, потому что он намекает, трахал ли я ее. То, что произошло за закрытыми дверями сегодня утром, — это между Пейсли и мной. Кроме того, это ни в коем случае не его дело. Кай замолкает на мгновение. Эта ситуация заставляет его нервничать.

— Ты понимаешь, что это подвергает ее опасности, верно?

Кай указывает на очевидное. Но все несколько сложнее.

— Да, знаю. Так или иначе, она уже вошла во все это. Даже если я буду держаться подальше от нее, я не могу быть уверен, что кто-то не придет за ней, и в этом случае она останется без моей защиты.

— Ты тоже не хочешь держаться подальше от нее, не так ли? Она — твоя месть?

Мама Кая была мечтателем. Романтиком. Будучи замужем за монстром, она рассказывала истории о любви Каю вместо сказок на ночь. Когда мы были детьми, она говорила нам, что мир будет против нас, но нам нужно победить. Она называла влюбленность местью человека миру.

— Она не похожа ни на что, что я знал раньше.

Не говоря больше ни слова, мы допиваем кофе и направляемся в офис.

Пейсли

Брэйлин ждет меня у двери. Не удивлюсь, если она увидела в окно, что Берк подбросил меня. Она взвинчена больше, чем когда-либо.

— Где ты, черт возьми, была?

— У Тиган.

Не совсем ложь. Я была у Тиган. Не совсем правда, ведь я умалчиваю о том, что спала в постели Берка, открыла ему то, о чем никому не говорила, а потом позволила ему трахнуть себя. Если она так реагирует на мысль о том, что я была с Берком, нет смысла посвящать ее в остальную драму. *«О, кстати, пока я была там, я узнала, что кто-то*

следит за мной и фотографирует, после того, как какой-то урод бросил в окно кирпич. Не волнуйся, ему не удалось уйти, и я думаю, что Берк и Кай уже убили его, но твои доводы совершенно бессмысленны».

— У Тиган? У Тиган? Ты имеешь в виду у Берка? Потому что это одно и то же. Да у тебя на лице написано, что твоя ночевка оказалась не девичником с масками и сплетнями, а скорее тебя оттрахали, как последнюю шлюху!

«Привет, горшок. Познакомься с чайником».

— Это была долгая ночь, Брэйлин. Я не хочу обсуждать это.

У Брэй вид сумасшедшей. Ее руки дрожат. Темные круги под глазами, должно быть, она не сомкнула глаз этой ночью. Кажется, она вот-вот слетит с катушек. Я видела это раньше. Не у нее, у других. Особенно ярким примером был наш приемный отец. Я всегда ненавидела это. Он никоим образом не был отцом для нас. Мы просто называли его «Джо» в хорошие дни и худшими словами в плохие.

Джо был наркоманом. Он глотал таблетки, нюхал, курил или ширялся всем, чем мог. То, как ведет себя Брэйлин, и то, как она выглядит, напоминает Джо в те дни, когда он искал дозу. Это были худшие дни в том доме. Он был ослеплен яростью и необоснованно жесток. Однажды он пришел поздно и разбудил меня, неоднократно ударив в живот. Он кричал, что в гостиной бардак, а затем просто вышел из комнаты, пока я лежала там, не в силах пошевелиться от боли.

Она принимает? Вот почему она так ведет себя?

— Он трахнул тебя до потери сознания, а потом вышвырнул?

— Брэйлин. Ты хочешь о чем-то поговорить? Тебя, кажется, очень беспокоит Берк, и я не понимаю почему. Ты выглядишь так, будто не спала, ты вся дрожишь. Мы по большей части не лезем в дела друг друга, но ты перешла границы, поэтому я сделаю то же самое. Ты под наркотиками?

— Убирайся!

Ее визг оглушает меня. Теперь дрожат не только ее руки, она содрогается всем телом. Я никогда не видела ее такой, ни разу в жизни. Что-то не так. Я знаю это.

— Что? О чем ты говоришь?

Ее лицо приобретает неестественный оттенок красного, и она выглядит готовой наброситься на меня. Это наркотики. Это единственное объяснение. Мне нужно успокоить ее, прежде чем ситуация выйдет из-под контроля. Но она нападает первой.

— Я хочу, чтобы ты убралась из этой квартиры! Я с тобой покончила. То, что мы выросли в одном аду, не значит, что у нас особая связь. **УБИРАЙСЯ КО ВСЕМ ЧЕРТЯМ!**

Волна эмоций проходит прямо через мое сердце.

Страх. Печаль. Унижение. Гнев.

Страх за ее благополучие. Печаль из-за ее слов. Унижение из-за легкости, с которой она отбрасывает меня. Гнев из-за ее бессердечности. Серьезно? Более десяти лет вместе, и она готова выгнать меня? Это немыслимо. Я на самом деле так мало значу для нее? Она моя семья, но кто я для нее? Видимо, я идиотка.

Я раздавлена. Она выходит из себя и сыплет оскорблениями, которые попадают точно в цель. Мое эго хочет отомстить, наброситься на нее, но я так потрясена, что даже не могу ответить. Одной из причин, по которой я пришла домой, было то, что Брэйлин волнуется, а она выгнала меня. Могу ли я уйти, когда у нее проблемы? Она злится и оскорбляет меня, но чем я лучше, если оставляю ее, когда она нуждается во мне?

— Я серьезно, Пейсли. Я больше не хочу тебя здесь видеть. Уходи.

Голос ее становится тише. Она настроена решительно. Я не знаю, что делать. Никогда не думала, что вернусь домой вот так. Она что-то имеет против Берка, но это смешно. Это не имеет смысла.

— Брэйлин, я не могу уйти, если у тебя проблемы.

— Я не употребляю наркотики. Хочешь, я пройду тест и покажу тебе результаты. С меня хватит. Я хочу, чтобы ты ушла. Мы не сестры. Мы никогда ими не были. Мы два

человека, которые застряли друг с другом. Пора нам это признать. Что есть, то есть.

Хочу ли я быть там, где меня не хотят? Нет.

Брэйлин всегда была импульсивной. Время от времени казалось, что у нее раздвоение личности. Завтра она может вести себя так, как будто сегодняшней ссоры не было. Но что-то говорит мне, что сейчас все по-другому. Я принимаю решение уйти.

Беда в том, что мне некуда идти. Брэйлин — единственный человек, который был со мной всю мою жизнь. Бежать к Берку не вариант. Я провела с ним одну ночь. Для такого, как он, одна ночь ничего не значит. Я не могу ползти туда со своей драмой, когда у него более чем достаточно своей. Я не хочу, чтобы Берк чувствовал, что ему нужно держать меня рядом, чтобы защитить или позволить ему думать, что я использую его, потому что мне некуда идти. Тиган и Кай ясно дали понять, так к ним относятся большинство людей. Итак, думаю, я снова выберу отель на ночь, по крайней мере, пока не пойму, что делать дальше.

Однако на этот раз я не буду тратить деньги на причудливую гостиницу. Нет необходимости оставаться в какой-то дыре, я выберу что-то по средствам. Я собираю одежду на неделю, некоторые туалетные принадлежности, несколько предметов первой необходимости и бросаю их в сумку. Если Брэйлин серьезна, то вскоре я заберу оставшиеся вещи.

Брэй сидит на диване, она даже не смотрит на меня. Наши отношения были странными, но это, безусловно, разбивает мне сердце. Мы выросли вместе и вместе прошли через ужасные вещи. Я считала ее сестрой, а она слишком легко отказалась от меня.

— Брэйлин, ты уверена?

Она даже не поднимает глаз:

— Я уверена.

Сдерживая слезы, я киваю головой, прежде чем выйти из того места, что больше не является моим домом. Мне больно, но честно говоря, чему тут удивляться? Я всегда задавалась вопросом о моем месте в жизни Брэйлин, и теперь я его знаю. Слезы заливают мое лицо, но я не вытираю их. Я потеряла свою сестру и свое жилье за двадцать минут. Завтра мне придется искать новую квартиру, потому что проживание в отеле быстро уничтожит мои сбережения.

Всего в миле отсюда есть отель. Свежий воздух поможет мне разобраться во всем, что произошло за последние двадцать четыре часа. Прогулка помогает мне почувствовать себя лучше, солнце согревает мою кожу, я стараюсь не думать о том, что я два дня в одной и той же одежде, или о моих волосах, беспорядок в которых свидетельствуют о жаркой ночи. Не говоря уже о том, что я уверена, что мои глаза покраснели и опухли после ссоры с Брэйлин. Люди в проезжающих машинах, безусловно думают, что я на тропе позора.

То, что я не могу игнорировать, — это боль в ногах, когда я ступаю на тротуар. Жалящая боль от разрезывания в ногах от стекла едва заметна по сравнению с напряжением в моих мышцах. Берк был груб со мной этим утром, как я и жаждала, и мое тело чувствует это в местах, о которых я даже не представляла, что они могут болеть. Хотя это делает мою прогулку немного более неудобной, я наслаждаюсь небольшими напоминаниями о каждом месте, которого он коснулся.

Я захожу в отель, как можно быстрее добираюсь до своего номера. Я хочу горячий душ и потом спать. Моя ночь была беспокойной, и мой день был уже слишком насыщенным. Сон звучит как отличная идея для меня.

Я прыгаю в душ, давление воды творит чудеса в моих больных мышцах. Пена помогает снять стресс. Мои мысли перескакивают с Брэйлин на Берка. Он успокоил меня после моего кошмара. Я вспоминаю тот ласковый поцелуй в лоб после секса. То, какой я чувствовала себя с ним, когда он повалил меня на пол. Берк должен был стать приключением, однако, все не так просто.

С ним я в опасности. Он управляет незаконным бизнесом, и кто-то активно пытается

причинить боль ему и его близким. Стоит ли это риска? Я не знаю, но что-то внутри говорит мне, что я не смогу остаться в стороне, даже если попробую.

Я расчесываю волосы, накидываю удобную одежду и залезаю под одеяло. Можно подумать, что мне сложно будет заснуть, со всеми мыслями в моей голове, но я вымотана. Опустив голову на подушку, я моментально проваливаюсь в сон.

Берк

— Мне нужно расплатиться с долгом. Это все, что я могу сказать. Я ничего не знаю о том, что происходит, и, честно говоря, я бы не сказал вам, даже если бы знал.

Я закипаю, когда он делает паузу.

— Я жертвую собой, чтобы спасти свою семью, и я не собираюсь злить этих людей. Я должен серьезным людям — людям опаснее вас, поэтому я вызвался на это в обмен на обещание, что это сохранит мою семью в безопасности. Мне сказали, что я должен быть готов. Когда придет сообщение, я должен буду прийти по этому адресу, кирпич с прикрепленным конвертом будет ждать меня у забора. Я должен был бросить его в окно.

Сегодня не было ни пыток, ни кровопролития. Мы с Каем вошли в офис, и этот парень, похоже, с нетерпением ждал нас. Я сочувствую ему немного. У него есть семья, которую он пытается защитить, как и у меня, но я не могу отпустить его, когда он в долгу перед людьми, которые стоят за этим. Они могли использовать его в качестве пешки снова и снова. Хотелось бы надеяться, что тот, кто дал ему обещания, сохранит свое слово, и его семья будет в безопасности, потому что я должен сделать все, чтобы защитить мою.

— Кто с тобой связался? Кто был тем, кто дал тебе эту работу?

Обыскав его, я узнал, что его зовут Томас Крамер. Кроме кошелька у него ничего не было. Внутри водительские права, несколько кредитных карт и фотография семьи. На фото он в обнимку с красивой блондинкой, вероятно женой. Перед ними сидят двое детей подросткового возраста, мальчик и девочка. Мне жаль, что я увидел это фото. Это лица людей, которые сегодня потеряют мужа и отца, из-за его выбора.

— Паркер Амос.

Сегодня все идет слишком легко. Мне это не нравится. Томас легко отвечает на наши вопросы, и это красный гребаный флаг.

Паркер Амос. Я впервые слышу это имя. Это значит, что оно всего лишь еще одна часть головоломки. Он дал нам имя, когда его семья была в опасности, что также подозрительно. Я бросаю взгляд на Кая и по его лицу понимаю, что мы думаем об одном и том же.

— Зачем ты называешь имя, если беспокоишься о безопасности своей семьи?

— Мне было поручено назвать его. Мне сказали, что он вас ждет. И знаете, где он будет вас ждать?

Кай теряет терпение. На его шее вздуваются вены. Возможно, мы с Каем слишком расслабились. Если бы кто-то сказал мне несколько месяцев назад, что мы будем иметь дело с чем-то подобным, я бы рассмеялся им в лицо.

Высокомерный.

Я думаю, люди нападают, когда меньше всего этого ожидаешь, а я действительно

этого не ожидал. Это не имеет значения, потому что есть причина, по которой Кай и я зашли так далеко. Тот, кто это задумал, искупается в своей крови. В этом я не сомневаюсь.

— Тюрьма округа Мейерли. Он заключенный.

Ну, этого я не ожидал. Сколько власти у этого человека есть в тюрьме? Если он достаточно авторитетный, у него может быть много людей на улице, занимающихся грязной работой, но я никогда не слышал о нем.

— Кто этот парень и чего он от нас хочет?

Кай расхаживает по комнате. Он на взводе. Он больше не смотрит в нашу сторону, вместо этого он смотрит себе под ноги, вышагивая вдоль стены.

— Информация, которую я вам дал, это все, что мне позволили. Вам придется разобраться в остальном самостоятельно.

— Мы можем заставить тебя говорить.

Убедить этого парня мы не сможем. Все в этой комнате это знают.

— Вы не сможете. Я уже знаю, что умру. Я выполнил задание, на которое меня отправили, чтобы спасти мою семью. Все, что я вам скажу, только поставит их под угрозу. У вас нет рычагов. Вы можете убить меня сразу или можете мучить часами, ничего не получая, а затем убить меня. Это ваш выбор.

Кай останавливается и бросается к Томасу. Его руки обхватывают горло мужчины, оба падают, ломая стул. Томас все еще связан, но теперь у него больше свободы движений. Он ничего не делает, чтобы защититься от Кая. Он закрывает глаза, когда Кай сжимает руки сильнее. Я бы поспорил, что Кай представляет, что душит совсем не Томаса. Это тяжело для него. Я понимаю. Это не первый случай, когда кто-то угрожает женщине в жизни Кая, но в прошлом Кай не смог спасти ее. Он использует сегодняшнюю ситуацию, чтобы похоронить чувство вины.

Я уверен, что на Кая влияет также то, что Томас защищает свою семью. Это полная противоположность отцу Кая. Ему нелегко это проглотить, но ему нужно собраться. Мы должны быть на высоте, чтобы обезопасить Тиган. У нас нет права на ошибку.

Томас еще жив, судя по звукам, вылетающим из его горла. Меня беспокоит то, как легко Кай сорвался. Хотя в такой ситуации сложно сохранять здравый смысл. Томас наконец-то начинает сопротивляться, но Кая это не останавливает, и вскоре все звуки и попытки Томаса двигаться прекращаются.

Кай отпускает его, но продолжает сидеть на полу. Его голова опущена, он вытирает пот со лба. В комнате тихо, я даю ему время, чтобы прийти в себя.

Через несколько минут я проверяю пульс человека под Каем. Отсутствие сердцебиения говорит мне, что он мертв. Я протягиваю руку, чтобы помочь Каю подняться.

— Иди, передохни. В любом случае мы не сможем разобраться с телом до вечера.

Прошло всего пара часов, а чувствуется, как будто мы провели в этой комнате весь день. Мы не можем избавиться от тела днем. За каждым нашим шагом следят, не уверен, стоит ли нам вообще передвигать тело. Кай покидает комнату без единого слова и исчезает где-то в доме. Я поднимаюсь в комнату Тиган, чтобы проверить ее.

Быстрый стук, она открывает дверь, чтобы впустить меня. Я понимаю, что она плакала. Ненавижу, что я не могу избавить ее от участия во всей этой истории. Она залезает обратно в постель. Количество подушек и одеял у этой девчонки не поддается счету. Выглядит так, как будто кровать ее проглотила. Я прислоняюсь спиной к стене, вытянув ноги поперек кровати. Нам нужно поговорить. Ей нужно знать, что происходит, не потому, что я хочу этого, а потому что держать ее в неведении еще опаснее.

— С чего начнем?

Мне не совсем комфортно рассказывать Тиган всю историю. Я никогда не был образцом для подражания, но мне приходится говорить своей младшей сестре, которую я воспитал, о том, как я докатился до того, чтобы убить человека. Мне плевать на то, что обо мне думают, но все, что я делал в моей жизни с тех пор, как Тиган было десять лет,

было направлено на то, чтобы убедиться, что она счастлива, здорова и хорошо устроена. Я знаю, что она это знает, но сейчас все по-другому. Даже если я делаю это, чтобы защитить ее, есть черта, которую я перешел, и я не уверен, как она отреагирует, узнав об этом.

— Мне никто ничего не рассказал, потому что ты улаживал ситуацию с Пейсли, а Кай с парнем внизу. У меня много вопросов.

Пейсли отвлекла меня. Я должен был проверить Тиган, как только дерьмо с Пейсли было улажено. Я мучаюсь чувством вины.

Поэтому я рассказываю Тиган все, что она хочет знать, с небольшими колебаниями, но абсолютно честно. Тиган по большей части остается спокойной, когда я ввожу ее в курс дела. Она задает вопрос то здесь, то там, но в основном слушает. Это сложно. Я ненавижу смотреть ей в глаза, пока рассказываю ей о своих преступлениях.

Как только я открываю свои секреты, мы сидим молча некоторое время. Я даю ей время все переварить. Она не выглядит разочарованной или в ужасе от всего, что я сказал. Она выглядит грустной и напуганной. В то время как я ненавижу то, что она чувствует это, я также чувствую, что в ней нет ненависти ко мне. Я бы научился жить с этим, если бы должен был, чтобы сохранить ее в безопасности, но это бы убило меня.

— А как насчет Пейсли?

— Я позаботился об этом. Она будет хранить наши секреты.

По лицу Тиган, я понимаю, что сморозил глупость.

— Я не об этом, и ты прекрасно это понимаешь.

Нет, не понимаю. Мы говорили о прошлой ночи и событиях, ведущих к ней. Как я должен был знать, что ее женская логика сменила тему?

Мои мысли были о Пейсли в течение всего дня. Между глотками кофе я видел ее спящей в моей постели. Пока я шел к офису, я вспоминал ее замученную кошмаром. Между раундами допроса Томаса я представлял ее обнаженную подо мной на пике ее оргазма. Пока мы с Тиган сидели в тишине, клянусь, что ощущал ту вибрацию смеха Пейсли, когда повалил ее на пол этим утром.

— О чем именно ты спрашиваешь?

— Она тебе нравится. И совсем не так, как твои тощие девицы на одну ночь. Возможно, ты сам еще этого не осознаешь, но я-то вижу

Хочу ли я говорить с Тиган об этом? Я признаю, что с Пейсли все по-другому, но это ничего не значит. Меня больше беспокоит то, во что мы ее втянули. Безопасность Пейсли под вопросом просто потому, что она рядом с нами.

Я хочу снова увидеть ее. Что бы это ни значило. Но это сложно, так как на карту поставлены жизни. Она провела один вечер с моей сестрой, и теперь ее жизнь в опасности. Даже без этой черной тучи, висящей над нашими головами, я никогда не смог бы стать тем человеком, которого заслуживает Пейсли.

— Честно говоря, я не знаю. Все это не я. Совместный быт. Моногамия. Девушка. Я не думаю, что был бы хорош в таких вещах, даже если бы попытался. Я не знаю Пейсли настолько хорошо, но из того, что я знаю, она заслуживает того, кто может дать ей все это.

Если бы взглядом можно было убивать, моя сестра только что прикончила бы меня. Она резко села на кровати

— Это самая большая глупость, которую ты когда-либо озвучивал! Берк, ты забрал меня, когда мне было десять, и воспитал меня. Ты всю жизнь крутился и делал все, чтобы сделать мою жизнь лучше и счастливее в течение последних одиннадцати лет. Ты не можешь думать, что ты не способен на это.

Тиган краснеет и тараторит. Мне нужно сосредоточиться на слоге каждого слова, чтобы понять, что она говорит мне. Думал ли я о том, что Пейсли та самая? Не совсем, но встреча с Пейсли делает это более правдоподобным.

— Это было совершенно иначе, и ты это знаешь, Тиган. Не обижайся, если бы пришлось, я бы все повторил, но у меня не было выбора. Ты была ребенком, сестра, тебе некуда было идти. И я не смогу даже подсчитать количество ошибок, которые я совершил,

пока ты росла. Я справился, но спотыкался на каждом шагу.

— Ты больше, чем это. Вытащи голову из задницы и слушай свое сердце, Берк. Если ты этого не сделаешь, будешь жалеть всю оставшуюся жизнь. Прислушайся к своей мудрой сестренке, будь мужиком!

Она заходит слишком далеко. Я трахнул девушку. Я делаю это все время. Это не должно быть сложнее, чем есть. Кто, черт возьми, знает? Я провел одну ночь с Пейсли. Она не задержалась этим утром. Мы были огненной смесью сегодня ночью. Особенно, когда вокруг нас бушевала чертова буря.

— Хорошо поговорили. Что бы я делал без моей безумно умной сестры?

Я поднимаюсь с кровати. Разговор о чувствах подошел к концу. Мне нужно пиво.

— Ты забыл, что я еще и красивая!

Смеясь над ее замечанием, я сдергиваю одеяло с кровати, пытаюсь позлить ее, прежде чем покинуть комнату. Это то, что делают старшие братья.

Пора пообедать. Единственное, что я сумел проглотить сегодня, — это вкус сладкого возбуждения Пейсли и кофе сегодня утром. Не то, чтобы я жалуюсь. Я бы начинал каждый день с ее вкуса на моем языке. Затем я представляю, как Тиган бьет меня по затылку, если она когда-нибудь услышит, как я произношу эту мысль вслух.

Джек-пот! Я нашел вчерашнюю пиццу, завернутую в фольгу. Два ломтика быстро исчезают, мой разум снова тянется к мыслям о Пейсли, а также разговору, который я имел с Тиган. Держаться подальше от нее не вариант. Она часть того, что происходит, хотим мы этого или нет. Но если бы этого не было, хотел бы я проводить с ней время?

Никаких сомнений — хотел бы. Я хочу больше после того, как почувствовал, как она взорвалась вокруг моего члена, и я не в состоянии не думать о ней. Одним разом мы не обойдемся. Ее сладкая киска вызывает привыкание. И от этой зависимости я избавляться не хочу.

Я достаю телефон. Я прошу у Тиган номер Пейсли смс-кой. Она быстро пересылает его мне с текстом: «Вот это мой мальчик!»

Берк: Эй, это Берк. Что делаешь?

Через минуту получаю ответ.

Пейсли: Преследуешь меня? Конечно же, я трогаю себя, думая о тебе.

Вау! Подождите... что? Эта женщина жестока, если это блеф, что, вероятно, так и есть, но это не мешает мне представить эту картинку.

Берк: Правда? Отправь фото.

Пейсли: Нет, не совсем. Я листаю журнал.

Черт. Ну, могу я помечтать, верно? Я уже бесстыдно прикасался к себе мыслями о ней, даже не зная, насколько это классно в действительности.

Берк: Твоя соседка сильно волновалась?

Пейсли: Ум... нет.

Это загадка. Я бы не назвал ее подругу/сестру/соседку по комнате особо волнующейся о других. Она, похоже, думает только о себе. Они называют друг друга сестрами, но связь между ними не достаточно прочна.

Берк: Нет?

Пейсли: Больше похоже на то, что она была зла на меня.

Это больше похоже на ее сестру. Кроме того, думаю, что Пейсли более чем способна позаботиться о себе. Я уверен, что за все эти годы вместе, и Брэйлин поняла это.

Берк: Вы поругались?

Пейсли: Можно и так сказать.

Мне не нравится, куда она клонит, или расплывчатые ответы Пейсли.

Берк: Где она сейчас?

Пейсли: Думаю, что она дома.

Берк: Ты думаешь?

Пейсли: Она выгнала меня.

Что, черт возьми? Она может это сделать? Разве у них нет соглашения об аренде? Они настолько сильно поругались, что Брэйлин выгнала ее из дома?

Берк: ЧТО? Где ты?

Пейсли: В отеле.

Берк: В каком отеле?

Пейсли: Успокойся.

Успокойся? Она серьезно?

Берк: Просто скажи мне, в каком ты отеле. Сейчас.

Пейсли отправляет в сообщении название отеля. Я не собираюсь отвечать ей. Она не в лучшем районе города. Она не будет там ночевать, и я собираюсь сказать ей об этом.

Пейсли

Мой сон был чудесным. Я сразу же отключилась и проспала почти два часа.

Думаю, мой организм нуждался именно в этом. Минут через пятнадцать после пробуждения я получила сообщение от Берка, последнего человека, от которого я бы ждала. Ладно, возможно, это была бы Брэйлин. В любом случае, это было неожиданно. Мне не стыдно признать, что я была слегка разочарована, когда он замолчал.

Я не та девушка, которая тает от внимания мужчины. Я не романтик. Я не ищу сказку. Прекрасный принц давно не появлялся в моих фантазиях, я не мечтаю об идеальных свиданиях, поцелуях или романтических жестах. В этом нет ничего плохого, но это не обо мне.

Наверно я всегда предполагала, что когда-нибудь это со мной произойдет, но это будет более реалистично. Я встречу того, кто мне подходит, мы поладим, остальное встанет на свои места, будут взлеты и падения. Похоть, страсть и химия для меня всегда были за скобками этого уравнения. Не могу сказать, что ночь с Берком превратила меня в мечтательницу, но раньше я никогда не испытывала такого возбуждения.

Получив его сообщение, я почувствовала, как бабочки запорхали в моем животе, так же как и мое естество. Когда мы находимся в одной комнате, я могу думать только о нем. Моя кожа электризуется от одного его прикосновения. Его тяжелый взгляд заставляет меня чувствовать себя желанной. Это очень сильное и в то же время пугающее ощущение.

Я убеждаю себя, что я не наивная дурочка, но пытаюсь понять, почему он перестал писать. Это не я. Ругая себя за этот драматизм, я открываю журнал и пытаюсь отвлечься. Я даже успеваю почитать целое предложение, как вдруг телефон вибрирует новым сообщением, и я бросаюсь к нему через всю комнату. Хорошо, возможно я та самая девушка, только сегодня.

Берк: Какой у тебя номер комнаты?

Пейсли: 209. Зачем он тебе?

Я жду, но больше ничего не приходит. Берк здесь? Зачем еще ему знать мой номер? Но зачем ему вообще приезжать? Громкий стук в дверь заставляет меня подпрыгнуть. Я проверяю в глазок, кто за дверью. И смеюсь над этим абсурдом — кто еще это может быть? За дверью стоит Берк, он выглядит уставшим и с нетерпением ждет, когда я открою

дверь. Он здесь, чтобы увидеть меня, моя голова начинает кружиться.

— Твою мать, Пейсли. Открой дверь.

Возможно, я слишком засмотрелась на него в глазок. Не заставляя его дольше ждать, открываю дверь.

Берк возвышается надо мной в дверном проеме. На нем темные джинсы и голубая футболка. Вряд ли я когда-либо встречала более идеального мужчину. Мои глаза пробегаются по его телу, прежде чем я встречаю его взгляд.

— Привет.

Я сегодня просто образец красноречия. Он так хорош, что я не могу ни о чем думать.

— Привет.

От одного его тона я начинаю краснеть. Сначала бабочки, затем ожидание сообщения, и теперь я краснею? Что этот мужчина делает с моим разумом?

— Зайдешь?

Ну вот, Пейсли. Ты можешь говорить целыми предложениями. Отличная работа! Я пропускаю его в номер.

— Да, но мы не останемся.

Он проходит, осматриваясь. Я использую это время, чтобы уделить внимание осмотру его со спины. Я вижу очертания мышц сквозь футболку. Джинсы идеально подчеркивают его задницу. Он поворачивается ко мне.

— Иди ко мне.

Его командный тон заставляет меня хотеть повиноваться и взбунтоваться одновременно. Никто не указывал мне, что делать в течение очень долгого времени, но правда в том, что я хочу быть ближе к нему. Я приближаюсь к нему, понимая, что никогда не была такой послушной. Как только я оказываюсь в пределах досягаемости, он хватает и поднимает меня, заставляя обхватить его ногами за талию. Я могу привыкнуть к такому приветствию. Легким движением он поправляет прядки вокруг моего лица, заправляя их за уши. Его руки пробегаются по моему затылку, спине и останавливаются на моей заднице. Он сжимает ее, наклоняется к моему лицу, впечатывая меня в стену. Его губы вступают в контакт с моими, и ссора с Брэй и отсутствие места для жизни временно стираются.

Его поцелуй твердый, требовательный и в то же время мягкий. Он не торопится, наслаждаясь поцелуем. Мои руки бродят по его спине, чувствуя каждый мускул. Его губы двигаются по моей шее, я наслаждаюсь каждым прикосновением. Я завожусь. Мои трусики намокли. Я извиваюсь в его объятиях, пытаюсь прижаться к нему еще больше.

Берк откидывается назад, его руки покидают меня, я сжимаю ноги еще сильнее на его талии, чтобы не упасть, и это заставляет его улыбнуться. Его руки двигаются вверх по моему телу, добираются до края моей рубашки. Теплые пальцы поглаживают мой живот, он останавливается всего на секунду, прежде чем стянуть с меня рубашку. Его губы возвращаются, на этот раз их цель — моя набухшая грудь. Он снимает с меня лифчик легким движением, которое заставляет меня задуматься о том, сколько раз ему приходилось это делать. Белье падает между нами на пол. Моя голова откидывается назад, тело выгибается, когда он берет мой сосок в рот.

Кажется, Берк медленно набирает обороты. Это лучшая пытка. Он дразнит меня, а я хочу отстраниться от него, быстро раздеться и приступить к делу, снова почувствовать его внутри меня.

Мое тело испытывает сенсорную перегрузку от ощущения его рук и губ на моей коже, давления его бедер между моими ногами. Его мужественный запах окутывает меня, запах гостиничного номера стирается. Я вижу, как он смотрит на меня, вижу следы, которые его зубы оставляют на моей коже, и чувствую мурашки бегущие по моей коже.

Мое тело медленно скользит по стене, когда он освобождает меня от своей хватки. Мои ноги изящно опускаются на пол, Берк опускается на колени. Его руки тянут за пояс моих брюк. Он торопится стянуть их с меня вместе с трусиками и отбрасывает их в

сторону. Его руки ласкают мои ноги. Он раздвигает их еще больше.

— Я весь день вспоминал твой вкус. Не мог выкинуть тебя из головы.

Я знаю это чувство. Он тоже занимал мои мысли. Приятно знать, что я не единственная, кто страдает от этого безумия. Он перекидывает одну мою ногу через плечо, открывая лучший доступ ко мне. Его рот на мне, и я бессовестно прижимаю его сильнее. Его руки сжимают каждый дюйм моей задницы. Его грубые ладони отлично дополняют то, что он делает своим ртом. Наши взгляды встречаются, он не отрывает рта от меня. Его рука приближается к неизведанной территории. Он ждет моего одобрения. Хотя идея экспериментировать никогда не казалась привлекательной прежде, я готова на все с Берком.

Я киваю, но добавляю:

— Я никогда. Будь нежным. Я не знаю, понравится ли мне.

Его глаза говорят мне, что он понимает.

Один палец прикасается к запрещенной дырочке, и он надавливает и делает круговое движение, почти не проникая. Мои колени подкашиваются, и я начинаю задыхаться. Я хочу наблюдать за ним, но мои глаза закрываются, голова откидывается на стену, когда с моих губ срывается стон удовольствия.

— Черт, Пейсли. Ты такая влажная для меня.

Рот Берка перемещается на мой клитор, он начинает посасывать его. В то же время он проталкивает кончик пальца в мою задницу. Давление от пальца и мягкое всасывание клитора толкает меня за край. Его палец все еще внутри меня, только давая мне вкус первого раза, но ощущение подавляющее. Я никогда не испытывала такой оргазм, как этот. Он распространяется по всему телу, и если Берк отпустит меня, я упаду.

Однако Берк не опускает. Он все еще там. Мое зрение проясняется, я смотрю на него. Его глаза закрыты, и он наслаждается всем этим так же, как я. Даже если мне это кажется невозможным.

Он отрывается от меня и открывает глаза. Это его заводит. В его глазах — желание. Он снова поднимает меня, и я думаю, что он возьмет меня прямо у этой стены, но затем он поворачивается и шагает к краю не заправленной кровати, прежде чем бросить меня на матрас. Берк тянет меня за мои лодыжки, так что моя задница оказывается на краю, а затем раздвигает мои ноги. Я поднимаюсь на локтях, чтобы следить за каждым его движением.

Он избавляется от своей одежды, а затем быстро достает презерватив из своего кошелька. Хотела бы я раздеть его сама. Он устраивается между моих ног и пробегает пальцем по моей киске, на которой все еще остались следы моего оргазма. На этот раз он не дразнит, погружаясь в меня одним движением. Мои ноги обхватывают его талию, я хочу, чтобы он был глубже.

— Боже, Пейсли. Я так хорошо чувствую твою киску.

Это то, чего я ждала. Чувствуя, как он двигается внутри меня, слыша его слова, я поднимаюсь на вершину. Его движения медленнее, чем в первый раз. Это позволяет войти глубже, и ощущение его настолько глубоко внутри сводит меня с ума.

— Да, Берк!

Я никогда не была особенно многословна во время секса, но мне хочется говорить о том, как хорошо чувствовать его внутри. Если бы я только смогла сформулировать больше чем пару слов.

— Так хорошо.

То, как он заставляет меня чувствовать, и сексуальные слова, которые он говорит мне, заставляют меня хотеть ответить. Кажется, все, на что я способна, — фразы из двух слов. Берк нависает надо мной. Он берет меня за запястья, и он поднимает их над моей головой, приковывая к матрасу. Я же выгибаю спину и притягиваю его ближе к себе ногами, впиваясь пятками в мускулы его задницы, они сжимаются с каждым ударом, который он делает.

Я приближаюсь ко второму оргазму. Не знала, что такое бывает. Смерть от оргазма звучит, как хороший способ умереть. Я стараюсь держать глаза открытыми, когда кончаю, я знаю, что он близок к финалу, и не хочу пропустить момент, когда кончит он.

Я отхожу от своего оргазма, когда Берк приближается к началу своего. Моя киска сжимается от его толчков. Берк откидывает голову назад, продолжая двигаться. Я чувствую, как он набухает и пульсирует, кончая.

Его темп замедляется, но он делает еще несколько движений. Я сжимаю ноги еще сильнее, не желая, чтобы он отпускал меня. Его лицо после оргазма — лучшее, что я когда-либо видела. Он выглядит счастливым, довольным и беззаботным. Его сексуальная ухмылка подтверждает, насколько он наслаждается тем, что произошло между нами. Это может стать моим любимым временем, проведенным с ним, его защита полностью опущена. Со мной.

Берк остается внутри меня, пока мы восстанавливаем дыхание и наслаждаемся друг другом еще немного. Пот покрывает нас обоих.

— Ты такая красивая.

Он шепчет эти слова мне на ухо в тихой комнате. Его руки ласкают мою кожу. Я чувствую обожание. Он приносит мир в этот трудный для меня день.

Берк

Было легко убедить ее покинуть гостиницу, по крайней мере, на сегодня. Два оргазма, вероятно, сделали ее более покладистой. Я понимаю, что она беспокоится о том, что останется со мной. В другое время я бы согласился, но не сейчас, когда мы втянуты в опасную игру. Кроме того, в моем доме шесть спален, поэтому, если она не захочет спать в моей комнате, у нее есть варианты. Я этого не хочу, но у нее должен быть выбор. Мы не знаем точно, с чем имеем дело, и тот, кто стоит за этим, втянул в это Пейсли. Было бы глупо оставить ее без защиты в каком-то дерьмовом отеле.

— Не хочешь рассказать мне, что случилось с Брэйлин?

Дорога домой проходила в тишине, но нам есть, что обсудить.

— Да. Полагаю, что так. Брэйлин... Погоди, откуда ты знаешь ее настоящее имя?

Справедливый вопрос, и я рад, что она подняла его.

— Мы с Каем проверили ее после истории со складом. Она была новым человеком в нашей жизни. Нам нужно было проверить все зацепки.

Я позволяю ей переварить это, прежде чем открою ей всю правду.

— Ты должна знать, что тебя я тоже проверил.

Ее тело напрягается, но она остается спокойной, обдумывая это. Она отворачивается и смотрит в окно. Я не вижу ее выражения лица.

— Мне не очень нравится, что ты узнал что-то обо мне, прежде чем я захотела поделиться этим сама, но, учитывая ситуацию, то, что ты сделал, имеет смысл.

Пейсли снова поворачивает лицо ко мне, и ее взгляд встречается с моим. Она немного настороже. Я понимаю, что я, вероятно, выбил ее из колеи.

— Вы нашли что-нибудь на Брэйлин?

— Нет. Ничего такого, что бы не было известно тебе.

Ее пальцы постукивают по колену, затаянному в джинсовую ткань.

— Часть меня хочет, чтобы вы нашли то, что объясняло бы ее поведение.

— Что случилось между вами сегодня утром?

— Не принимай это близко к сердцу, но она, кажется, одержима тем, чтобы держать меня подальше от тебя. Она практически запретила мне с тобой встречаться после того, как привела меня в ваш дом, и когда она узнала, что я осталась у вас вчера вечером, она слетела с катушек. Я этого не понимаю. Думаю, что она так остро реагирует, чтобы скрыть что-то еще. Единственное, о чем я могу думать, это наркотики. Брэй сама не своя.

Пейсли делает паузу, чтобы сделать глубокий вдох. Я жду, пока она продолжит.

— Сегодня утром она так рассердилась, что кричала, называя меня шлюхой. Прежде чем я даже узнала, что происходит, она велела мне убираться. Это прозвучало решительно. Как будто она давно хотела это сделать.

Мне не нравится, что я стал причиной этой ссоры, но Пейсли, вероятно, права, за этим что-то стоит.

— Думаешь, вы помиритесь?

— Пока не знаю.

Ее голос тронул мое сердце. Это меня раздражает. Мне должно быть все равно, что девушка рядом со мной расстроена, но я не могу слышать ее такой. Что бы ни было между нами — секс, похоть, дружба, выживание, да что угодно — я не могу относиться к этому так, как обычно. Я могу быть неподходящей партией для нее, но я должен быть осторожен с ней. Я пообещал себе, что сделаю все, чтобы защитить ее от того, что происходит в моей жизни, и от той боли, которую могу причинить ей сам.

Эта игра в загадки взрывает мой мозг.

Когда мы возвращаемся в дом, Тиган готовит обед. На кухне играет легкая музыка, запах мясного рулета долетает до меня. Ни она, ни я не особо хороши в готовке, но мясной рулет по рецепту матери Кай — это коронное блюдо Тиган. Она много практиковалась, чтобы научиться готовить его для Кая. Лично для меня — это просто улучшенный гамбургер, но у Кая был особенно трудный день, поэтому я рад, что она сделала это для него.

Отношения между этими двумя странные. Я часто задаюсь вопросом, были бы они вместе, если бы встретились в другой жизни или если бы мы были в другой ситуации. Но на самом деле она слишком молода для него и слишком много других «слишком».

Пейсли идет за мной, кажется ей неудобно в нашем окружении. Пытаясь ее расслабить, я хватаю ее за руку и притягиваю ближе к себе. Я держу ее за руку и немного сжимаю ее ладонь. Не думаю, что я держал девочку за руку, с тех пор как Тиган была ребенком.

Пейсли тепло улыбается мне.

Тиган поворачивается лицом к нам, и я пытаюсь скрыть смех. На ней фартук, перепачканный, я предполагаю, кетчупом. По крайней мере, надеюсь. Ее волосы откинuty назад. Она немного взволнована, находясь вне зоны своего комфорта. Она смотрит на меня, на Пейсли, на наши руки. Улыбка украшает ее лицо, демонстрируя глубину ее ямочек. В ее взгляде намек на то, что она была права в нашем последнем разговоре.

— Привет, вам двоим! Я готовлю обед и стараюсь не сжечь дом.

Тиган возвращается к готовке. Я бы предложил ей помощь, но я бы только мешал.

— Тебе помочь? Я не так уж плоха на кухне.

Пейсли отпускает мою руку и приближается к беспорядку, который устроила Тиган. Вся столешница завалена посудой и ингредиентами блюда.

— С удовольствием приму твою помощь. Я не могу отвлекаться, если хочу, чтобы все получилось, но если ты хочешь помочь мне прибраться и накрыть стол, я буду

бесконечно благодарна.

— Ты говорила с Каем после...

Я не могу заставить себя закончить.

— Он не выходил из своей комнаты. Я недавно ходила к нему, но он, похоже, не хотел говорить. Так что я здесь, готовлю мясной рулет. Тиган отвечает, не отводя взгляда от того, что делает.

Как будто это в порядке вещей, я подхожу туда, где Пейсли моет посуду, обнимаю ее и целую в щеку. Она возвращает мне ласку, проводя рукой по моей щеке, оставляя мыльный след на моей коже, а затем пытается сдержать смех. Я отпускаю ее, чтобы вытащить полотенце, ушипнув ее за задницу, прежде чем я уйду. Кажется, я не могу не трогать ее. Особенно ее попку.

Я уже чувствую тяжесть, когда покидаю кухню. Пейсли — отличное отвлечение, ведь всего несколько часов назад в этом доме был убит человек. Я немного забылся между бедрами Пейсли, но правда все еще там. Он все еще там — буквально. Нам со многим нужно разобраться, и ситуация, скорее всего, ухудшится.

Громкая музыка вибрирует сквозь стены, когда я приближаюсь к комнате Кая. Он не откликается на стук, что заставляет меня делать то, что я обычно не делал, — вторгнуться в его личное пространство. Я медленно открываю дверь. Кай лежит на своей кровати с закрытыми глазами. Вряд ли он мог заснуть с такой громкостью, но он не двигается, поэтому я выключаю музыку.

— Ты в порядке, мужик?

Это глупый вопрос. Очевидно, его не забавляет убийство человека, но с этого вопроса можно начать разговор. Кай открывает глаза и поднимает голову, чтобы взглянуть на меня.

— Черт поberi, братан.

Он садится и проводит рукой по лицу. Ненавижу то, что эта ситуация делает с нами. Когда я возьмусь за виновного, он пожалеет об этом. Я думаю, что я больше всего ненавижу эту тайну, не зная, на кого в действительности направлен мой гнев.

— Сегодня я позвонил в тюрьму, чтобы узнать, что нам нужно сделать, чтобы увидеть Паркера. Оказывается, он действительно ждет нас, потому что мы оба уже в списке ожидания. Он уже предоставил информацию о нас для включения в список, а значит, он достаточно осведомлен. Наши запросы все еще в обработке, так как у нас есть приводы. Нас уведомят по факту утверждения.

Я не ожидал, что он это скажет. Даже в таком состоянии, он просчитывает наш следующий шаг.

— Каков шанс, что нас не одобрят?

— Думаю, может произойти все, что угодно, особенно сейчас. Но парень, с которым я говорил, сказал, что мы, скорее всего, будем одобрены, потому что ни один из нас в настоящее время не находится на испытательном сроке, а арестовывали нас очень давно.

Это хорошие новости, я думаю. Кроме того, что Паркер знал достаточно личную информацию о нас обоих, чтобы заполнить подробные формы, не встречая нас, по крайней мере, насколько нам известно. Мы поговорим обо всем этом завтра. На сегодня с нас обоих достаточно. Я пришел, чтобы убедиться, что Кай пришел в себя.

— Хочешь поговорить о том, что произошло сегодня?

Хочу ли я сам поговорить об этом? Не-а. Разговорное дерьмо не в моей природе.

— Нет, мужик. У меня все в порядке. Хорошо ли то, что мы сделали сегодня? Е*ать, нет. Но это нужно было сделать. Я немного перегнул палку? Да, но с этим я справился. Моя голова в игре. Тебе не нужно беспокоиться обо мне.

— Ты уверен?

— Да, я уверен. Я разобрался с этим.

Кай, кажется, вышел из тумана, в котором находился, когда я оставил его этим утром. Это хороший знак. Ему нужно было немного пространства, чтобы прочистить

голову. Ясно, что Кай не тот, о ком мне нужно беспокоиться.

— Пейсли здесь. Брэйлин выгнала ее сегодня утром. Она побудет с нами, пока мы не разберемся с этим дерьмом.

Кай скептически поднимает бровь.

— Может быть, это тебе нужно поговорить, мужик?

Он пытается сдержать смех, но у него это плохо получается. Я рад, что сумел поднять его настроение, и сам не могу сдержать смех.

— Заткнись, и пойдем посмотреть, готов ли ужин.

Кай следует за мной на кухню. Мы уже давно не ужинали вместе, а сегодня к нам присоединится Пейсли. Я уже видел, как она ладит с Тиган и Каем, но мы никогда не общались друг с другом, без того, чтобы я не проявил себя полным мудаком. Я не могу поверить, что она вообще разговаривает со мной после того, как я намекнул, что она проститутка. Оглядываясь назад, я не могу поверить, что когда-либо думал так.

Кай и я останавливаемся, как только видим девушек. Они танцуют. Тиган поет в воображаемый микрофон, в то время как Пейсли играет на воздушной гитаре песню из восьмидесятых. Они выглядят такими счастливыми. Мне нравится, как хорошо эти двое ладят. В середине гитарного соло Пейсли замечает, что мы наблюдаем за ними и останавливается. Она покрывается румянцем, и Тиган обращает на нас внимание. Тиган не пугает аудитория, особенно в виде нас, поэтому она начинает петь еще громче. Пейсли начинает истерически хохотать, когда моя сестра вторгается в ее личное пространство и начинает дико жестикулировать свободной рукой. Как только песня заканчивается, Тиган выключает музыку, и как будто это не она сейчас давала представление, с серьезным лицом спрашивает нас, готовы ли мы сесть за стол.

Это бьет меня, как тонна гребаных кирпичей. Такие вещи, как держать за руку Пейсли и целовать ее, кажутся нормальными. Это чувствуется правильным. Потребность ее защищать. Моя зависимость от нее. Мне нужно больше ее. То, что Кай и моя сестра видят что-то другое. Она другая. Я с ней другой. Я хочу понять это.

Черт. Меня. Подери.

О чем, черт возьми, я говорю? В тот момент я понимаю, что у нас с Пейсли не какой-то бессмысленный трях с истекающим сроком годности. Есть причина, по которой я не мог оторвать глаз от нее на той вечеринке. Была причина, по которой я злился, когда думал, что она шлюха. Настоящая причина, по которой я пытался держаться подальше от нее. Подсознательно я знал все это время. Я хочу Пейсли. Я хочу, чтобы она была моей. Что бы это ни значило. Кажется, я все время знал, что, как только подпущу ее ближе, уже не смогу отпустить. Я не хочу. Я хочу узнать ее, что ей нравится и не нравится. Я хочу заставлять ее улыбаться и смеяться. Просто хочу, чтобы она была рядом со мной.

Могу ли я действительно это сделать? Особенно сейчас? Могу ли я быть тем человеком, который хочет больше, чем быстро трахнуться и сбежать?

Я думаю, время покажет. Если я хочу, чтобы Пейсли была в моей жизни, тогда мне нужно быть мужчиной, которого она заслуживает. Мне нужно перестать беспокоиться о том, смогу ли я быть таким человеком, и сделать все, чтобы это произошло. Я мою руки, потерявшись в этом эмоциональном гребаном прозрении, прежде чем вернуться в столовую, где уже сидят Пейсли и Кай. Тиган ставит последнюю тарелку на стол. Кай понимает, что Тиган приготовила его любимое блюдо и расплывается в улыбке. Я занимаю свободное место рядом с Пейсли и кладу руку ей на ногу. Через минуту Тиган присоединяется к нам.

— Желание и благодарность.

Тиган оглядывается вокруг стола, когда она упоминает наш ритуал. В детстве Тиган было не так много нормального. Она провела большую часть детства в одиночестве, а в оставшееся время была брошена под опеку двух мужчин, которые сами были едва взрослыми и понятия не имели, что они делают.

Первые десять лет ее жизни она провела с людьми, которые не были созданы быть

родителями. Мы с Тиган были в лучшем случае случайностью для них. Но в нашем доме не было никакой враждебности или зла. Наши родители просто пренебрегали нами и проводили большую часть своего времени вне дома. Даже когда они были дома, они почти не занимались нами. Я никогда не думал об этом, пока не стал старше. Я был подростком и делал все, что хотел.

Я думаю, что для Тиган это было тяжелее, особенно после того, как я ушел, и она осталась одна. Это заставляет меня чувствовать себя мудаком, но я был подростком и меньше всего я думал о своей младшей сестренке. Все, что меня волновало, — это секс и поиск кайфа.

Потом они погибли, и я сказал Каю, что собираюсь забрать ее. Я подумал, что он либо уйдет, либо мне нужно будет искать новое место. Он посмотрел на меня так, словно я был сумасшедшим. Что, черт возьми, я знаю о воспитании десятилетней девочки? Не так много, и я узнал, насколько мало раз десять в последующие годы. Кай, однако, удивил меня, он сказал что-то вроде:

— Пошел ты, чувак! Я никуда не уйду, мы берем Тиган к себе.

Мы старались изо всех сил. Мы пытались нормализовать ее жизнь, любыми способами. Мы не могли дать ей мать и отца или заплетать ей косички, или держать ее подальше от наших дел, но мы старались делать что-то нормальное, как обычные счастливые семьи. Это был наш способ дать ей детство. Мы начали эту традицию с появления Тиган, пытаюсь узнать о ее потребностях так, чтобы она об этом не догадалась. Мы были невежественны в воспитании маленькой девочки и использовали любое преимущество.

Мы просили Тиган рассказать нам одно свое желание и одну вещь, за которую она была благодарна, перед каждым приемом пищи, и сами тоже принимали в этом участие. В первые дни это помогло нам понять, что она слишком сильно выросла из своей одежды и нуждалась в новой, что у нее были проблемы в школе с хулиганом, или когда она, наконец, сказала нам, что ей нужно купить ее первый лифчик. Она уже давно поняла, для чего мы это делаем, но мы по-прежнему продолжаем традицию, хоть и не так часто собираемся вместе за столом.

— Давайте пропустим сегодня вечером.

Ответ Кая и его тон говорят мне, что он предпочтет вырвать себе зуб, чем принять участие в этом семейном ритуале.

— Нет! Если мы делаем это только тогда, когда у нас все хорошо, тогда это бессмысленно. Хорошо, плохо, отвратительно...

Тиган настроена серьезно. Каю не удастся отвертеться. Я могу это гарантировать.

— Я хочу лучше узнать Пейсли, и я благодарна за плохое телевидение и хорошие книги. Тем более, что я буду под домашним арестом в ближайшее будущее.

На ее лице появляется самодовольное выражение:

— Видишь? Это не так сложно.

Это же не она убила сегодня человека голыми руками.

Стремясь успокоить мою сестру и дать Каю еще немного времени, чтобы придумать то, что он собирается сказать, я беру слово.

— Мне бы хотелось, чтобы у нас было больше крепкого алкоголя дома, потому что это пиво не катит, и я благодарен за дешевые гостиничные номера.

Пейсли пинает меня под столом, но то, что я сказал, было лучше, чем: «Я бы хотел разобраться в этой тайне и оторвать голову организатору». Кроме того, выпивка и секс являются основой счастья каждого человека, особенно моего.

Тиган стреляет в меня взглядом, говоря, что ей не нравятся мои ответы, но сегодня она не собирается спорить.

— Ладно, Пейсли, почему бы тебе не попробовать?

Пейсли удивлена тем, что ее включили в эту семейную традицию, но кажется, она счастлива. Она прочищает горло и справляется гораздо лучше, чем я, давая Тиган то, чего

она хочет.

— Мне хотелось бы знать, что происходит с Брэйлин, и я благодарна всем вам за то, что позволили мне остаться здесь.

Я сжимаю ее ногу, и ее рука находит мою под столом. Все, сидящие за столом, поворачиваются к Каю, и я действительно немного нервничаю из-за того, что может вырваться из его рта. Он пожимает плечами и издает громкий побежденный вздох.

— Хотелось бы, чтобы на полу менее чем в пятидесяти футах не лежал мертвый парень, и я благодарен мясному рулету.

Ну, это было лучше, чем могло бы быть, с учетом всего, что произошло в последнее время. Тиган пропускает это, но Пейсли замирает от упоминания мертвого парня. Мы так и не обсудили то, что случилось с Томасом. Я уверен, что она предположила, что он мертв, но не знала деталей, и я сомневаюсь, что она ожидала, что он все еще будет в доме. Чувствуя, что Пейсли неудобно, Тиган быстро поднимает свой бокал и выпивает.

— Давайте есть!

Мы каждый возвращаем жест, поднимая наши бокалы. Мы только что подняли тост за мертвого парня? Все мы хотим быстро преодолеть эту неловкость, поэтому заполняем наши тарелки. Единственный шум, который нужно услышать, это звон серебра по тарелкам и жующие звуки. Мы с Каем переходим к добавке быстрее, чем девочки успевают приступить к первой порции.

— Так... что мы будем делать с мертвым парнем?

Удивительно, но это исходит от Пейсли. Кай вскидывается, как от удара кнутом. Все звуки замолкают. Каждый из нас смотрит на Пейсли.

— Что?

Наступает пауза. Все знают — в этом доме есть мертвец. Полагаю, пришло время открыть карты. Кроме того, все это заставляет меня самого нервничать... мертвец и правда все еще здесь.

Кай начинает говорить, и я более чем удивлен, услышав, что он отвечает.

— Оставь его нам. Сегодня вечером его уже здесь не будет. Твоя задача не показывать всем вокруг свои прелести, пока ты остаешься в этом доме. Это место не нудистская колония.

Кай дразнит ее. Пейсли охает от удивления. Это в первый раз сегодня, когда Кай становится похож на себя, но мне интересно, когда и почему Кай увидел Пейсли голой.

— Хорошо... кто-то объяснит мне, что я пропустил? Что за шуточки о прелестях и нудистских колониях?

Кай собирается ответить мне, но Пейсли опережает его.

— В первый раз, когда Кай пришел к Брэй, я принимала душ. Я вышла в гостиную, полагая, что у меня есть смена одежды и что я не наткнусь на Кая, потому что это был очень короткий душ. Я ошиблась по обоим пунктам. Я стояла к нему спиной, когда он вышел из спальни и испугал меня, что заставило меня подпрыгнуть и отпустить мое полотенце. И он увидел мою классную задницу с высоты птичьего полета.

— Да, и я увидел твою ужасную татуировку. Я говорил, что у меня есть друзья, которые могут исправить это? Пейсли, познакомься с моими друзьями-татуировщиками. Уверен, что Берк видел татуировку, о которой идет речь.

Пейсли закатывает глаза.

— Я сделала ее в шестнадцать на улицах. Конечно, она выглядит дерьмовой. Меня это не беспокоит. Я даже не вижу ее. Я даже не помню, что там.

— Ужас... вот что там.

Она качает головой, а я рад, что Кай не видел ничего больше. Кажется, он чувствует нежность по отношению к ней, о которой я собираюсь спросить, и мне не нравится, что он видел ее без одежды, даже если это была только ее задница.

Мы заканчиваем ужин с гораздо меньшим молчанием. Неловкое чувство исчезает. Кай наслаждается своей любимой едой, мы переговариваемся за столом. Тиган и Кай

пытаются лучше узнать Пейсли, и мне нравится слушать ее ответы на их вопросы. Как только ужин закончился, Кай остается мыть посуду.

— Тиган, почему бы тебе не показать Пейсли свободные комнаты, пусть она выберет свою. У нас с Каем есть дело.

Мы с Каем направляемся в офис. Томас там, все еще привязан к стулу. В комнате беспорядок, и может быть слишком рано, но все, что я чувствую, это запах смерти. Стремясь отвлечься от того, что мы будем делать сегодня вечером, я заговариваю с Каем.

— Ты, кажется, хорошо ладишь с Пейсли.

Даже я слышу обвинение и ревность в своем тоне. Эти эмоции не то, что я испытывал раньше.

— В ней что-то есть. Она заставляет меня чувствовать, что все... хорошо.

Не уверен, что он имеет в виду, мне нужны дополнительные разъяснения для моего собственного душевного спокойствия. Если его самодовольная улыбка — это какой-то знак, я бы сказал, что Кай, кажется, наслаждается тем, насколько неудобно мне в этом разговоре.

— Ты запал на нее? — мои кулаки сжимаются, когда я задаю вопрос, который действительно у меня на уме.

— Не заводись, мужик. Она мне нравится. Для тебя. И мне нравится, когда она рядом, вот и все.

Я думаю, Пейсли получила одобрение Кая. Хорошо это знать. Это был странный гребаный день. Наблюдать, как Кай убивает человека, эмоциональные разговоры налево и направо, Пейсли все время в моей голове, бл*дские прозрения, самый странный ужин, который у меня когда-либо был, и теперь пришло время избавиться от тела.

Я готов закончить этот чертов день.

Пейсли

Когда я просыпаюсь, дневной свет пробивается сквозь жалюзи спальни, не той, в которой я заснула прошлой ночью, но эти простыни мне знакомы. Меня обволакивает запах, к которому я быстро пристрастилась. Этот чистый, мужественный аромат напоминает мне об открытом воздухе, и это все Берк. Окончательно проснувшись, я понимаю, что его руки обнимают меня и что это была одна из редких ночей, свободная от кошмаров.

Берк и Кай ушли, и я заснула, прежде чем они вернулись домой. Либо у меня не появилась склонность к лунатизму, либо он принес меня сюда. Должно быть, я была измотана, потому что даже не проснулась, пока он, по-видимому, нес меня через дом. У меня голова идет кругом, когда я понимаю, что Берк хочет меня в своей постели, просто чтобы быть рядом со мной. Прошло всего несколько недель с тех пор, как мы встретились, и меньше двух дней с тех пор, как я почувствовала, что изменилось между нами, но я думаю, что мы могли бы быть чем-то большим вместе.

Я хочу быть лучшей версией себя с ним. Для того, кто был лишен серьезных отношений любого рода, это кажется чем-то особенным. Если быть совсем честной, я понятия не имею, о чем говорю. Я — та, у которой нет семьи, нет друзей, и все мои отношения с мужчинами сводились просто к сексу. Я прислушиваюсь к своему внутреннему голосу, и он говорит мне, что я там, где должна быть.

Я поворачиваюсь к Берку лицом, он не двигается ни на дюйм. Интересно, насколько поздно они вернулись? Его медленное, ровное дыхание успокаивает меня настолько, что я могла бы снова заснуть, если бы не сосредотачивалась на другом, например, на том, как его голый торс прижимается ко мне.

Я немного отодвигаюсь, чтобы получить лучший обзор. Он чертовски вкусный с ног до головы. *«Возьми. Возьми. Возьми»*, — эта мантра пробегает в моей голове, когда я представляю его раздетым. Мои мысли греховны, и я собираюсь быть очень нечестивой этим утром. Мои руки бродят по его телу, но мои прикосновения все еще не отвлекают его от сна. Мои пальцы прослеживают контуры его мышц, мой взгляд следует за ними. Мои руки перемещаются ниже на его пресс, что заставляет Берка слегка поменять позу, он переворачивается на спину. Тем не менее, его глаза остаются закрытыми, а дыхание спокойным. Я осторожно сажусь, чтобы полюбоваться им.

Я устраиваюсь между его ног, и вид спереди радует мой взгляд. Я знаю, чего хочу, но мне нужно набраться смелости. Мои руки двигаются к его бедрам, а затем вверх. То, что скрыто под его боксерами, вселяет в меня чувство смелости. Даже во сне я чувствую, насколько впечатляет его размер, когда медленно поглаживаю его через тонкую ткань. Идя на поводу у моей похоти и желания, я медленно вытаскиваю его член. Я хочу попробовать его и понять, каково это — доставлять ему удовольствие.

Я уделяю внимание его головке, прежде чем погладить его теплую плоть, а затем вернуться обратно. Он увеличивается в моей руке, и удивительно, что Берк все еще не проснулся, но его дыхание изменилось. Его грудь поднимается и опускается с заметно большим темпом. Предэякулят смачивает головку, и я больше не могу сдерживаться. Наклоняясь вперед, я осторожно провожу языком по его члену и наслаждаюсь соленым вкусом этого безумно сексуального мужчины. Я полностью накрываю его ртом.

Берк мягко шевелится, когда я вбираю его глубже, только чтобы тут же выпустить и провести языком вокруг головки. Я повторяю движение. Жажда, проходящая через меня, заставляет мои глаза открыться. Когда мой рот снова оборачивается вокруг него, я смотрю вверх и вижу, как уголки его губ поднимаются вверх, а его руки слегка сжимают простыню. Видя, как ему нравится пробуждение, я удваиваю усилия. Мои руки движутся к его яйцам, и я крепко хватаю их, пока облизываю его от основания до кончика. Я хочу взять его глубже. Я хочу, чтобы он сходил с ума от моей ласки. Я хочу дать ему все удовольствие, которое дал мне он. Я все еще смотрю на него, когда беру его в горло, за пределы рвотного рефлекса.

Глаза Берка открываются, и они сразу же находят меня. В них смесь нежности и тепла. Взгляд на его лице еще больше подталкивает меня, он отражает мою собственную нужду.

— Бл*дь, Пейсли. О Боже. Черт, это так хорошо, детка.

Его хватка оставляет простыни и движется вниз. Руки зарываются в мои волосы, он трахает мой рот, но при этом не доминирует. Он ведет меня, показывает мне, что ему нравится и чего он хочет, а также проверяет мои пределы. С ним я не хочу никаких

ограничений. Я хочу взять его так глубоко, как позволит мое горло и рефлекс. Я хочу проглотить каждую каплю того, что он мне даст. Я жестко сосу его, пока мои глаза не начинают слезиться. Мои ногти впиваются в его бедра, пытаюсь помочь освободить энергию, проходящую через меня, от простого акта удовлетворения его. Его вкус во рту, звук его голоса, которым он произносит мое имя, и ощущение, что его тело реагирует на меня, — это самые сильные афродизики, которые я когда-либо испытывала.

Берк — альфа-самец со склонностью к опасности, и в настоящее время я контролирую то, что происходит между нами. Мои трусики уже полностью промокли. Моя рука сама по себе тянется к клитору, который требует облегчения. Отодвинув трусики в сторону, я начинаю потирать его маленькими круговыми движениями, синхронизируя движения с моим ртом, ублажающим Берка. Я начинаю стонать и чувствую, как его член дергается в горле.

— Черт возьми! Пейсли, ты трогаешь себя?

Чтобы ответить на его вопрос, я неохотно отрываю пальцы от своего клитора, протягиваю их к его рту. Он всасывает их на мгновение.

— Пейсли, сядь, сними одежду и встань на колени у кровати. Я хочу, чтобы ты прикасалась к себе. Пожалуйста... сейчас.

Мне нравится, как мое имя срывается с его губ, когда он возбужден. Я быстро скидываю одежду и встаю на колени. Берк следует за мной, ставит ноги по обе стороны от меня, держа свой член в руке.

— Коснись себя.

Он медленно поглаживает себя, прямо на уровне моих глаз, пока ждет моего движения. Я не могу удержаться, чтобы немного поддразнить его, поэтому я прикасаюсь к животу и медленно прохожусь по груди. Это не то, что он имел в виду, когда велел мне коснуться себя.

— Мне нравится, когда ты произносишь мое имя и говоришь «пожалуйста».

Я слегка зажимаю свой сосок и смачиваю губы, пробегаясь языком по ним.

— Пейсли... пожалуйста, прикоснись к своей чертовой киске!

Берк протягивает руку и тянет за другой мой сосок. Не могу больше удержаться, я заканчиваю дразнить и опускаю пальцы на мою киску. Я прикасаюсь к себе, наблюдая, как его рука двигается вверх и вниз по его стволу.

— Детка, ты самая невероятная женщина, которую я когда-либо видел.

Его взгляд прикован к движению моих пальцев.

— Ты хочешь, чтобы мой член был у тебя во рту?

Я наклоняюсь вперед, пытаюсь снова захватить контроль и попробовать его, но он отодвигается от меня.

— Я задал тебе вопрос. Пейсли, ты хочешь, чтобы мой член был у тебя во рту?

— Да.

— Скажи это.

Он хочет это услышать. Я была бы более чем счастлива сказать ему, если бы смогла произнести хоть слово. Глубоко вздохнув, я собираю свои запутавшиеся мысли.

— Я хочу твой член у себя во рту, Берк. Пожалуйста...

Он наклоняется вперед и потирает головкой мои губы. Мой язык жадно вырывается. Я прилагаю все усилия, чтобы взять как можно больше, и Берк не колеблется, чтобы дать мне то, что я хочу. Он хватает мою голову, быстро проходит мимо моих губ и начинает

ускоряться, отдаваясь мне. Мне нравится позволять ему получать от меня удовольствие. Я потеряла контроль над ситуацией, но все в порядке, потому что я не уверена, что смогу сохранить равновесие, когда мои собственные пальцы скользят внутри моей киски. Мой палец кружит вокруг моего клитора, в то время как два моих пальца входят и выходят.

— Я кончаю.

Его предупреждение ничего не значит, потому что я очень хочу почувствовать его оргазм у себя во рту. Я хочу почувствовать его вкус. Я хочу проглотить каждую каплю. Я беру его еще глубже, без слов показывая, чего я хочу — что я хочу его.

Он откидывает голову назад. Как только я чувствую вкус его освобождения на стенке своего горла, я начинаю кончать сама. Огонь проносится по моим венам, мои ноги дрожат. Я никогда так сильно не кончала от своей руки, но предполагаю, что все дело именно в нем.

Берк тяжело дышит. Я медленно выпускаю его из своего рта. Он обнимает меня и затаскивает на кровать. Хватает меня за волосы и целует. Прикосновение губ заставляет меня почувствовать себя обожаемой.

Он пробегает пальцами по моим волосам, и я ловлю себя на мысли, что это тот самый человек, который до чертиков пугал меня несколько недель назад.

— Пойдем, я приготовлю тебе завтрак.

Я слезаю с его колен, чтобы найти одежду.

— Можешь будить меня так каждое утро. Лучший способ начать день.

Берк еще не сдвинулся с кровати. Он наблюдает, как я одеваюсь. Я улыбаюсь, надевая рубашку. Это лучший способ начать день и для меня. С этим никто не поспорит.

— Пойдем. Время подзаправиться.

Я выхожу из комнаты. В доме тихо и я продвигаюсь на кухню. На столе записка, из которой я узнаю, что Кай ушел с Тиган в тату студию. Оставив ее на месте, я открываю холодильник. Я нахожу яйца и бекон, достаю хлеб. Заходит Берк. Он также читает записку, затем идет к кофеварке. Кофе — это хорошая идея. Я начинаю готовить, пока Берк делает кофе.

— Прости, Пейсли.

Мои брови взлетают вверх от удивления, я не понимаю, за что он извиняется. В его взгляде столько вины.

— За что ты просишь прощения?

Он двигается ко мне, берет мое лицо в ладони, и я просто таю.

— Прости за то, как я обращался с тобой, когда мы познакомились. Я был таким козлом.

— Берк, все в порядке...

— Нет, дай мне закончить. Все вовсе не в порядке, меня бесит, что именно с этого начались наши отношения. Я переборщил и хочу, чтобы ты знала, как мне жаль. Если бы я мог сам себе надрать зад, я бы это сделал. Никому не позволяй так разговаривать с тобой.

Мне не нужны его извинения, но знать, что он чувствует это, приятно. Его тон и выражение лица заставляют меня легко простить его.

— Если ты все правильно помнишь, я и не позволила, и не собираюсь этого делать дальше. Ты был ублюдком, но я вижу, что ты раскаиваешься. Прощено и забыто. Я ценю то, что ты извинился.

Я прижимаюсь к нему в поцелуе и шутливо шлепаю его по заднице.

— Закончи с кофе, у меня уже начинается кофеиновая ломка! В этом состоянии я не самый приятный человек.

Он целует меня в лоб, кажется, это ему очень нравится, а я наслаждаюсь этой лаской. Затем отпускает меня и возвращается к кофеварке, а я к приготовлению завтрака.

— Я сегодня работаю на выезде.

Мое рабочее место далековато от этого дома. Будет гораздо сложнее добраться туда без машины.

Это на самом деле не совсем вторая работа. Я берусь за нее время от времени, когда они устраивают вечеринки и им нужна дополнительная помощь. Мне нужно быть к трем в каком-то доме в этой стороне города.

— Сливки, сахар?

— По чуть-чуть и того и другого.

Я переворачиваю бекон, проверяю яйца и закидываю хлеб в тостер.

— Мне не нравится то, что ты собираешься работать там, где я не могу за тобой присмотреть.

Берк не может ходить за мной повсюду. Это ненормально и практически невозможно.

— Я буду в порядке. Я большая девочка и давно забочусь о себе сама. Если тебе станет от этого легче, я больше не буду брать подработки, пока мы со всем не разберемся.

— Я знаю, что ты можешь за себя постоять, но ты в этом по моей вине. Я бы был полным козлом, если бы не волновался за твою безопасность. Ты будешь совсем одна в каком-то непонятном доме.

— Я не могу забыть на эту работу. Если я сожгу мосты, они никогда не наймут меня снова.

Берк протягивает мне кофе. Я делаю большой глоток, игнорируя то, что он обжигает мой рот. Это того стоит. Я ставлю чашку на стол и заканчиваю приготовление завтрака.

— Я соглашусь на это, только если ты позволишь мне отвезти тебя и забрать.

— Договорились. Доставай тарелки.

Берк оставляет эту тему сейчас, но мы к ней еще вернемся. Он хочет сказать что-то еще, но сдерживается, накрывая на стол. Мы завтракаем в тишине, но это молчание не доставляет нам никакого неудобства. Он постоянно прикасается ко мне. Когда мы заканчиваем, я готова ко второму раунду в постели. Я завожусь просто от того, что он со мной в одной комнате, его извинения и то, как он воспринимает мое «нет». Компромисс и понимание очень сексуальны.

Черт, все в этом мужчине сексуально.

Я разношу брускетту по комнате дома (*прим. классическая итальянская закуска-антипасто, представляющая собой ломтик подсушенного хлеба — например, чиабатты, — поджаренный до легкой корочки и хрустящего состояния*), который даже больше того, в котором я живу сейчас. Дом Берка такой теплый и гостеприимный без кучи людей, пришедших повеселиться на вечеринку. Этот дом переполнен. Все сверху донизу

выглядит так, как будто стоит целое состояние. С потолка свисают большие люстры, почти в каждом углу странные статуи, а на стенах картины, которых я не понимаю. Есть комната полностью в белых тонах, я стараюсь избегать ее, боясь уронить там что-то.

Гости одеты как на красную ковровую дорожку. Дамы в длинных платьях, мужчины в смокингах. У большинства дам в руках бокалы с чем-то игристым, у мужчин – стаканы с янтарной жидкостью, наполняемые заботой официантов. Думаю, бутылка такого напитка стоит больше, чем я зарабатываю за месяц.

Несмотря на заполненную атмосферу, все пока идет хорошо. Я научилась растворяться в толпе так хорошо, что я практически невидимка для гостей, по крайней мере, до тех пор, пока им что-то не понадобится. Иногда во время такой работы мужчины постарше начинают распускать руки, а женщины язвить. Однажды одна из таких женщин вызвала меня на улицу поговорить. Я последовала за ней, а она вылила бокал игристого вина прямо мне на голову, обвинив меня в том, что я флиртую с ее мужем. Она выглядела лет на тридцать, так что вряд ли это был брак по любви. Весь оставшийся вечер от меня несло шампанским, и я не отрывала взгляда от пола. Удивительно, что меня не уволили после этого.

Я возвращаюсь на кухню, чтобы снова наполнить поднос. Краем глаза я замечаю что-то красное. Мои ноги останавливаются, и я поворачиваю голову. Волосы глубокого винного цвета, заколотые в изысканную прическу. Она напоминает мне Джессику Рэббит в своем длинном платье, выгодно подчёркивающее изгибы. *Что Брэйлин делает здесь?*

Стараясь не выглядеть подозрительно, я прячусь за шоколадным фонтаном в центре комнаты, чтобы взглянуть на нее поближе. Темные круги исчезли, и ее глаза снова светятся. На ее губах помада цвета крови, а на глазах золотистый макияж. Несмотря на то, что у Брэйлин всегда был отменный вкус, я никогда не видела ее настолько шикарной. Ее почти не узнать

— Что ты делаешь?

Я подпрыгиваю от неожиданности и рук на своей заднице. Повернувшись, я вижу Берка в умопомрачительном сексуальном смокинге. Он в темной угольно-серой двойке, которая выглядит сшитой на заказ, на нем нет галстука, как у остальных мужчин в комнате. Верхняя пуговица его серо-голубой рубашки расстегнута.

— Что ты здесь делаешь?

Думаю, Берк понял мое «нет» не совсем так, как я думала. Сложно придать строгость своему голосу, когда он так хорошо выглядит.

— Я пришел на вечеринку.

Его голос наглый и самодовольный. Не уверена, хочу ли я ударить его или поцеловать.

— Ты не можешь быть здесь, тебя не приглашали, из-за тебя меня уволят.

Я отбрасываю его руку.

— Расслабься, Пейсли. Здесь больше сотни людей. Никто не заметит одного лишнего. Я не буду тебя беспокоить.

Одетый таким образом, он не сможет меня НЕ беспокоить. Это волнует меня, потому что я хочу забыть о том, что мне нужно наполнить поднос и утащить его в какую-нибудь кладовку. Мысль о том, как он наполняет меня, пока я должна работать, с этой толпой в доме, посылает дрожь по всему моему телу.

«Соберись». Этот мужчина превращает меня в сексуальную маньячку.

Я заставляю себя расслабиться и улыбнуться, зная, что, скорее всего, он прав, никто не поймет, что его не приглашали.

— Где ты достал смокинг?

Берк осматривает себя, как будто ему нужно напоминание.

— Купил его после того, как подбросил тебя на работу.

Я сглатываю, осматривая его с ног до головы. На его лице появляется дьявольская ухмылка.

— Нравится?

Да, и даже очень.

— Он неплох.

Я вру. Мы оба знаем, что моя попытка выглядеть равнодушно провалилась.

— Верно... просто «неплох». Пожалуй, верну его завтра.

— НЕТ! У меня на тебя в этом смокинге планы. НЕ смей его возвращать.

Берк снова придвигается ко мне, но я отхожу назад и оглядываю его еще разок. Я не могу позволить ему прикоснуться к себе иначе исчезну с ним в какой-нибудь кладовке. Он смеется над моими попытками, но отступает.

— Итак, что за шпионскую игру ты ведешь за этим фонтаном?

Берк выглядывает из-за фонтана, и я хватаю его за плечо и затягиваю назад. *«Черт, я все-таки прикоснулась к нему»*. Я быстро убираю руку и хватаюсь двумя руками за поднос.

— Ой, я забыла. Брэйлин тут. Не хочу, чтобы она меня увидела.

Берк осматривает комнату уже более тщательно. Я понимаю, что он увидел ее. Он следит за ней взглядом, вены на его шее напрягаются.

— Мне нужно вернуться к работе. Сделай одолжение, последи за ней, возможно у тебя получится выяснить, зачем она здесь? Будь моим шпионом, пока я работаю?

Я проговариваю свою просьбу со щенячьим взглядом, лучшим на который я способна. Он качает головой.

— Я здесь, чтобы присматривать за тобой. Не за ней.

— Будь многозадачным!

Я покидаю свое убежище за фонтаном и отправляюсь на кухню. Здесь творится настоящий организованный хаос. Официанты толпятся, наполняя подносы, повара выкрикивают приказы, управляясь с плитой, организатор бегаёт туда-сюда, пытаюсь убедиться, что еда красиво разложена на тарелках. Здесь я могу отключиться от проблем и делать свою работу на отлично. В этом водовороте нет плохих парней и предательниц соседок.

Ну, обычно не бывает, ведь сейчас одна из них в соседней комнате. Я все еще не могу перестать думать о ней. Черт бы побрал Брэйлин. Сегодня, когда и Брэйлин и Берк здесь, мне гораздо труднее найти свой дзен, но этого не достаточно, чтобы смутить меня. Я размышляю, что Брэйлин сделает, если заметит меня? Как поведет себя? Я считала ее сестрой. Сестры ссорятся, так? У меня нет родной сестры, насколько мне известно, но я полагаю, это в порядке вещей. Я надеюсь, что это так, и Брэйлин придет в себя.

Ночь почти закончилась после шести подносов, пяти проверок от Берка и одного небольшого пожара на кухне. Я всю ночь не попадалась Брэйлин на глаза. У меня такое чувство, что она избегала меня нарочно. Мы собираемся, многие гости уже ушли, и я надеюсь, что мой партнер так же незаметен, ведь число людей сильно сократилось.

Мой босс говорит мне, что я свободна на сегодня, поэтому я добираюсь до своего телефона и пишу Берку. Ему придется встретить меня снаружи, так как персонал обычно выходит через заднюю дверь. Я хватаю свой кошелек и направляюсь к ней.

Темно, но маленькие огни вдоль дорожки освещают путь. Я прохожу около пяти футов, прежде чем меня толкают прямо в стену. Боль проходит сквозь мою грудь от удара.

Когда я оборачиваюсь, то сталкиваюсь лицом к лицу с Брэйлин. Она смотрит на меня со злобой в глазах, хватая меня за горло.

— Какого черта ты делаешь, Брэй?

Я задыхаюсь, хватаю ее за запястье, зная, что я сильнее ее, пытаюсь освободиться от ее хватки. Тем не менее, она удивляет меня силой, о которой я не знала, и снова толкает меня к стене.

— Тебе и твоему приятелю нужно держаться от меня подальше.

Она выглядит взбешенной. Я удивлена ее враждебностью. Это она меня выгнала, и я ушла без боя. Что вызвало ее злость?

— О чем ты говоришь? Я здесь для работы. Я даже не знала, что ты будешь здесь. Что ты здесь делаешь?

Брэй, наконец, отпускает меня и скрещивает руки на груди.

— Ты не единственная, кто работает, Пейсли.

— О, так ты здесь тоже для работы? Тебе лучше вернуться туда, потому что твой богатенький клиент будет злиться, что ты пропала. Ты принадлежишь ему сегодня, верно?

Последний комментарий был не самым приятным, но я злюсь на нее. Я хочу задеть. Брэйлин ненавидит, когда кто-то думает, что может владеть ею. Она настаивает на том, что она контролирует ситуацию во время ее небольших «деловых операций». Удар ниже пояса, как правило, не мой стиль, но эта ситуация оправдывает его. Она бьет меня по лицу — тяжело, достаточно тяжело, чтобы заставить меня увидеть звезды.

— Заткни свой гребанный рот. Ты ничего не знаешь, и ты гораздо глупее, чем я когда-либо думала. Мной владеют?

Она сжимает кулаки.

— Ты глупая сука, которая путается с преступником, который, я уверена, относится к тебе, как к очередной киске. Он привел тебя в этот красивый большой дом, возможно, даже заставил тебя почувствовать себя особенной, раз или два, верно?

Когда я плотно сжимаю губы, ее глаза наполняются маниакальным счастьем.

— Ну, ты ошибаешься, и ты не особенная. Ты точно такая же, как и я. Расплачиваешься своей киской за комнату, где можно спать, а он трахается с какой-то бабой в ванной того самого дома, где ты работаешь. Спроси его об этом! На самом деле, ты хуже меня, потому что, по крайней мере, мне не нужно работать обслугой на таких вечеринках или притворяться, что кто-то, кого я трахаю, трахает только меня.

Брэйлин набрасывается, потому что злится. Удар за удар. В ее словах нет правды, не так ли? Но их достаточно, чтобы вывести меня из моего оцепенения. Я бью ее в челюсть. Никаких девчачьих пощечин. Мы падаем на землю. Я сверху, а Брэй царапается и пытается изо всех сил сбросить меня. Я не дралась с подросткового возраста! Это нелепо.

Я наношу еще один удар, прежде чем меня отрывают от нее. В моем сумасшедшем состоянии я изо всех сил пытаюсь освободиться и вернуться туда, где Брэйлин сидит на земле. Голос Берка прорывается сквозь это сумасшествие, пытаюсь успокоить меня. Он

ставит меня на ноги, и я пытаюсь вырваться. Берк намного сильнее, чем Брэйлин, я оказываюсь в ловушке его рук.

Он осматривает меня, убеждаясь, что я не поранилась, а затем поворачивается к Брэйлин.

— Держись подальше от нее.

Брэй отряхивает траву со своей задницы и грязь с рук.

— С удовольствием.

Брэйлин поворачивается и возвращается в дом, мое внимание обращается к Берку. Я вдыхаю его запах в надежде успокоить свой гнев.

— Ты в порядке?

Его рука гладит ту щеку, по которой Брэйлин ударила меня. Я предполагаю, что остался след.

— Да, я в порядке. Пошли домой.

Берк берет меня за руку и ведет к своей машине.

Берк

Поездка проходит в молчании. Гнев, который она излучает, густой и тяжелый, я стараюсь дать ей пространство, чтобы она остыла, но когда мы возвращаемся домой, она направляется прямо в комнату для гостей. Я хочу знать, что она в порядке, и я хочу знать, что произошло там с Брэйлин.

Пейсли забралась мне глубоко под кожу, так, как никто раньше. Когда ей больно, это влияет на меня. Когда я увидел ее на земле, сражающуюся с Брэйлин, я почувствовал ярость. Когда увидел след на ее лице от удара, я был возмущен. Я не могу это объяснить. Я еще не уверен, чего хочу. Пейсли выворачивает меня наизнанку. Это нечто большее, чем ее сексуальные стоны и потрясающая внешность.

Она облегчает мою жизнь, даже когда случается дерьмо. Я не знаю, что это значит, но я не хочу ее потерять. И то, как она берет меня так глубоко, что мои яйца касаются ее подбородка, или то, как ее присутствие воздействует на меня. Видеть, как она танцует на кухне с моей сестрой. Наблюдать, как она мечется подо мной, пока я вбиваюсь в нее. Просыпаться под то, как она доставляет мне удовольствие.

Меня разрушает то, как она задыхается в панике от кошмара или как она попадает под горячую руку Брэйлин. Это все Пейсли. Моя. Что бы это ни значило. Она принадлежит мне. Ее безопасность, ее благополучие, ее удовольствие. Я хочу этого, и все это мое. Я позабочусь о ней, как бы долго это ни длилось. Я защищу то, что мне принадлежит.

Приняв решение поговорить с ней, я избегаю по лестнице. Свет под дверью говорит мне, что она еще не спит. Я стучу, но она не отвечает.

— Пейсли, я могу войти?

Я жду, но с той стороны двери тишина. Дверь слегка приоткрывается, все еще пряча Пейсли от моего взгляда. Я понимаю, что она позволяет мне войти. Когда я вхожу, Пейсли возвращается на кровать. Она сидит, скрестив ноги в центре матраса, ее глаза опухли и

покраснели. Незнакомое чувство бьет меня в грудь.

Я закрываю за собой дверь, а затем быстро подхожу к ней, желая утешить. Я сажусь рядом с ней и притягиваю к себе. Она кладет голову мне на колени. Я глажу ее волосы с мягкостью, которую позволяю себе только с Тиган. У нее синяк на щеке, и у меня сразу возникает желание причинить боль Брэйлин. Это не вариант, и я успокаиваю себя, моя задача — утешить Пейсли.

— Что случилось сегодня вечером?

Она прячет лицо и вздыхает. Ядвигаюсь, прислоняюсь к стене, вытягиваю ноги. Пейсли оказывается между ними. Я хочу видеть ее лицо. Она смотрит на меня, показывая печаль и боль, которую ей принесли события сегодняшнего вечера.

— Брэйлин взбесилась. Она велела нам держаться подальше от нее. Затем она ударила меня и назвала шлюхой, обвинив в том, что я продаю свою киску за место для сна. Она сказала еще кое-что, и что ж... я ударила ее. Остальное ты видел. Я не понимаю, что с ней происходит.

— Пейсли... ты же знаешь, что ты живешь здесь не потому, что мы спим вместе?

Она не отвечает, и я понимаю, что она этого не знает.

— Ты здесь, потому что это моя вина, что ты в опасности. Ты здесь, потому что Брэйлин выгнала тебя, а главное, ты здесь, потому что я хочу этого. Это не имеет никакого отношения к сексу. Я имею в виду, секс великолепен, но это... ты и я, не имеет никакого отношения к тому, что ты здесь.

Пейсли все еще не выглядит убежденной. Есть что-то еще.

— Что? Что ты мне не рассказываешь?

Она закрывает глаза, прячась от меня.

— Ты сегодня трахал кого-то на вечеринке в ванной?

Вот оно.

— Пейсли, посмотри на меня.

Моя рука тянется к ней, но ее глаза остаются закрытыми.

— Пожалуйста, посмотри на меня.

Я осторожно поглаживаю ее руку, пока она, наконец, не открывает глаза.

— Я никого не трахал сегодня на вечеринке. Официант передал мне записку. В записке было просто сказано: «Встретимся в ванной». Я предположил, что это от тебя.

Я делаю паузу, чтобы убедиться, что она уделяет мне все свое внимание.

— Когда я вошел в ванную, то быстро понял, что ошибся, там была женщина средних лет, ожидающая меня. Она бросилась ко мне, но я быстро отшил ее. Когда я уходил, то встретил Брэйлин. Она сразу поняла, что я не один, и я знал, что она пришла к неверному выводу.

Манипулирующая сука использовала ситуацию, чтобы причинить боль Пейсли. Я должен был рассказать ей об этом сразу.

— Я затащил ее в ванную, вытолкнув оттуда женщину. Это привело к ссоре.

Я ищу ее взгляд, чтобы понять, что она думает. Я никогда не хотел, чтобы кто-то так поступил со мной. Я должен был знать, что Брэйлин использовала эту ситуацию в качестве оружия. Эта девушка — настоящая сука, и я не знаю, как Пейсли терпела ее в своей жизни так долго.

— Пейсли...

Она убивает меня своим молчанием. Я понятия не имею, верит она мне или нет.

— Я бы этого не сделал.

— О чем вы с Брэй спорили?

— Мы вернемся к этому. Я хочу поговорить об этой женщине в ванной.

Пейсли отпустил мою руку. Вряд ли это хороший знак.

— Это не имеет особого значения. Да, мы спали вместе несколько раз, но это не значит, что ты не можешь заниматься сексом с другими людьми. Я верю, что сегодня вечером в ванной было недоразумение, но для меня не должно иметь значение, спал ты с

ней или нет.

— Это не имеет значение? Похоже, идея о том, что я трахаю кого-то другого беспокоит тебя.

*Бл*дь. Когда это случилось?* Медленно, но все сразу. Вот когда? Я нахожусь в центре дерьма, когда кто-то пытается нас уничтожить, но я беспокоюсь об этой девушке на моих руках. Мы говорим о серьезных отношениях, когда это должно быть наименьшей из наших проблем.

Я бы взорвался, если бы она посмотрела на другого парня сегодня вечером. Я бы схватил его за горло и сжимал, пока его лицо не стало бы синим, и он не перестал бы дышать. В этом нет смысла, но это правда. Правда — это единственное, что такой парень, как я, может предложить Пейсли. Возможно, я не романтичный, непонятный или не знаю, что я делаю, но я могу сказать ей правду.

Она уклоняется от ответа на мой вопрос, задавая мне свой.

— Что мы делаем? Я имею в виду: мы с тобой. Что это?

Истина. Вот, что я могу ей дать.

— У меня нет всех ответов, Пейсли. То, что я знаю, я бы не трахнул кого-то в этой ванной сегодня или где-нибудь еще. Я не хочу трахать кого-либо другого, и если ты трахаешь кого-то еще, помоги Бог этому ублюдку. Я не знаю, что это такое, потому что я никогда раньше этого не делал. Ты не какая-то девушка, согревающая мою постель. Я хочу, чтобы ты была здесь, и я хочу посмотреть, куда это приведет и что это значит для нас. С тобой все в порядке?

Ее рука прикасается к моей.

— Итак, мы говорим, что мы не будем спать с другими людьми?

Пейсли, похоже, испугалась своего вопроса или, может быть, она испугалась моего ответа. Хотел бы, чтобы она знала, что ей не о чем беспокоиться. Просто мысль о том, что Пейсли оседлает мой член, лучше любого случайного секса на вечеринке.

— Верно.

Я протягиваю руку и пробегаюсь ей между ее ногами.

— Эта киска моя. Я не хочу другую.

Легче быть неандертальцем, говорящим о том, что я владею ее киской. Тем не менее, она, похоже, довольна моим ответом, когда она зажимает ногами мою руку. Не обращая внимания на ее жесткую хватку, я забираюсь рукой под пояс ее пижамы. Пейсли подпрыгивает.

— Подожди! Я хочу поговорить о том, что еще случилось в ванной с Брэйлин.

Она хватает меня за руку, чтобы остановить. Я бы скорее прикоснулся к ней, чем к той суке.

— Игра в шпиона не дала мне никаких ответов. Брэйлин передвигалась по комнате, обмениваясь любезностями со всеми. Казалось, она избегала меня и ни разу не взглянула в мою сторону. Итак, когда я увидел ее за дверью ванны, я воспользовался возможностью.

Пейсли внимательно слушает.

— Я спросил ее, почему она была такой буйной сукой. И что она там делает. Она ничего не ответила. У нее сорвало крышу. Несколько раз она ударила меня в грудь, назвала ублюдком и велела мне держаться подальше от тебя, среди других красочных словечек. Я не понимаю эту девицу. Она взрывается и выгоняет тебя, затем говорит мне, что я тебе не пара, а затем бьет тебя по лицу. Она ненормальная.

— Она сказала, что работает там. Думаю, как эскорт? Ты видел ее с кем-нибудь?

— Нет, она общалась со всеми на вечеринке, но никогда не оставалась с одной группой слишком долго, и рядом с ней не было мужчины, когда она переходила от группы к группе.

Пейсли, похоже, глубоко задумалась, но потом внезапно оседлала мои ноги и обняла за шею. Если она хочет, чтобы этот разговор продолжался, то вряд ли новая поза поспособствует этому. Мои руки скользят по ее голым ногам, и ее кожа покрывается

мурашками. Мое прикосновение влияет на нее так же сильно, как она влияет на меня, и мне это нравится.

— Возможно, я ошибалась. Может быть, она не употребляет наркотики — может быть, она их продает. Это имело бы смысл. Она сказала, что она там работает, но у нее не было свидания, и ты сказал, что она ходила от гостю к гостю. Может быть, она продает наркотики богатой клиентуре?

— Возможно. Прежде чем все это дерьмо произошло, я, кажется, слышал об этом, но я был немного не у дел, поскольку весь наш товар был испорчен. Возможно, я мог бы поспрашивать.

Пейсли сдвигается и немного подпрыгивает от волнения. Это движение оказывается последней каплей.

— Я думаю, что этот разговор закончен на сегодня.

Я быстро снимаю с нее рубашку. На ней нет лифчика, и я вознагражден видом ее голых грудей. Они подскакивают от ее движения. Сидя с ней на коленях, я вижу ее круглые розовые соски прямо передо мной. Не могу сопротивляться, беру сосок в рот и зажимаю его зубами. Я повторяю те же действия с другим соском, когда Пейсли ерзает у меня на коленях. Я уверен, даже через мои штаны, она может почувствовать мой стояк.

Я стягиваю с нее шорты. Трусиков на ней также нет. Ее киска, которую я назвал сегодня своей, обнажена для меня. Она сидит на моих коленях совершенно голая. Лучший вид, который я когда-либо видел.

Мои пальцы тянутся прямо к ее киске, она уже мокрая. Настолько, что оставляет след на моих штанах. Мои пальцы скользят между ее губок, и ее руки возвращаются на мои плечи, давая ей опору, когда она опускается на мои пальцы. Это ее способ сказать мне, что ей нужно больше, и я не стесняюсь дать ей это.

Я скольжу пальцами по ее влажности еще несколько раз, а затем проникаю в ее теплую киску. Я оставляю их неподвижными внутри нее, и она берет дело в свои руки, трахая себя моими пальцами. Я вытаскиваю их и чувствую, как ее внутренние мышцы сжимаются, чтобы удержать меня.

Когда я убираю руку, Пейсли хнычет, и мне это нравится. Я жажду, чтобы она наслаждалась моим прикосновением. С ее влагой на моих пальцах, я поднимаюсь и провожу по ее губам, желая, чтобы она попробовала себя. Она отвечает, разжимая губы, и я засовываю пальцы ей в рот. Она засасывает их глубже, и это напоминает то, как она сосала меня сегодня утром.

Она стонет, когда я убираю пальцы из ее рта и возвращаю их к ее киске. Пейсли добирается до моей рубашки и расстегивает пуговицы, стаскивая ее с моих плеч. Затем она движется дальше, чтобы расстегнуть мой пояс, тем самым пытаюсь ускорить раздевание, и я поднимаю ее и срываю с себя штаны с боксерами. Она садится обратно, и мой член напрягается между нами, пока мои пальцы работают с ее киской.

Она берет мой член в руку и поглаживает его в такт моим движениям. Пейсли стонет, когда я добавляю еще один палец. Она такая тугая, неудивительно, что так хорошо чувствовать внутри нее. Стремясь к большему, я убираю пальцы и беру член в свои руки. Я втираю остатки ее влаги в головку, пока Пейсли поднимается и медленно скользит вниз, заполняя себя. Как только она полностью усаживается, ей требуется минутка, чтобы приспособиться, держась неподвижно, и она наклоняется вперед, чтобы поцеловать меня.

Я хватаю ее лицо и целую ее, пытаюсь передать все то, что я не мог сказать раньше. Я забочусь о ней. Она что-то для меня значит. Я хочу, чтобы она вся была моей, а не только ее киска.

Наш поцелуй становится все глубже, в то время как Пейсли движется вверх и вниз. Ее возбуждение оставляет влажный след между нами. Я разрываю поцелуй и откидываюсь назад, чтобы я мог наблюдать за ней. Эта картинка лучше, чем все, что я когда-либо видел. Мои пальцы двигаются к ее клитору, и она почти мурлычет от этого прикосновения. С каждым движением ее сиськи подпрыгивают, привлекая внимание к

себе, и я быстро подхожу к разрядке.

Пейсли откидывает голову назад и немного сбивается с ритма, но затем она быстро восстанавливает его и движется еще быстрее, вбирая меня глубже и трахая сильнее.

— Ты такая мокрая и такая чертовски тугая. Черт, это так хорошо.

Пейсли вздрагивает, и я передвигаю руки к ее бедрам, чтобы помочь ей сохранить темп, пока она кончает. Я хватаю ее длинные волосы, заставляя выгибать спину, и она кричит мое имя.

— Берк!

Крики удовольствия, исходящие от нее, мое имя на ее губах и ощущение, что она сжимает мой член, провоцирует мой собственный оргазм. Ее киска обхватывает меня так сильно, что у меня начинается головокружение. Я проникаю еще глубже, прежде чем кончить в нее.

Пейсли падает вперед и утыкается лицом в мою шею. Она задыхается, и я потираю ее спину, чтобы почувствовать ее нежную кожу.

— У нас был секс без презерватива.

Лицо Пейсли все еще спрятано в изгибе моего плеча, поэтому ее слова приглушены, но я их понимаю. Меня осенило, когда я кончил в нее.

— Я знаю. Прости. Я чист. Я принесу тебе результаты, если хочешь.

— Все в порядке. Я тоже здорова и на таблетках. Мне понравилось. У меня никогда не было секса без него.

Хотя мне нравится, что она никогда не делала этого ни с кем другим, я не хочу думать о ее бывших.

— И у меня никогда не было. Если мы оба здоровы, и не спим с другими людьми, а ты принимаешь таблетки... мы можем сделать это снова?

Пейсли поднимает бедра и слезает с меня, я дарю ей самую лучшую свою усмешку. Быть внутри Пейсли без презерватива — лучшее, что я когда-либо ощущал. Теперь, когда я почувствовал ее, я никогда не хочу, чтобы что-то было между нами.

— Да, я думаю, это можно устроить.

Она целует меня, прежде чем лечь рядом со мной. Я уверен, она измучена. Для нас это уже третий раунд, и она всю ночь была на ногах. Я поднимаю одеяло и укрываю нас обоих. Сегодня я бы скорее спал в своей постели, но я не понесу ее голую по дому, рискуя, что Кай снова увидит мою девушку без одежды. Кроме того, я уверен, что она слишком устала, чтобы одеваться и менять комнаты. Я остаюсь, потому что не могу спать без нее сегодня. Когда она закрывает глаза, я осторожно целую распухшую и ушибленную часть ее лица, прежде чем притянуть ее к себе и провалиться в сон.

Пейсли

Я снова в этой жуткой, удушающей комнате, запах огня пронизывает воздух, дым наполняет мои легкие. Пока вокруг меня нет пламени, но я знаю, что оно близко. Никаких звуков, кроме потрескивания углей и звуков разрушения фундамента. Я часто дышу, тьма пытается завладеть моим сознанием. Я пытаюсь бороться с ней, но поскольку дышать становится все труднее и труднее, это бесполезно. Мое тело чувствует себя невесомым.

Бип. Бип. Бип. Бип.

Медленный, устойчивый ритм пытается вытащить меня из темноты. Моя кожа чешется. Глаза тяжелые, я не могу пошевелиться. Голос прорывается сквозь туман в моей голове. Голос мальчика звучит безумно. Его голос ломается.

— Я не должен быть здесь, но я не могу оставить ее здесь одну. Моя мать разозлится, если узнает, что я здесь.

Я отчаянно пытаюсь открыть глаза и увидеть его лицо.

— Она в порядке?

Второй голос принадлежит мужчине.

— Я не могу обсуждать ее состояние с тобой, извини. Нам нужно разобраться с тем, что здесь происходит, и у меня возникнут большие проблемы, если я расскажу что-то тебе. Я могу обсуждать ее здоровье только с семьей. Все остальное против правил.

Человек звучит расстроено. У меня ужасный привкус во рту, мои губы склеены. Я пытаюсь открыть глаза, чтобы понять, кто говорит, но мои веки неподвижны.

— Но у нее нет семьи...

В голосе мальчика звучит грусть. Несмотря на то, что я не вижу его, голос мне знаком. Я не могу понять, откуда я его знаю.

— Что ты о ней знаешь? Как ее зовут? Сколько ей лет? Почему у нее нет семьи? Я не могу найти никаких записей о том, кто эта девочка.

В голосе мужчины появляется надежда.

— Ее зовут Пейсли, ей четыре года, — мальчик нерешителен. Он практически шепчет.

Я собираю все силы и открываю глаза. Я осматриваюсь, вижу больше белых стен, но на этот раз это больничная палата. Звуковой сигнал исходит от машины, к которой я подключена, царапины на коже — от простыни. Тем не менее, я одна. Ни мальчика, ни мужчины нигде не видно. Мальчик говорил обо мне, но я не понимаю, потому что, глядя на свое тело, одетое в больничный халат, я понимаю, что я гораздо старше четырех лет. Я выгляжу как всегда.

Прежде чем я услышу что-то еще, машина, которая подает звуковой сигнал, взрывается желтыми и оранжевыми цветами. Занавески загораются, пламя быстро распространяется. Я кричу о помощи, но люди, похоже, исчезли. Я стараюсь слезть с кровати, но мое тело не двигается. Огонь продолжает распространяться, жар пламени меня обжигает. Запах дыма снова сжимает мои легкие. Я пытаюсь кричать о помощи, но ничего не выходит. Кровать трясется, и я не могу понять, почему.

Мягкий свет раннего утра приветствует меня, когда мои глаза распахиваются, и я вырываюсь из кошмара. Я чувствую руки на моих плечах, мое тело слегка трясется. Я предполагаю, что это и было причиной, по которой мне показалось, что кровать во сне трясется. Меня удивляет, что руки, сжимающие мои плечи, принадлежат Каю.

Я осматриваю кровать рядом со мной и обнаруживаю, что Берка там нет. Осматриваю себя. Я все еще голая, но, к счастью, простыня закрывает меня, защищая от взгляда Кая. Он отпускает меня и отходит от кровати.

— Ты в порядке?

В его голосе слышится беспокойство, и я ненавижу то, что эти кошмары делают со мной.

— Да, я в порядке. Прости.

— Хорошо, хорошо, я собираюсь уйти, прежде чем Берк узнает, что я был здесь, когда на тебе нет ничего, кроме простыни. Одевайся и спускайся вниз, я сделаю кофе.

Я киваю в ответ, и Кай быстро выходит. Выдохнув, я вспоминаю, что произошло во сне. Два сна о пожаре... это не может быть совпадением, не так ли? Пережила ли я пожар, прежде чем меня поместили в приемную семью? Поняв, насколько маленькой я была, я не знаю, как я когда-либо выясню, что произошло на самом деле. У меня практически нет

воспоминаний. Я не помню своих родителей, дом, в котором я жила, или что-то еще с того времени. Но я более чем уверена, что эти кошмары — это больше, чем просто мое сверхактивное воображение.

Все еще раннее утро, но мне лучше встать, после кошмара я все равно не смогу заснуть. Кроме того, я уверена, что Кай ждет меня внизу. Мои мысли бегут к Берку. Я проверяю свой телефон и вижу, что еще нет и семи. Куда он ушел так рано?

Я одеваюсь и спускаюсь по лестнице, обнаружив, что Кай уже сидит за столом, держа в руках кружку. Запах кофе притягивает меня.

— Где Берк?

— У него есть несколько дел: поговорить с местными, проверить пару наводок. Мы вынуждены ждать, пока нас не одобряют в качестве посетителей тюрьмы, и ни один из нас не может сидеть без дела. Мы надеемся, что один из нас найдет того, кто хоть что-то знает.

Как только я готовлю свой напиток, я присоединяюсь к Каю за столом.

— Классный синяк.

Моя рука тянется к моей щеке, и я уверена, что я выгляжу как дерьмо, недавно проснувшись от кошмара с ушибленным лицом.

— Как ты его получила?

— Кажется, ты знаешь эту суку как Стэсси.

Челюсть Кая падает, но он быстро приходит в себя и закрывает рот.

— Брэйлин сделала это с тобой?

Даже со всем, что произошло между нами, все еще кажется предательством, обсуждать Брэй с одним из ее клиентов, использующим ее настоящее имя, но думаю, я должна это преодолеть.

— Ага. Не волнуйся, я сама нанесла несколько удачных ударов. Кай... Когда ты последний раз видел ее?

Он отрывает от меня взгляд, сосредоточиваясь на столе. Он делает глоток, прежде чем ответить.

— Вчера, около полудня.

Кажется, ему неудобно.

— Тебе не обязательно чувствовать себя странно из-за того, что ты видишься с ней. Дерьмо случилось между ней и мной, но это не значит, что вы не можете сохранить свою договоренность. Меня это не беспокоит.

Кай поднимает голову с облегчением от того, что я не расстроена. Мне нравится, что он беспокоится о об этом.

— Когда эта небольшая перепалка между вами произошла?

— Прошлой ночью. Она была гостем на вечеринке, на которой я работала. Глупая сука спряталась в тени, а затем набросилась на меня. Трусиха. Ей даже не хватило смелости ударить меня по-настоящему.

Он смеется над моими словами, и я улыбаюсь в ответ.

— Значит, ты хорошо ее отделала?

— Да, извини. У твоей маленькой подружки будет несколько синяков на ее симпатичном лице в вашу следующую встречу.

Если у нее все-таки было свидание прошлой ночью, мне интересно, пришлось ли ей объяснять ему свой внешний вид.

— У меня больше не будет никаких встреч с ней.

Лицо Кая кривится от отвращения. Это мило.

— Почему нет?

— Ты одна из нас. Мы защищаем своих. Если Брэйлин — твой враг, то она и мой враг.

Ого. Мне нравится идея принадлежать этой группе. Мои отношения с Берком. Тиган и Кай являются частью этого.

— Она не мой враг. Мы только... она... ну, я не знаю, но я не хочу считать ее врагом. Кай кивает головой.

— Тем не менее, она тебя поимела, поэтому я с ней закончил. С нашей заминкой с бизнесом, я действительно не должен тратить деньги на шлюх.

Я вздрагиваю, когда он называет Брэй шлюхой, и он замечает это. Он извиняется.

— Сожалею. Ты понимаешь, о чем я. Сменим тему, давай обсудим твой утренний кошмар?

Отличная смена темы. Одна драматическая история за другой.

— Обсуждать нечего. Мои красочные сны часто будят других. В последнее время они были более подробными, и я думаю, что это воспоминания. Проблема в том, что они слишком ранние, чтобы я действительно помнила или знала правду.

— Они плохие?

Кай приносит кофейник, молоко и сахар к столу. Он наполняет свою чашку, наклоняется, чтобы наполнить мою, а затем ставит все остальное на стол между нами.

— Они не совсем радужные, до недавнего времени это был один и тот же сон. Однако за последние несколько недель они начали меняться. Я знаю, что это бред, но иногда я надеюсь на них. Я получаю больше кусочков головоломки, но я до сих пор не знаю, что они означают.

— Я понимаю. Это не бред, это логично. Это разумно, что ты пытаешься понять их.

Я никогда ни с кем не разговаривала о своих снах, и это второй человек за неделю, которому я открылась. Какие-то образом это сделало их менее страшными, и приятно знать, что они понимают, о чем я говорю.

— У меня тоже кошмары. Мои правдивы, они о человеке, который был чудовищем — о моем отце. Воспоминания все еще преследуют меня, даже когда я просыпаюсь. Возможно, тебе лучше не знать правду, что прячется за снами.

Думаю, Кай понимает больше, чем я думала.

— Я сожалею о твоём отце. Каким он был?

Кай и я — разные стороны одной и той же монеты. Он знает все детали и хочет забыть их, тогда как я в темноте и хочу ответов.

— Он был человеком, который не должен был становиться отцом. Пил слишком много, что совсем не помогало его взрывному нраву. Он был недоволен и часто злился, но когда что-то его заводило, это была совсем другая история. Его любимые игры — спорт, оружие и использование моей мамы и меня в качестве груши для битья. По крайней мере, пока я не стал достаточно взрослым, чтобы защитить нас.

— Ты говоришь о нем в прошедшем времени. Он умер?

— Для меня он мертв. Он в тюрьме и останется там на всю оставшуюся жизнь.

Голос Кая тверд, когда он говорит о своём отце, но я вижу печаль в его глазах. Дети не должны начинать свою жизнь в таких ситуациях, но, к сожалению, это происходит постоянно.

— Пожизненно? Что он делал? Извини, я не должна была спрашивать. Не отвечай.

Что со всеми этими вопросами? Этот разговор, хоть тема и тяжелая, проходит легко. Я хочу узнать больше о лучшем друге Берка, и, судя по всему, он хочет того же. Мне понадобятся все друзья, которых я могу получить. Кай остается спокойным, пока он изучает мое лицо. Надеюсь, я не пересекла черту, сунув нос туда, куда не должна была. Кай доказал мне, что он может быть тем, с кем я могу поговорить, и это редкость для меня. Я хочу сделать то же самое для него.

— Он убил мою маму.

Этого я не ожидала.

— После того как я ушел из дома, она осталась одна с ним. Я пробовал больше раз, чем могу сосчитать, заставить ее оставить его, но она этого не сделала. Я мало что знаю о том, что произошло в тот день, когда он ее убил, — почему они поссорились или какие-либо детали. Он ничего не признал во время допроса или суда.

Кай не смотрит мне в глаза, когда он говорит. Детали, очевидно, все еще преследуют его.

— Судебное разбирательство и отчет полиции объяснили, что ее избили до такой степени, что, если бы он не выстрелил позже, она, вероятно, никогда бы не очнулась. Они обнаружили кровоподтеки мозга, внутреннее кровотечение, ушибленные ребра, а также несколько сломанных костей. Они думают, что он позволил ей страдать в течение нескольких часов, прежде чем, в конце концов, ее убил.

Я бы поспорила, что шрамы, на коже Кая, имеют какое-то отношение к его отцу. Это имеет смысл.

— Тогда садистский ублюдок ушел. Он оставил ее мертвой на полу и ушел в бар. Сосед вызвал полицейских, когда они услышали выстрел из пистолета, отца обнаружили несколько часов спустя на его обычном барном стуле, как будто это не он подверг жестокому обращению и убил свою жену. Этот человек — больной псих. Я не видел и не разговаривал с ним, и свидетельствовал против него на суде.

Это было хуже всего, что я могла бы вообразить. Неудивительно, что Кай думает о нем в прошедшем времени.

— Прости, Кай.

Я говорю это, избегая смотреть на Тиган, которая стоит в дверях и смотрит на Кая со слезами на глазах.

— Моя мама...

Кай откашливается, пытаясь скрыть, что он немного задохнулся от упоминания и памяти своей мамы.

— Моя мама была хорошим человеком. Она была доброй и любящей. Как она оказалась с ним и почему она осталась, я никогда не пойму. Она не заслужила того, что он в итоге сделал с ней.

Руки Кая руки дрожат. Я уверена, что это эмоции, но его взгляд говорит мне, что это гнев на отца.

Тиган, наконец, входит в комнату и подходит к Каю. Она обнимает его сзади, Кай немного расслабляется. Его ладони поглаживают ее руки, которые запутываются вокруг его шеи, когда она шепчет что-то ему на ухо. Кай не отвечает ей, она целует его в макушку, а затем достает из шкафа кофейную чашку.

В то время как я должна чувствовать неловкость от их момента, этого не происходит. Их отношения сбивают меня с толку, но они очень искренние, и я могу сказать, что они заботятся друг о друге. Я никогда раньше не видела такой подлинной любви в моей жизни.

Эти люди. То, как они ведут себя друг с другом. Это то, чего мне не хватало всю мою жизнь. Мои собственные эмоции прорываются, когда я думаю о своем разговоре с Каем, о взаимоотношениях между этими тремя людьми, и я понимаю, что все они действительно пустили меня в свою жизнь.

Берк

Прошло более двух недель с тех пор, как Кай позвонил в тюрьму, и через несколько дней мы получили уведомление, что наш визит одобрен. К сожалению, нам все равно придется следовать процедуре, мы сможем посетить Паркера Амоса только через пару дней. Кем бы он, черт возьми, ни был.

И это хорошие новости. Пейсли пришла в мой мир и перевернула все с ног на голову. Мы провели много времени вместе, я прихожу в закусочную во время ее смены, не обращая внимания на ее протесты, просто чтобы убедиться, что она в безопасности.

Все было достаточно спокойно, учитывая затаившегося врага. Пейсли стала лучшим отвлечением, о котором мог бы просить парень. Она улыбается, и я забываю обо всем этом. Она позволяет мне проникнуть в ее влажный жар, и у меня нет проблем в этом мире. Она смеется, и я чувствую удовлетворение, возможно, впервые в жизни. Назовите меня слабаком или кем вам, черт возьми, захочется, потому что мне все равно, пока я возвращаюсь домой к Пейсли каждую ночь.

Я работаю над эскизом, который начал в первую ночь, когда увидел Пейсли. В то время как эскиз сначала был более темным и мужским, теперь он изменился. Пейсли даже мои рисунки делает мягче. Я не говорю, что он состоит из бабочек и сердечек, но он определенно отличается от моего первоначального видения. Есть еще несколько деталей, которые нужно добавить, прежде чем он будет готов. Я не делал татуировки в течение нескольких недель, слишком занят тем, что пытался выследить врага и играть в телохранителя как для Тиган, так и для Пейсли, как только они покидают дом.

Мой банковский счет также пострадал. Тиган вряд ли получает прибыль в салоне, будучи единственным художником, и, хотя мы начали пополнять наш товарный запас, все еще не набрали достаточно дорогостоящих предметов и сильно пострадали от погрома. Слухи о нем ходят по городу, не только потому, что людям нравятся гребаные разговоры, но и потому, что мы сами поспособствовали их распространению, пытаясь найти потенциальных клиентов. Многие из наших постоянных клиентов больше не решаются принести свои товары нам. Мы держимся на плаву только благодаря нашим сбережениям. Все, что требуется, — это одна большая сделка, чтобы мгновенно изменить все.

Кай всегда был мозгом наших операций. Именно он разработал технологию, по которой работает наш бизнес. Он ведет бухгалтерию как НК, так и «Иглы и чернила» и контролирует весь наш онлайн-трафик. Он необходим для нашего успеха. В последнее время Кай объединился с местным парнем, который является большой шишкой в мире наркотиков и оружия. Он отморозок, много лет навязывавший нам партнерство. Наш подпольный веб-сайт — это то, что выделяет нас среди других преступников. Это позволяет нам вести бизнес в более широких масштабах, держа его скрытым.

Каю пришлось пообещать ему собственный сайт в обмен на временное партнерство, которое принесет нам выручку. Я уверен, что единственная причина, по которой он согласился, заключается в том, что он не верит, что парень сможет вести сайт без него. Готов поспорить, что у Кая есть козырь в рукаве, который уничтожит сайт, как только он с ним закончит, и никто его не заподозрит. Парень — идиот, если думает, что Кай отдаст ему ключ к нашему успеху.

— Над чем работаешь?

Пейсли, свежая после душа, входит в офис, где я рисую. Запах ванили заполняет комнату, пока она вытирает влажные волосы. Она в одной из моих футболок, и я полагаю в одних из ее коротеньких джинсовых шорт, так как я не могу видеть их под рубашкой на ней.

— Просто эскиз.

Я поворачиваю рисунок к ней. Она подходит ближе и обнимает меня за шею, чтобы посмотреть, над чем я работаю.

— Он прекрасен. Что это будет?

Ее голос звучит тихо и нерешительно. Она внимательно изучает рисунок, пробегаясь кончиками пальцев по деталям.

— Еще не знаю. Я мог бы поместить его в каталог образцов в салоне. Люди берут оттуда идеи для своих татуировок. Кроме того, это помогает, когда клиенты хотят оценить наши навыки рисования.

Ее глаза пробегают по деталям рассыпающихся цветов, а кончики ее собственных пальцев прослеживают контур рисунка, по хрупким лепесткам полевых цветов.

— Берк... Я хочу его. Сделаешь мне татуировку?

Наконец она отрывает взгляд от рисунка, и что-то в этом изображении вызывает в ней бурю эмоций. Я не могу отказать ей, когда она смотрит на меня так, но я хочу, чтобы она была уверена в этом. Я не хочу быть тем, кто отметит ее кожу тем, о чем она пожалеет.

— Ты уверена, что хочешь этого?

— Да. Более чем уверена. Ты сумел каким-то образом создать идеальный образ того единственного, что приносит мне мир в моих кошмарах. Он отражает все хорошее и плохое, что эти кошмары вносят в мою жизнь. Я не знаю, как ты это сделал, не зная о цветах. Перекрой мою татуировку на спине этим рисунком. Я более чем уверена.

Слеза медленно скользит по ее щеке. Я притягиваю ее к себе на колени и обнимаю, запуская пальцы в ее мокрые волосы. Лед вокруг моего сердца тает. Ее боль — это моя боль. Ее радость — это моя радость.

— Пойдем.

Я нежно целую ее в губы и встаю, поднимая ее за собой. Я переплетаю наши пальцы и вытаскиваю ее из офиса.

— Куда мы идем?

— В салон. Эта сексуальная кожа нуждается в татуировке.

Она визжит от восторга.

— Прямо сейчас?

— Да. Я не могу дождаться, когда прикоснусь к твоей коже.

Рука об руку мы направляемся в гараж и запрыгиваем в машину. Оставить на Пейсли свой рисунок — более чем эффективный способ провести время в ожидании встречи с Паркером. Кай и Тиган уже в салоне: сестра работает, а он присматривает за ней. Мы оба взволнованы. Сегодня этого не было в плане, но я более чем доволен изменением событий. Я паркуюсь снаружи «Иглы и Чернила» и поворачиваюсь к Пейсли.

— Последний шанс отступить.

— Черта с два!

Это тот ответ, на который я надеялся. Моя девушка — задира.

Выйдя из машины, я хватаю ее и, прижав к дверце машины, впиваюсь в ее губы.

То, что мы собираемся сделать, больше, чем просто татуировка. Я должен попробовать ее, прежде чем мы войдем внутрь. Эта мысль заставляет мой член напрячься в моих джинсах, и я знаю, что Пейсли чувствует его, когда я прижимаюсь к ней. Ее руки перемещаются на мою задницу, и она притягивает меня еще ближе, позволяя мне понять, что ей нравится это. Водитель проезжающей мимо машины сигналист, и мы отрываемся друг от друга. Не желая откладывать, я направляюсь внутрь с Пейсли. Кай сидит у стойки регистрации, положив ноги на прилавок, читая журнал. Прошло много времени с тех пор,

как я был в своем собственном салоне, но Пейсли здесь в первый раз, и я наблюдаю за ней.

Она осматривает серые стены, картины и эскизы татуировок — наши с Тиган работы. Ее пальцы проходят по коже диванов в зоне ожидания. Она подходит к логотипу салона, который мы с Тиган нарисовали вдоль всей стены. Я жду ее реакции. Это место — моя гордость и радость. Наверное, это не то место, откуда мы получаем большинство наших доходов, но это то, что я люблю.

Я открыл этот салон в первые три месяца, в течение которых я получал опеку над Тиган. Мне повезло в дерьмовой ситуации. Мы использовали немного денег из страховки, которую мы унаследовали после смерти моих родителей и денег от продажи дома, в котором я вырос, чтобы купить это место. Мы рискнули, и это сработало. Вместо того, чтобы брать деньги и вкладывать их или сдавать дом в аренду, мы реализовали другую идею. В то время это была небольшая тату-студия. Тогда я даже не умел делать татуировки. Я знал, что могу рисовать. Мы сдавали это место в аренду, пока я не научился. Это как-то держало нас на плаву.

Я жду, пока Пейсли осмотрит каждый дюйм «Иглы и Чернила».

Кай откладывает свой журнал и смотрит на меня. Я приветствую друга.

— Эй, как дела?

— Думаю, Тиган пытается установить мировой рекорд по количеству татуировок до полудня. Сегодня у нее более десяти клиентов. Она пытается внести свою лепту после потери дохода от склада. Мои руки сводит, когда я смотрю на нее. А что вас привело сюда?

Слушая его, я слежу за Пейсли краем глаза. Я скучал по этому месту. Нанесения рисунка на чью-то кожу всегда действовало на меня терапевтически. Мне нужно вернуться сюда для себя, и чтобы Тиган не загоняла себя так, как сегодня.

— Пейсли хочет сделать татуировку.

— Да уж, лучше прикрыть это ужасное нечто на ее спине!

Ничто в Пейсли не может быть ужасным. В то время как татуировка явно любительская, это часть ее и часть ее истории. В этом нет ничего ужасного. Хотя мы и будем перекрывать ее сегодня, это ее выбор, но это не значит, что я думаю, что это необходимо. Если она хочет, чтобы тату исчезла, то она исчезнет.

— Заткнись и иди, посмотри, нужно ли Тиган что-нибудь. Сделай что-то полезное.

Привыкший к моим перепадам настроения, Кай не обращает на мой тон никакого внимания. Он стоит, бормочет что-то о киске, влияющей на мой мозг, и уходит, вероятно, чтобы проверить Тиган. Он взъерошивает волосы Пейсли, проходя мимо нее, и что-то говорит ей. Когда он исчезает из поля зрения, Пейсли подходит ко мне.

— Это место прекрасно! Работы потрясающие.

Я притягиваю ее к себе и снова целую. Мне тяжело держать свои руки подальше от нее.

— Готова?

Огромная потребность прикоснуться к ней заставляет мои руки блуждать по ее спине. Кончики моих пальцев продвигаются вниз, пока мои руки не дотягиваются до ее задних карманов, и я притягиваю ее еще ближе.

— Больше, чем готова.

Неохотно оторвав руки от ее задницы, я направляюсь в свою комнату для татуировки и закрываю за собой дверь, когда мы оба внутри. Делать татуировку Пейсли — это личное. Мы не одни в салоне, поэтому я предпочел бы закрыться от других. Я хочу слышать каждый звук, который она издаст, пока моя игла будет касаться ее кожи. Я хочу видеть каждую реакцию, пока я работаю. Я настраиваюсь, пока она устраивается удобнее. Пейсли скрещивает, а затем расправляет ноги. Она барабанит пальцами по бедрам.

— Нервничаешь?

— Немного. Странно, что меня заводит то, что ты собираешься это сделать?

Конечно нет! Я проливаю чернила, когда она говорит мне, что она на взводе. Пейсли, которую заводит все, что связано с ней и мной, горячая штучка.

— Нет, и мой член встал от твоих слов. Осторожно, или нам придется на время забыть о татуировке.

— Разве мы не можем сделать то и другое?

Пейсли встает и подходит к двери. Как только она защелкивает замок, ее следующий шаг — опустить жалюзи. Я замираю, наблюдая за ней. Она снимает рубашку, затем опускает руки на пуговицу на шортах. Через минуту она стоит передо мной в конверсах и кружевном белье.

— Эти стены очень тонкие, знаешь? Если мы это сделаем, тогда есть большая вероятность, что все там услышат.

Никогда еще в моей жизни я не говорил девушке что-то, что могло бы отговорить ее от секса, но Пейсли другая. Мне нужно знать, что ей комфортно, прежде чем я смогу действовать.

— Ну, тогда, я думаю, мне придется попытаться быть тихой. Хотя, я не уверена, что это возможно, когда ты внутри меня.

Она снимает обувь, спускает стринги и расстегивает лифчик.

Увидев, как она наклоняется над столом, я бросаю все свое оборудование. Все еще в своем кресле на колесиках я придвигаюсь, чтобы оказаться прямо позади нее, это дает мне прекрасный вид на ее задницу и киску. Мы должны сделать это быстро, учитывая то, где мы находимся и зачем мы здесь, но я не могу упустить возможность завести и подразнить ее, а также почувствовать ее вкус на моем языке.

Мои руки скользят по внутренней поверхности ее ног, и она изо всех сил пытается сдержаться. Я заставляю ее расставить ноги еще шире, а затем двумя пальцами раздвигаю уже влажные губки и использую другую руку, чтобы почувствовать тепло. Мои ладони двигаются к ее заднице, когда мое лицо опускается, и мой рот впивается в ее киску.

Я люблю попки, и эта поза работает на меня. Я полностью накрываю ее губами, и мои руки впиваются в ее ягодицы. Я пробегаю пальцами по каждому дюйму нежной кожи, пока мой язык двигается вверх и вниз по ее складочкам. Ее вкус наполняет мой рот. Пейсли извивается, пока я облизываю ее и сосу. Я эгоистичен, хочу попробовать ее, но мы должны спешить. Ее вкус подсказывает мне, что она близка к оргазму.

Моя рука поглаживает ее кожу, прежде чем шлепнуть. Ее тело слегка подпрыгивает, но я не выпускаю ее из своих рук. Я поглаживаю то же место, и она издает чувственный стон. Я уверен, что все в салоне могут его услышать.

— Тсс. Тише.

Я сопровождаю свои слова другим твердым прикосновением руки к ее коже. Она стонет в ладонь, и я чувствую, как она кончает мне на губы. Прежде чем она сможет отдышаться, я резко встаю и хватаю ее за бедра.

Я освобождаюсь от своих джинсов, не утруждая себя их снятием. Моя рука скользит по ее спине, когда я погружаюсь в нее одним жестким ударом. Она отталкивается от меня, и это только побуждает меня взять ее быстрее и сильнее.

Я почти полностью выхожу, и снова, и снова вбиваюсь в нее. Я поднимаю одну ее ногу, чтобы положить на стол, и это позволяет мне продолжать двигаться глубже. Моя рука зарывается в ее волосы. Пейсли такая мокрая, такая теплая и настолько тугая, что все остальные мысли, кроме нас, полностью покидают мой разум. Ее крики приглушены.

Я хватаю ее одной рукой за бедро, и мои пальцы проникают в ее плоть, ощущение, движения внутри нее, сокрушает все мое тело. Я наклоняюсь вперед и целую ее шею, прохожусь по спине. Мой язык оближивает ее кожу, и я покусываю ее нежную кожу. Ее руки сильнее сжимают стол, так, что ее пальцы белеют от напряжения.

— Берк. Черт возьми, Берк.

Она стонет мое имя, как молитву, и это посылает всплеск прямо к моему члену. Когда она поворачивается, я вижу явное удовольствие, написанное на ее лице.

— Ты так глубоко. Никто никогда не заходил так глубоко.

Я увеличиваю темп. Наши тела двигаются с такой агрессией, что я боюсь, что мы сломаем стол, к которому прижимается ее тело. Мои стоны заполняют комнату, когда я приближаюсь к финишу. Наши тела друг против друга, Пейсли и мое, мы теряем контроль на пике оргазма.

Мой нос наполняет аромат возбуждения Пейсли. Она кончает на мой член, когда я изливаюсь в нее. Мои руки блуждают по ее коже, и я ощущаю ее вокруг себя, пока мы задерживаем дыхание. Пейсли откидывает голову назад, и я улыбаюсь, видя довольный взгляд на ее лице. Она раскрывает мне сторону, которую я никогда не знал. Никогда раньше я не ценил этот вид удовольствия. Никогда раньше я не чувствовал эти эмоции и связь, трахнув женщину. Только она помогла мне это почувствовать. Только она.

Пейсли

Я сижу на том самом столе, на котором всего несколькими минутами ранее Берк трахнул меня, пока он заканчивает возиться с оборудованием.

Мое тело болит самой лучшей болью после наших грязных танцев. Не может быть, что никто за дверями этой комнаты нас не услышал, ведь когда Берк находится внутри меня, я забываю значение слова «сдерживаться». Он одновременно жесток и нежен. Он агрессивен, но это только разжигает страсть между нами. Я так ярко чувствую удовольствие, так же как и наши эмоции, когда он вколачивается в меня. Его жесткие прикосновения полны заботы, а его неуступчивые толчки полны эмоций. Возможно даже любовью. Никогда не чувствовала этого раньше.

Похоть и преданность. Потребность и тоска. Моя слабость и моя сила. Я не думаю, что когда-нибудь смогу насытиться его великолепием.

Берк тщательно настраивает свое оборудование, и мой живот скручивает от волнения. Рисунок Берка, нарисованный простым карандашом, не может быть более совершенным для меня. Я даже не могу описать эмоции, которые испытываю, смотря на него. Я знала с первого взгляда, что хочу его на своей коже. Берк понимает меня без слов.

Берк смотрит на меня. Мои щеки болят от улыбки, которую я дарю ему. Он отвечает мне своей — сексуальной и задумчивой. Все начиналось как небольшое приключение, но теперь абсолютно ясно, что я нашла гораздо больше. Он дорог мне, и я уверена, что это взаимно. Мне с ним комфортно, он уравнивает меня. Не говоря уже о том, что один его взгляд заставляет меня чувствовать себя желанной и сексуальной. Я вышла из своей зоны комфорта и наслаждаюсь этим.

— Готова?

Он ставит поднос между нами. Я практически полностью оделась, за исключением расстегнутой рубашки. Я переворачиваюсь и пытаюсь занять удобную позу на животе.

— Готова.

Я смотрю на Берка и наблюдаю, как он переходит в режим сосредоточенности. Его пальцы скользят по коже верхней части моей спины, где он будет перекрывать татуировку моей юности. Его руки прижимаются ко мне, протирая кожу спиртом, а затем его губы касаются моего позвоночника там, где он будет работать. Он нежно целует кожу своими

полными губами, прежде чем я слышу звук машинки.

— Хорошо, начинаем.

Я чувствую прикосновение иглы к моей коже. Он останавливается и проверяет меня несколькими секундами спустя. У меня достаточно высокий болевой порог, и я не чувствую особой боли, особенно с его руками на мне, даже сквозь перчатки, которые он надел. Уже через час или два, прикосновение жужжащей иглы становится невыносимым.

Пока он работает, я думаю обо всех изменениях в моей жизни за последнее время. Брэйлин в ней больше нет, и я не думаю, что она вернется. Человек, с которым я выросла и прошла через ад, выбросил меня из своей жизни, без всяких сожалений.

Кай и Тиган — теперь часть моей жизни.

Кай больше похож на моего сводного брата, чем Брэйлин когда-либо была моей сестрой. Я говорю — сводный брат, потому что невозможно не заметить его привлекательность. Сводный брат — табу, верно? Хотя я предпочитаю тьму Берка в моем сердце и моей спальне, но давайте посмотрим правде в глаза, Кай красив. Он может быть полным придурком, но его мальчишеская внешность привлекает, несмотря на его шрамы. Он источает очарование и харизму. Он открылся мне, рассказав о своей семье, и это было душераздирающе. Ему было непросто сказать мне все это. Я много знаю о Брэйлин, потому что мы присутствовали в жизни друг друга — или, возможно, застряли — так долго, но она так и не открылась мне. Брэйлин выгнала меня из дома, черт знает почему, в то время как Кай, зная меня в течение такого короткого периода времени отвернулся от нее.

И есть Тиган. Веселая, игривая и яркая. Она предсказала, что что-то случится между мной и Берком и, возможно, даже запустила этот процесс в тот день, когда пришла в закусочную. Мы провели много времени вместе. Мы делали те девчачьи вещи, которые делают только с лучшей подружкой, те, что Брэй и я даже не думали делать вместе. Мы баловались вином и обсуждали наши любимые книги, фильмы и музыку. Она научила меня делать макияж смоки-айз и как оживить любой наряд с помощью подходящих аксессуаров. Я думаю, что за это короткое время я общалась с Тиган больше, чем с Брэй за всю нашу совместную жизнь.

Это наталкивает меня на мысль, что я знаю больше о Кае и Тиган, чем о Берке. В то время как у нас, несомненно, глубокая физическая и эмоциональная связь, мы действительно не говорили о нем.

— Поговори со мной. Мои мышцы затекли. Отвлеки меня.

— Расскажи мне о цветах из твоих кошмаров.

Хотя я и не хотела говорить о себе, может быть, ему будет легче открыться, если я сделаю это первой. Я задумываюсь, прежде чем начать говорить. Берк терпеливо ждет, продолжая делать татуировку.

— Внутри комнаты, в которой я заперта во время своих кошмаров, есть картина с полевыми цветами. Цвета яркие, и само изображение красивое. Все остальное в комнате скучно и удушающе, цветы же — приносят мир. Я всегда ложусь на пол, глядя прямо на них. Я не знаю, стало ли это утешением, которое мой мозг придумывал на протяжении многих лет, или это связано с чем-то из моего детства. Это единственная часть моих кошмаров, которая меня не пугает.

— Сколько тебе было лет, когда ты попала в приемную семью?

— Почти пять. За неделю до моего пятого дня рождения.

Я закрываю глаза, когда игла попадает в чувствительную точку на моей коже. Берк продолжает говорить, пытаясь успокоить мой разум, но услышать о нем было бы гораздо более успокаивающим, чем говорить о моем прошлом.

— Ты помнишь своих родителей или свой дом до этого?

— Нет, не совсем. Я не помню дом, в котором жила, или моего папу, но я думаю, что у меня есть смутные воспоминания о женщине, которую я считаю мамой. Либо так, или моя память придумала ее после всех лет в приемных семьях. Я помню светловолосую

женщину в свитере и жемчужном ожерелье. Я совсем не похожа на нее. И, если она моя мама, я думаю, я пошла в отца.

— Ты когда-нибудь пробовала искать ее? Это может помочь дать ответы о твоих кошмарах.

— Я думала об этом, но так и не решилась.

Жужжание стихает, и Берк откладывает машинку. Он протягивает ноги и встряхивает руки. Я сажусь лицом к нему, с ногами, свисающими по сторонам стола. Он прикасается к моим ногам, и дрожь проходит по моему телу, когда его пальцы скользят по ним от колен до бедер. Мне нравится его прикосновение, но он также заставляет меня нервничать, потому что он выглядит так, как будто ему есть что сказать.

— Когда я проверял тебя, я сразу узнал, что ты выросла в приемной семье. Мне было любопытно, и я пошел немного дальше. Твои записи о рождении закрыты и даже с моими огромными связями, я не смог заглянуть в них. Однако, если ты хочешь знать, если это тебе поможет, тогда мы выясним, как получить эту информацию вместе. Всегда есть второй, третий и четвертый способ получить то, что ты хочешь. Мы найдем путь. Если это то, чего ты хочешь.

Берк уже заглянул. Мне стоило помнить об этом.

— Я еще не уверена. Я подумаю об этом. Боюсь, что реальность может быть хуже кошмаров. Как насчет того, что мы поменяем тему и поговорим о тебе?

Я ложусь обратно, готовая подумать о его предложении, вернуться к татуировке и узнать немного о нем. Берк возвращается к работе. Пистолет с иглой гудит несколько раз, прежде чем он отвечает.

— О чем именно?

— О чем угодно. Я хочу больше узнать о тебе. Я чувствую, что ты так много знаешь обо мне, а я так мало о тебе.

— Ты знаешь больше, чем кто-либо другой, за исключением Кая и Тиган, но я думаю, это не говорит многого обо мне.

Он издаёт неловкий смешок.

— Нечего рассказывать. Мои родители не были злыми или плохими. Им просто было все равно. У меня возникли проблемы, потому что никто не приглядывал за мной. Принимал наркотики, продавал наркотики, зависал на улицах. Наверное, это то, что заставило нас в конечном итоге открыть НК. У меня с Тиган довольно большая разница в возрасте, и к тому времени, когда мне было тринадцать, меня больше интересовали секс, наркотики и деньги, чем общение с малышом. Мы были не очень близки, пока она не стала жить со мной. Просто внезапно появляется эта маленькая девочка, которую я едва знаю, но полностью отвечаю за нее. Это, наверное, единственное, что когда-либо пугало меня до безумия до недавнего времени.

— До не давнего времени? Ты не кажешься напуганным. Что тебя беспокоит?

— Нет. Это не угроза, не напрямую. Это ты. Я боюсь, что втянул тебя в нечто ужасное. Я боюсь, что ты пострадаешь из-за меня. Я боюсь, что я испорчу все, что бы ни было между нами. Ты меня пугаешь. То, что из-за меня ты пострадаешь. То, что я причиню тебе боль, потому что я не создан для этого. Все это пугает меня.

Возьмите любой романтический фильм, который когда-либо видели, любой великий жест, которым мужчина одаривает женщину, и любую сочную рекламу в истории телевидения, ничто не сравнится с бабочками, появившимися у меня в животе. Взяв его лицо в руки, я целую его. Сейчас моя очередь успокоить его.

— Мне ничто не угрожает, потому что ты со мной. Ты внимателен, ласков и никак не можешь навредить мне. Пока ты честен, ты заслуживаешь доверия, а еще даришь мне столько оргазмов. Тебе нечего бояться, когда дело касается тебя и меня, ты меня слышишь?

Я снова целую его и вздыхаю с облегчением. Если у меня в голове и было какое-то сомнение, он стер его.

Разрушая этот момент, раздается стук в дверь, сопровождаемый гулким голосом Кая.
— Вы двое уже закончили трахаться как кролики? Мы с Тиган хотим увидеть новую тату!

Берк пробегает пальцами по моим волосам, целует меня еще раз, а затем идет открыть дверь. Я возвращаюсь в горизонтальное положение, чтобы прикрыть свое тело от взгляда моего нового сводного брата.

Кай и Тиган входят в комнату и ахают, пока Берк заканчивает татуировку. Шутки и смех отвлекают меня от боли, но ничто не может стереть мое выражение лица на слова, которые Берк сказал мне. Я приняла правильное решение, рискнув, и все встало на свои места.

Когда он заканчивает татуировку, он выгоняет Кая из комнаты. Я смеюсь и восхищаюсь совершенно новым изображением на моей коже, которое нанес человек, который может однажды полюбить меня.

Берк

Когда я останавливаю машину, адреналин проносится сквозь мои вены. Высокое, колючее проволочное ограждение и мрачная окружающая среда должны напугать меня, но этого не происходит. Скорее, они только подстегивают меня. Скорее всего, мы не столкнемся лицом к лицу с реальной угрозой, но это хоть что-то даст нам. У нас не появилось никаких новых зацепок, и я подумал о том, чтобы броситься в тюрьму под огненную бурю пуль, чтобы получить шанс пообщаться с Паркером с глазу на глаз. К счастью для меня и для него, у меня есть Пейсли, чтобы успокоить мои иррациональные порывы. До нее, я не уверен, что не сделал бы этого, чтобы получить то, что хотел.

Время, проведенное в моем тату-салоне заставило меня задуматься. Прежде чем я осознал это, мое сердце знало, что оно принадлежит ей. Сомнение исчезло, когда моя игла коснулась ее кожи. Неопределенность исчезла, едва она наклонилась над этим столом. Нерешительность исчезла, когда мы открылись друг другу.

Теперь я хочу найти ответы, я надеюсь разгадать эту загадку, а затем разбить черепа всех участников. Я не брежу. Я знаю, что это, вероятно, намного опаснее, чем мы могли себе представить, и Паркер не решит нашу проблему по волшебству, но тот, кто стоит за этим, скорее всего, замотивирован жадностью и ревностью. У нас с Каем есть что-то большее, за что мы сражаемся — наша семья, в которую теперь входит Пейсли. Я уверен, что сделаю все, что потребуется, чтобы сохранить ее в моей жизни.

Я выхожу из машины и разминаю ноги после сорокаминутной езды. Я смотрю на Кая, на его лице нет ни единой эмоции. Его челюсть сжата, а глаза кажутся пустыми. Вряд ли можно ожидать, что здесь, в том же месте, где гниет его отец, ему будет легко. Надеюсь, он сможет держать себя в руках. От этого визита многое зависит. Нам нужны все подсказки, которые мы можем получить. Все, что происходит, как-то связано, и это

одна головоломка, которая приведет к катастрофическим последствиям, если мы не сможем разгадать ее. Я смотрю на него, пока мы обходим машину.

— Ты в порядке?

Наши взгляды встречаются, в его глазах все еще нет ни одной эмоции. Кай прочищает горло и разминает плечи и шею.

— Я в порядке, пойдём.

Я ничего не могу сделать, кроме как поверить ему на слово и надеяться, что все пройдет гладко. Я понятия не имею, чего ожидать, когда мы будем внутри. Мы здесь не в первый раз и знаем все нюансы: что можно и чего нельзя делать. Мы одеты согласно правилам посещения, оставляем наши телефоны и личные вещи в машине.

Мы входим в здание, и я оглядываюсь. В зоне ожидания много женщин. Многие из них в слезах, в ожидании встречи со своими бойфрендами, мужьями, братьями или отцами. Маленькие дети играют на полу. Здесь есть также несколько мужчин, со следами тяжелой уличной жизни на лицах.

Мы подходим к стойке регистрации. Женщина за столом смотрит на нас сверху вниз, когда мы приближаемся к ней. Она садится прямо, двигая плечи назад и расправляя грудь. Пропищав приветствие, она спрашивает, чем может помочь. Ее южный акцент кажется не свойственным этому. Ее попытки говорить соблазнительно не соответствуют той форме, которая на ней надета. Я говорю четко и по делу, желая просто разделаться с этим. Мы передаем необходимые документы. Она просовывает лист бумаги через маленькое отверстие в защитном стекле и говорит нам, что нас вызовут в комнату для посещений. Взглянув на лист, я вижу, что там ее номер телефона, и я улыбаюсь, качая головой.

— Извините, я занят.

Я перехожу в комнату ожидания, не глядя на женщину. Кай не произнес ни слова с тех пор, как мы вошли внутрь. Проходит минута за минутой. Я продолжаю думать, мои глаза сосредоточены на маленьком ребенке у моих ног, но я на самом деле его не вижу. Я потерялся в своих размышлениях. Я мысленно раскладываю по полочкам все, что произошло до этого момента, и старательно пытаюсь понять, что я мог пропустить или не заметить.

Мои мысли переносятся к человеку, которого Кай задушил в нашем офисе. Его семья уже поняла, что он не вернется домой? Сдались ли они, не обнаружив его тела, или все еще надеются на его возвращение? В тот день мы необратимо изменили жизнь этих людей. Они справляются с горем или, может быть, живут в состоянии шока и отрицания?

Звук моего имени выталкивает меня из моего транса, и я оглядываюсь, Кай уже стоит рядом со мной. Офицер с планшетом стоит в ранее закрытом дверном проеме.

— Берк, пойдём. Они зовут нас.

Мы приближаемся к офицеру, и он проговаривает нам правила — не трогать, оставаться тихими, уважать других посетителей. Наконец, его речитатив заканчивается, и мы проходим за ним по длинному узкому коридору. В конце концов, серые, цементные стены превращаются в прозрачное стекло. Стеклопанельная стена дает мне возможность увидеть комнату изнутри. В ней много столов, некоторые заняты, остальные пусты. У задней стенки стоят два торговых автомата. Вооруженные офицеры стоят в каждом углу, наблюдая за происходящим в комнате.

Мы стоим за закрытой дверью, офицер, который привел нас, перечисляет еще несколько правил о сроках визита. Я не слушаю его. Мои глаза рассматривают мужчин в комнате. Я понятия не имею, как выглядит Паркер. Попытка найти его фото была неудачной. Кажется, он попал сюда задолго до того, как они стали вести онлайн-записи. Мне удалось узнать, что он совершил грабеж, с убийством двух человек и полицейской погоней. До этого у него был длинный список приводов за хранение наркотиков, незарегистрированного огнестрельного оружия, нападения и кражи.

Когда мои глаза останавливаются на одиноко сидящем человеке за угловым столиком, я сразу понимаю, что это Паркер. Он смотрит прямо на нас из-за стекла. Он одет в спортивный комбинезон, и я вижу тюремные тату, украшающие шею и одну сторону его лица. Я могу разглядеть мертвую крысу на шее, символы и цифры на его лице, которые, скорее всего, символизируют связь с бандой.

Офицер открывает дверь и пропускает нас. Паркер сидит, пока мы подходим к нему, мои руки сжимаются от напряжения. Парень выглядит так, как будто он ждал нас с нетерпением. Здесь должно быть скучно для заключенных, и сегодня Паркер, похоже, думает, что мы будем его развлечением. Охранники, стоящие на каждом углу, мешают мне стереть ухмылку с его лица. Он работает на другую сторону, и я не могу не задаться вопросом, были ли ему даны конкретные указания относительно того, что он должен нам сказать. Что-то говорит мне, что он не тот, кто стоит за этими угрозами. Я знаю, что чего-то не хватает.

Теперь я могу рассмотреть его. Его лицо выдает возраст и носит следы тяжелой жизни. Думаю, ему только за 40, но он выглядит намного старше. Ткань его тюремного комбинезона обтягивает его мускулистую фигуру, показывая, что он, скорее всего, тренируется в камере и во дворе тюрьмы. Его волосы темные, но его кожа — цвета молока из-за многих лет без доступа к солнечному свету. Он сидит, но я бы поспорил, что он намного ниже, чем Кай или я. На пальцах одной руки вытатуировано слово «истина», на другой «страх».

Мы садимся напротив него, он продолжает смотреть на нас с довольным выражением лица. Меня бесит то, что он смотрит на нас свысока. В моей жизни очень мало случаев, когда я не контролирую ситуацию, и в последнее время это происходит все чаще. Пейсли полностью контролирует мое сердце, а Паркер контролирует эту чертову чертову комнату. Хотя я никогда не дам ему понять этого.

Глаза Паркера останавливаются на мне, и он обнажает свои гнилые зубы в ухмылке. Ему действительно нравится это.

— Берк.

Он приветствует меня, очевидно, зная, к кому именно он обращается. Его взгляд перемещается на Кая, и он приветствует его таким же образом. Его глаза задерживаются, и он изучает лицо Кая с любопытством. Странно, насколько он выглядит заинтригованным. Я решаю заговорить.

— Давай закончим с этим дерьмом. Ты хотел нас видеть, мы здесь. Говори, что должен или передавай то сообщение, которое ты должен нам передать, чем быстрее мы с этим разберёмся, тем лучше.

Его гребаный рот только сильнее кривится в улыбке на мои слова, и это злит меня еще сильнее. Он смеется, и я хватаюсь за стул, чтобы не наброситься на него.

— Как насчет того, что мы сначала проясним пару моментов, что скажешь? У вас нет козырей. Не тебе указывать мне. Вы оба в моей власти. Ты позволил киске управлять своей жизнью, и она держит тебя за яйца. Твоя сестра и твоя шлюха станут вашим падением. Все будет так, как я скажу, у вас нет власти. Если я скажу вам обоим отсосать мне, вы полезете под стол и будете давиться моим членом. Я буду представлять ваших милых шлюх, пока один из вас будет глубоко заглатывать мой член, а второй обрабатывать мои яички. Понятно?

Мое тело рефлекторно начинает подниматься. К счастью для меня, Кай быстро реагирует и удерживает меня. Он наклоняется и пытается успокоить меня несколькими словами.

— Он пытается вывести тебя. Не позволяй ему. Мы не можем себе позволить быть выброшенными отсюда или, что еще хуже, загреметь в камеру, не получив информацию, за которой мы пришли.

Он прав.

— Чего ты хочешь? Какую цену ты запросишь, чтобы рассказать нам все, что знаешь. Можно с уверенностью предположить, что ты здесь не главный, иначе не стал бы светиться. Назови свою цену.

Дикая усмешка Паркера сменяется отвратительным хмурым взглядом. Его лицо искажается гневом и ненавистью. Его руки сжимают стол, а его бледная кожа краснеет от злости.

— В этом и есть ваша долбанная проблема. Никакой чертовой лояльности ни к чему, кроме сук в вашей жизни.

Он останавливается, качая головой.

— Дело не в деньгах. Речь идет о верности. Вами правят ваши члены, эмоции и жадность. Это будет рецепт вашего полного уничтожения, и конец намного ближе, чем вы думаете. Вы не можете купить меня или получить от меня информацию, потому что я знаю, что такое верность.

Он бьет кулаком по столу. Каждый охранник в комнате обращает свое внимание на звук. Паркер кивает одному из охранников, кладет руки на колени и затем возвращается к своей длинной речи.

— Я могу засунуть свой член куда угодно, без эмоций, засоряющих мое мнение. Я расслаблюсь сегодня вечером в душевой кабинке, представляя горячую, влажную пизду, а не задницу какого-то испуганного стукача, который заслуживает того, чтобы его разорвали, пока его кровь не станет смазкой и не окрасит плитку пола. Мне заплатили за то, чтобы я встретился с вами, и вы могли бы предложить мне в десять раз больше, чем я получил, но я бы не переметнулся. Я не чертова грязная крыса.

Он указывает на мертвого грызуна на шее. Мое разочарование велико. Вся эта встреча кажется бессмысленной, хотя раньше это была наша единственная надежда. Кажется, мы здесь, чтобы поиграть, и мое терпение иссякло.

— Так почему мы здесь? Зачем нужна эта чертова встреча?

— Это отвлекающий маневр.

Гнев с его лица уходит, и на нем снова отражается зловещая радость.

— Охрана! Уведите меня! Я здесь закончил.

Двое из офицеров двигаются к нашему столу. Мы не получили никакой информации. Наш единственный источник информации вот-вот вернется в камеру, вне

зоны нашей досягаемости. Офицеры стоят за Паркером, когда он встает со стула. Шепотом он наносит последний удар.

— Я бы поспешил домой на вашем месте. Вы можете обнаружить, что вы гораздо более легковверны, чем вы думали, и намного менее неприкасаемые. Бьюсь об заклад, у этих девочек сейчас гораздо меньше веры в ваши чувства.

Я выпрыгиваю из-за стола, не обращая внимания на правила. Мы должны оставаться сидеть, пока Паркера сопровождают из комнаты. Мой гнев кипит, и мой характер берет верх. Я двигаюсь в сторону Паркера, остальные офицеры в комнате направляют свое оружие на меня. Кай говорит мне не двигаться, напоминая, что нам нужно быстро вернуться домой.

Мы быстро выходим из комнаты для посещения, и до меня доходит. Причина этой встречи. Довольное выражение Паркера. Нас обыграли, мы попались на крючок.

Пейсли

Я — та, которую ненавидят. Я — та, кого ненавижу сама. Я заряжена эмоциями после фантастического секса. Его руки на моей коже. Жар от его прикосновений. Ощущение от соприкосновения наших тел. То, как он обнимает меня во время сна. То, как он смотрит на меня, как будто никогда не видел ничего более совершенного. Я подседа на эти ощущения.

Мир может разваливаться вокруг меня, и я этого не замечу, потому что этот мужчина любит меня и заставляет чувствовать себя хорошо. Я в тумане новых отношений и не думаю, что есть что-то, что может сбросить меня с моего теплого и пушистого облака. Я как будто чертова малолетка, строчащая в дневник что-то душещипательное.

Мне нужно прийти в себя. Увидеть картину в целом. Темное облако парит над всеми нами. Берк и Кай ушли несколько минут назад, а я рисую воображаемые сердца на страницах моего разума. Я не должна была влюбляться в него. Этого не было в плане, но, черт возьми, я не смогла справиться с собой. Я нахожусь в центре бури, которую не могу остановить, которую не контролирую. Нет никакого контроля в том, как я к нему отношусь, и никакого контроля в том, что происходит.

Я лежу в постели Берка, мое тело все еще чувствительное от утреннего секса. Я купаюсь в его запахе, который покрывает простыни, и, несмотря на усталость и легкую ноющую боль, я хочу, чтобы он все еще был здесь, и мы могли бы забыть обо всем. Но не сегодня. Сегодня у меня совсем другие планы. Все меняется в мгновение ока. Может ли один выбор или решение изменить последовательность событий в жизни? Как отличить хорошие решения от плохих? Людей, которые навредят, от людей, которые смогут защитить? Что делать, когда приходит осознание, что все изменилось?

Крики Тиган меняют мое настроение. Звук шагов раздается эхом внутри дома. Мои уши пронзают голоса мужчин, которые находятся здесь, чтобы причинить вред. Страх в голосе Тиган разрывает мне душу, особенно в тот момент, когда он затихает.

Я слезаю с кровати и обдумываю свой следующий шаг. Одеться было бы очевидным выбором, но мой мозг еще не проснулся. Я дрожу, пытаюсь взять себя в руки. Сейчас не время расклеиваться. Время быть сильной.

Сладкая ложь. Непреодолимое предательство. Все вот-вот закончится. Все.

Берк

Как я мог быть таким глупым? Как я не увидел этого? Страх, гнев и ненависть пробегают по моим венам. Я боюсь того, что обнаружу, вернувшись домой. Я злюсь на себя за то, что не предвидел этого. Я пропустил несколько кусочков головоломки из-за своей злости на Паркера. Я хочу уничтожить всех, кто посмеет обидеть Тиган или Пейсли. Я хочу слышать, как они умоляют о пощаде, пока я ломаю их кости. Но я не проявлю милосердия. Ни грамма. Я буду смахивать кровь со своих рук.

Кай несется по шоссе, как профессиональный гонщик, игнорируя все знаки о скоростном режиме. Он пробирается сквозь машины и игнорирует светофоры. Я без остановки звоню как Тиган, так и Пейсли, но не получаю ответа ни от одной из них. Мы ушли более двух часов назад, и многое могло произойти за это время. Они могли наблюдать и ждать, пока мы уйдем, зная, что мы не вернемся какое-то время. Мы попали прямо в глупую чертову ловушку.

То, что должно было быть сорокаминутной поездкой домой, занимает около двадцати пяти минут. Я вижу бетонную стену вокруг нашего дома. В дневном свете все выглядит совершенно нормально. В моем воображении я видел хаос и разруху, но все выглядит так же, как когда мы вышли из дома этим утром. Тем не менее, у меня плохое предчувствие. Кай едва успевает проехать через ворота, как я выпрыгиваю из машины и бегу к дому. Входная дверь открыта, и это первое подтверждение.

Я бегу через дом, выкрикивая имена Тиган и Пейсли. Дом перевернут вверх дном, я перепрыгиваю через разбросанную мебель, пока бегу к спальне наверху. Кай не отстаёт от меня, мое сердце вырывается из моей груди. Пульс зашкаливает. Мы опоздали.

Сначала я проверяю комнату Тиган, и то, что я нахожу, ужасает меня. Ее матрас разорван. Разорванные книги на полу. Осколки разбитой лампы в углу. Телевизор разбит. Либо Тиган боролась, либо тот, кто здесь был, разгромил место, чтобы посыпать солью рану. Но то, что действительно вызывает мое беспокойство, — это след крови от кровати до двери. Ее слишком много. Кай ругается, и я смотрю ему в лицо. Его глаза сконцентрированы на темно-красных пятнах на полу. Не зная, что еще делать, я проверяю

остальную часть дома, оставляя Кая осматривать беспорядок в комнате моей сестры. Я проверяю свою комнату. Там все то же самое, за исключением крови. Я проверяю каждый квадратный дюйм этого дома. Мебель сломана, фотографии оторваны от стен, ничто не осталось нетронутым, а Тиган и Пейсли исчезли.

Мы понятия не имеем, кто стоит за этим или куда они могли увести девчонок. Мы в худшем положении, чем я мог себе представить. Моя кровь кипит от ярости, и мне некуда ее направить. Я бью кулаком стену. Я выплескиваю свою ярость через боль, кожа на костяшках разбивается, и кровь пачкает в стену. Кай зовет меня, но я игнорирую его, пока боль проносится вверх по моей руке. Я продолжаю избивать стену. Руки Кая обнимают меня, я пытаюсь вырваться, и мы падаем на пол. Кай использует свой вес, чтобы удерживать меня.

— Соберись! Мы должны действовать и быстро. Мы понятия не имеем, где девушки или кто их схватил. Пришло время разобраться во всем!

Наконец, я устаю бороться и понимаю, что веду себя как неандерталец и то, что Кай прав.

— Хорошо, какой план?

Понимая, что я пришел в себя, он отпускает меня, встает и протягивает руку, чтобы помочь мне. Как только я встаю на ноги, то иду к раковине, чтобы промыть холодной водой мои кровоточащие суставы, пока Кай рассказывает мне план.

— Я позвонил Тиган. Звонок проходит, но никто не отвечает. Я не слышу звук, так что, предполагаю, что телефон остался при ней. Это небольшой шанс, но я попробую отследить их телефоны и посмотрю, сможем ли мы найти место.

Я достаю свой телефон из кармана. Набираю Пейсли. Конечно же, ответа нет.

Кай загружает свой ноутбук на кухне. К счастью, он знает, что делает, потому что я понятия не имею, как отследить телефон. Я бы заплатил кому-то или угрожал им сделать это, и это заняло бы больше времени. Времени у нас нет. Он нажимает клавиши, и экран начинает прокручивать код. Его брови сведены, он сосредоточен, но я не могу стоять на месте, чувствуя себя бесполезным. Эти люди подумали обо всем, поэтому шанс, что они что-то упустили, крайне низок, но это все, что у нас есть.

Через несколько кликов Кай встает.

— Я нашел! Поехали!

Кай ведет, и весь путь я думаю, является ли этот знакомый адрес хорошим знаком, плохим знаком или тупиком. Десять минут, которые нам нужно, чтобы добраться туда, чувствуются как десять часов. Дома сменяются от особняков к трейлерам и квартирам. Мы подъезжаем к дому, который Пейсли когда-то называла домом. GPS-трекинг показал, что оба телефона здесь. Я очень сомневаюсь, что мы войдем и найдем, Пейсли и Тиган красящих друг другу ногти, но со стороны все похоже на любой другой день. Дети ходят по тротуарам. Музыка вырывается из соседней квартиры. Автомобили подъезжают и уезжают с парковки, так как будто мой мир никогда не переворачивался.

Мы с Каем быстро выходим из машины. Как только доходим до порога, мы понимаем, что в стуче нет необходимости — дверь не заперта. Квартира пуста. В ней нет ни мебели, ни вещей. Здесь никого нет. Наши шаги отдаются эхом сквозь пустое пространство. Я смотрю на Кая, на его лице разочарование и беспокойство. Он вытаскивает свой телефон, а мое внимание привлекает шум. Он слабый и приглушенный,

но это, безусловно, голос. Голос, который я хорошо знаю. Я не понимаю, что она говорит, но я слышу страх.

Тиган. Это голос Тиган.

Я напрягаюсь, чтобы услышать, откуда идет звук, а затем мы с Каем бежим к шкафу справа от входной двери. Тиган в страхе зовет меня. Я никогда не хотел слышать, как моя сестра боится.

Как только я открываю дверь в шкаф, голос Тиган становится громче и менее приглушенным, но шкаф кажется пустым. На полке лежат два сотовых телефона. Тиган и Пейсли. Звук идет из мобильного телефона Тиган. Я забираю оба телефона, и, хотя экран Пейсли не горит, телефон Тиган — работает. Ее голос звучит из громкоговорителя, и, глядя на телефон, я вижу изображение, которое будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь. Несколько секунд я смотрю на него, но больше не могу. Я передаю его Каю.

Образ Тиган в темной комнате, связанной, в разорванной одежде, с кровью из раны на ее лбу. Она выглядит потрясенной и испуганной. Ее голос, выкрикивающий мое имя, будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь. Она задыхается, и я понимаю, как сильно ее подвел. Я понятия не имею, где она, кто забрал ее и что делать.

— Я думаю, что это прямая трансляция. Тот, кто ее забрал, хочет, чтобы мы нашли и увидели это. Если это так, то, по крайней мере, мы знаем, что она все еще жива.

Я поворачиваю телефон Пейсли в руке, пока говорит Кай. Все еще ничего. Нажатие кнопки «меню» подтверждает, что телефон включен, но ничего не показывает, кроме предупреждений о моих пропущенных звонках. Пейсли с Тиган?

— Слушай, мужик, я ненавижу даже мысль об этом, но это нужно сказать. Есть ли какой-нибудь шанс, что Пейсли может быть связана с этим?

Я хватаю Кая за грудки и резко подталкиваю к стене. Он вообще не борется со мной.

— Об этом нужно поговорить, Берк. Посмотри на это место, здесь все убрали, и это, вероятно, произошло задолго до сегодняшнего дня.

Он обводит жестом пустую квартиру.

— Брэйлин ушла, а эти двое были в жизни друг друга с тех пор, как были детьми. Они считали себя сестрами. Квартира заброшена, Тиган и Пейсли пропали сегодня утром, но на видео только Тиган. Мне нравится Пейсли, и если в этом есть хоть доля правды, она обманула и меня, но мы должны подумать обо всех возможностях. Если мы этого не сделаем, тогда будем чертовыми идиотами.

Я освобождаю его, мой гнев все еще кипит от его обвинения, от хаоса вокруг нас и из-за того, что я все еще слышу тревожный голос моей сестры из этого чертового телефона. Я не могу поверить, что Пейсли способна на это. Я не верю. Это не она, и я не могу поверить, что то, что было между нами, — это игра с ее стороны. Это было реально, я знаю, что это так. Мое сердце это знает.

— Все противнее. Ничего из этого дерьма не началось, пока Пейсли и Брэйлин не вошли в нашу жизнь. Не обижайся, чувак, но ты был королевским мудаком с ней в начале, и она все же дала тебе шанс. Брэйлин загадочно выкидывает ее из дома, не оставляя ей другого места, куда пойти, кроме нашего дома. Мы должны смотреть на это со всех сторон.

Его логика имеет смысл, но это не имеет значения. Я держал Пейсли в своих объятиях. Я чувствовал нашу связь. Я коснулся ее кожи и увидел тепло в ее глазах. Нет, он не прав.

— Позвони Брэйлин.

Он нажимает несколько кнопок на своем телефон, а затем включает громкую связь. Мы слушаем тишину в течение нескольких секунд, прежде чем монотонный голос сообщает нам, что номер телефона больше не обслуживается. Где, черт возьми, Брэйлин и почему ее телефон отключен? Это не случайность, что ее квартира пуста, и ее телефон отключен одновременно с Тиган и Пейсли. Кай не может быть прав. Не может.

Телефон в другой руке Кая замолкает. Голос моей сестры пропал. Ее страх больше не заполняет комнату, но потеря звука не утешает. Экран гаснет. От удара раскрывается входная дверь, и начинается ад. Комнату заполняют громкие голоса.

— Руки за голову! На землю, немедленно!

Берк

Мое зрение наполняют красные и синие огни, когда вокруг нас взрывается хаос. Копы действуют грубо, выкрикивая приказы. Кай прижат к полу пятью людьми, с направленным на него оружием. Шесть других держат меня прижатыми к стене, я пытаюсь бороться с ними.

Тиган и Пейсли были захвачены, и по какой-то причине эти законники здесь по наши души. Двое мужчин скручивают руки Кая за спиной, третий прижимает его голову к полу. Его попытки вырваться ни к чему не приводят. Наручники защелкиваются на его запястьях. С мыслью о том, что я вот-вот повторю его судьбу, я пытаюсь избавиться от рук, удерживающих меня прижатым к стене. Их хватка усиливается, еще больше офицеров приходит на помощь, чтобы удерживать меня.

Офицер постарше стоит в стороне и наблюдает. Скорее всего, он здесь главный. В его волосах видна седина, и он уже давно не в самой хорошей физической форме. В его взгляде сила и контроль. Его глаза говорят мне, что это его команда, и именно он управляет процессом. Его голос звучит громко, учитывая, что больше уже никто не кричит.

— Тебе нужно прекратить бороться, сынок. Ты не под арестом, и если хочешь, чтобы так и оставалось, тогда не мешай моим офицерам делать свою работу, прежде чем они освободят тебя.

Я не арестован? Почему, черт возьми, они здесь, если не для ареста? Позади меня начинается знакомый сценарий, Кая поднимают и зачитывают права. Кай арестован, а не я. Что, черт возьми, происходит?

— Вы арестованы за исчезновение Тиган Хенсли. Вы имеете право хранить молчание. Все, что вы скажете, может и будет использоваться против вас в суде.

Нет. Нет. Этого не может быть.

— Вы имеете право на адвоката и его присутствие на допросе. Если вы не можете позволить себе нанять адвоката, вам его назначат. Вы понимаете свои права?

Офицер дергает Кая за наручники, когда он не отвечает сразу. Он спотыкается, а затем смотрит в мою сторону, пока я сражаюсь с офицерами, которые прижимают меня к стене в слабых попытках остановить то, что происходит. Тиган и Пейсли пропали, а мой

самый надежный союзник арестован за исчезновение моей сестры. Я понимаю также, что офицер не упомянул имя Пейсли.

Я не сомневаюсь, что это ловушка. Полицейским, должно быть, кто-то слил информацию, потому что они пришли слишком быстро для поиска человека, который пропал без вести всего час назад. Человек, ушедший всего на несколько часов, не будет считаться пропавшим без вести в любой нормальной ситуации. Арест Кая — это часть их плана. Тем не менее, мои эмоции вращаются вокруг таинственной связи Пейсли с тем, что происходит. Могла ли она участвовать во всем этом? Была ли она частью этой ловушки?

Я слышу свое имя, пока мой разум пытается разобраться в деталях, и мое тело борется с теми, кто меня удерживает. Я напряжен, но прекращаю бороться, чтобы услышать то, что говорит Кай.

— Прекрати сопротивляться. Тебе нельзя в участок. Пусть меня возьмут. Тиган нужно, чтобы ты был на свободе. Мы все выясним, но ты должен позволить этому случиться.

Как он может оставаться таким рассудительным, я не знаю, но он прав. Тиган где-то там, связанная и напуганная, и мне нужно найти ее. Мне нужно держать себя в руках и не давать этим офицерам причины запереть меня.

Они вытаскивают Кая из дома, бросают его в машину, затем офицеры садятся в машины и уезжают. Соседи стоят на улице и гадают, что произошло. Моя сестра похищена. Мой лучший друг арестован за ее исчезновение, и у меня осталось так много оставшихся без ответа вопросов о Пейсли. Почему Кай арестован только за исчезновение Тиган? Где Пейсли, и возможно ли, что она замешана? Было ли так легко ей игнорировать то, кто я, потому что это никогда не имело для нее значения? Что, черт возьми, я делаю? Мне нужно найти Тиган. Мне нужно убедиться, что она в безопасности и останется в безопасности. Я должен выяснить, кто это делает, и разобраться с ними. Мне нужно очистить имя Кая, а я не имею ни малейшего понятия, с чего начать.

Берк

Дела плохи. Все вышло из-под контроля. Моя сестра пропала. Мой лучший друг в тюрьме, а моя девушка либо также пропала, либо связана со всем этим кошмаром. Семена сомнения о ее участии посеяны, на это же указывают и имеющиеся доказательства. Я не хочу в это верить, но Кай прав, нельзя быть настолько наивным, чтобы исключать эту возможность.

Я не могу представить Пейсли в роли манипулирующего злодея. Я не хочу. За то короткое время, что мы провели вместе, я влюбился в нее. Сначала я не верил в любовь, затем не думал о том, что способен на какие бы то ни было отношения, а потом превратился в человека, глубоко полюбившего одну девушку. Быть с ней — чувствуется таким правильным. Прикосновения к ней вызывают привыкание. С ней легко разговаривать. Заботиться о ней — чувствуется хорошо. Воспоминания о ее темных волосах, ногах вокруг моей талии проносятся в моей голове. Страх в ее глазах, когда она

просыпается от кошмара. То как она стонет, кончая. Только за ее дерзость и смелость мне хочется сорвать с нее одежду.

Я чувствую, как будто меня ударили в живот. Нужно сосредоточиться на поиске, а потом разобраться со всем остальным. Найдя Тиган, я получу ответы о Пейсли.

Но у меня ничего нет. Ни зацепок, ни улик. Весь дом разгромлен, но только в комнате Тиган следы крови. Стоит ли мне проверить, назначен ли залог за Кая? Он мог бы мне помочь, но вытащить его займет слишком много времени. Вероятно, ему вообще откажут в залоге.

Я звоню кое-кому, юристу, с которым мы пару раз имели дело. Опустив некоторые детали, я ввожу его в курс дела и прошу вытащить Кая как можно быстрее. Затем даю ему доступ к кредитной карте для оплаты залога. Затем я звоню частному детективу, который помог мне с проверкой Брэйлин и Пейсли. Так же кратко и немногословно прошу его заняться поиском Тииган, Пейсли или Брэйлин. Он задает вопросы, и я отвечаю по мере возможности.

Копам нельзя доверять, ведь они уже заперли моего самого близкого друга, а я за последние полгода нарушил столько законов, что могу оказаться в тюрьме до старости. Я должен сделать все сам, арест Кая это колоссальная ошибка.

Пейсли должна сегодня работать? Я не могу вспомнить. Возможно, стоит начать оттуда. Пойти и проверить, там ли она, слышали ли о ней что-нибудь ее коллеги.

Когда приезжаю в закусочную, я чувствую себя отчаявшимся, но по странному стечению обстоятельств, это работает в мою пользу. Безднадежность ситуации заставляет адреналин струиться по моим венам. У меня нет другого выбора, кроме как спасти Тиган и надеяться на лучшее — что вместе с ней я спасу и Пейсли.

Здесь припарковано всего несколько машин, и я по привычке тянусь к кобуре. Пистолет может мне понадобится, поэтому я хочу убедиться, что он на месте.

Внутри за столиками сидят несколько парочек, в поле зрения нет ни одного сотрудника. Я нетерпеливо стою у стойки и жду, когда кто-нибудь появится. Ожидание — это не мой конек, и я борюсь с желанием пойти прямо на кухню. У меня нет времени ждать.

Наконец появляется девушка. Ее взгляд падает на меня, и она роняет тарелки, ее щеки краснеют, но она даже не пытается их поднять. Она стоит, не глядя мне в глаза. Она знает, кто я, и это ее нервирует. Хорошо. Пейсли никогда не упоминала, что они дружат, но эта девушка, возможно, не захочет рассказывать о ней незнакомцу. Я могу использовать ее очевидную нервозность в своих интересах. Немного флирта поможет мне.

Я наклоняюсь, чтобы помочь поднять разбитые тарелки с пола. Я не славлюсь обаянием, но достаточно легко поиграть с уже сраженной девушкой. Я смотрю на нее, и она смотрит на меня широко раскрытыми глазами в ответ, ее зубы закусывают нижнюю губу. Я улыбаюсь, и она отвечает мне тем же. Я вижу страсть и голод в ее глазах. Она девушка, которая хочет заполучить меня только для рекорда. Она полная противоположность Пейсли, по крайней мере, я на это надеюсь.

— Мне жаль, что я тебя напугал, но я не могу сказать, что мне жаль, что я привлек твое внимание.

Ужасная фраза. Я не умею флиртовать, но это не имеет значения. Все, что она услышит, это флирт в моем голосе. Я стою с осколками разбитой посуды в руках. Она хватает поднос, и я бросаю на него осколки тарелок, мужчина выходит из кухни с метлой

и совком в руках. Он ворчит себе под нос, но официантка с косичками не обращает на него внимания.

— Ты останешься?

Девушка, похоже, обрела голос, она распрямляет спину так, чтобы было лучше видно ее декольте. Я прохожусь глазами по ее телу, изображая интерес. Она слишком старается, она не Пейсли. Я облизываю губы, когда мои глаза возвращаются к ней. Я отвожу ее в сторону, подальше от мужчины, подметающего беспорядок.

— Не думаю. Я спешу, мне нужна информация. Мне интересно, что ты можешь рассказать мне о Пейсли Джеймс.

Она хмурится. Ей не нравится, что я пришел спрашивать о другой девушке. Мы даже не знаем имени друг друга, а она демонстрирует чувство собственности по отношению ко мне. Пейсли никогда такого не делала. Может быть, это был знак сам по себе. В любом случае, я должен сгладить уязвленное эго этой девушки, чтобы заставить ее сотрудничать.

— Она тусуется с моей сестрой, и я не слишком рад этому. Видишь ли, я очень люблю свою маленькую сестру, и, кажется, что они вдвоем попали в беду. Ты можешь что-нибудь рассказать о ней?

Блеск возвращается в ее глаза, ей нравится думать, что я на самом деле здесь не ради Пейсли. Такие девушки, как она, ничего не оставляют для воображения.

— О, понятно. Твоя сестра приходила к ней один раз. Я была здесь. Сказать особо нечего. Пейсли не похожа на проблемную девушку. Она тихая и много о себе не рассказывает. Она здесь больше не работает, но когда работала, ей было не до общения. Она...

— Подожди. Ты сказала, что она здесь больше не работает?

Пока мы говорим, она придвигается все ближе и ближе, и мне приходится смотреть вниз, чтобы увидеть ее лицо. Ее рука кокетливо касается моей руки.

— Да, я думаю, нет. На сегодня это так.

— Она приходила сегодня?

Я не теряю надежду, что получу очередную подсказку, но это не выглядит обнадеживающим — ведь она приходила уволиться.

— Нет. Приходила та рыжая, с которой она живет. Я не могу вспомнить ее имя. Она пришла сегодня, чтобы сообщить нам, что Пейсли не вернется на работу. Она сказала, что они вдвоем уезжают из города на неопределенный срок. Ей не понравилось, что я не смогла передать зарплату Пейсли ей без разрешения. Выскочила отсюда, показав мне средний палец. Эта девушка полная сука. Если бы твоя сестра зависала с ней, тебе бы стоило волноваться.

Бл*дь. Квартира Брэйлин пуста, и она планирует сбежать из города, нехорошо. Но где, черт возьми, Пейсли? Чувствую, что Брэйлин стоит за всем этим. Почему я не присмотрелся к ней лучше? Потому что высокомерно думал, что какая-то девушка, которая трахается за деньги, не сможет обмануть меня. Она пешка или вдохновитель? Каким будет финал? Мой пульс учащается при миллионах возможностей, пронизывающих мой мозг.

— Мне нужно, чтобы ты очень тщательно подумала, пожалуйста. Брэйлин что-нибудь еще сказала, пока была здесь? Говорила ли она что-нибудь о том, почему они уезжают, куда или когда? Пожалуйста, подумай, для меня это очень важно.

Я никогда не думал, что буду вынужден просить какую-то официантку о помощи. Просьба слетает с моих губ, и я внутренне съеживаюсь. Она понятия не имеет, о чем идет речь, и не может знать. Я не могу выпытывать у этой невинной девушки информацию, которая может оказаться бесполезной.

Она выглядит смущенной. Ее брови нахмурены. Она, должно быть, думает, что я сошел с ума. Уверен, что она задается вопросом, почему тон моего голоса заставляет его звучать так, будто это вопрос жизни и смерти, тогда как она думает, что мы говорим о переезде, но это вопрос жизни и смерти. Жизни Тиган. Моей жизни. Жизни Кая. Я не знаю, что это значит для Пейсли. Мое сердце не сомневается в ней, но мой мозг смеется над жалким органом в моей груди.

— Она сказала, что должна добраться до аэропорта. Ее слова, когда она выбегала, были: «У меня нет времени на то, чтобы твой мозг оправился от перогидроля, который попал в твою голову из-за дешевой окраски, потому что мне нужно успеть на рейс».

Ее щеки вспыхнули, когда она повторила оскорбление, которое Брэйлин бросила ей. Почему я стою здесь и думаю о ее волосах? Пора действовать.

— Спасибо, мне нужно бежать.

— Подожди! Оставишь мне свой номер?

Но я уже бегу к машине, бросая ей слова через плечо:

— Мне жаль. Мой мозг может спорить с этим, но мое сердце уже занято.

Мне нужно попасть в аэропорт. Сейчас же.

Берк

По дороге в аэропорт я попадаю в пробку. Обычно эта поездка занимает пятнадцать минут, но во время напряженного сезона во Флориде, время увеличивается до сорока. Двигатель моей машины ревет, пальцы сжимают руль, разочарование растет, но все же мне удастся прибыть в более короткое время, чем это должно было занять меня.

Мне нужно выяснить, как найти Брэйлин и Пейсли в огромном аэропорту, при том, что я не знаю, когда или откуда они вылетают. Шансы против меня, и я не могу допустить каких-либо ошибок. На карту поставлены жизни. Все, кто дорог мне в этом мире, находятся в опасности, а я цепляюсь за соломинку, которую рыжая сука подбросила мне.

В гараже я нахожу свободное место для парковки и бегу к входу. Семьи с багажом и пожилые пары отпрыгивают с моего пути. Люди пялятся на меня, пока я проталкиваюсь сквозь толпу. Некоторые кричат мне вслед, матери отодвигают своих детей с моего пути.

В финале романтических фильмов, мужчина мчится в аэропорт, чтобы признаться в своей вечной любви. Это сказка, или, я думаю, это может быть чья-то реальность, но точно не моя. Я должен найти Брэйлин и Пейсли и, наконец, собрать несколько кусочков головоломки вместе. Сегодня в этом терминале аэропорта не будет публичного признания в любви или громких жестов. Потребуется каждая унция контроля, чтобы не задушить обеих, как только я их найду. Не хватало еще разозлить охрану аэропорта.

Здесь просто толпа. Единственное, что работает в мою пользу, это то, что темно-

рыжие волосы Брэйлин довольно трудно пропустить, особенно когда большинство людей здесь достаточно взрослые, чтобы быть ее бабушкой и дедушкой.

Мой поиск у стойки регистрации заканчивается ничем. Я пытаюсь найти лучший способ отыскать ее.

Я повторно проверяю очереди на регистрацию и нахожу авиакомпанию с самой короткой. Там только одна маленькая старушка, поэтому я проскальзываю за ней. Женщина возится со своей сумочкой, пока я переминаюсь с ноги на ногу. У меня нет времени на это. Каждую секунду, когда я стою здесь, Брэйлин и Пейсли могут садиться в самолет. Если это произойдет, я никогда их не найду. Наконец женщина заканчивает у стойки и медленно отступает. Я не очаровательный принц, мне нужна вся моя сила воли, чтобы не отодвинуть, пока она борется со своей ручной кладью.

Парень за стойкой выглядит как ребенок, и мне трудно поверить, что ему есть восемнадцать. Когда я подхожу, он поднимает очки в черной оправе и смотрит на меня. Он запрашивает информацию о моем билете, но, конечно, у меня его нет. Он корчит физиономию, когда я говорю ему, что возьму любой билет, который у него есть, и я хватаюсь за стойку, чтобы не дать мне протянуть руку и сбить эти глупые очки с его лица. Несколько минут он нажимает кнопки на клавиатуре компьютера, и я становлюсь все более и более нетерпеливым. Время замедляется, а ботаник, кажется, еще замедляет свой темп, видя, как растет мое нетерпение.

Потратив больше времени, чем мне хотелось бы, я вырываю у него билет. Пацан, вероятно, думает, что хам, покрытый татуировками, пытается бежать из страны, но не имеет значения, что он думает, пока он не зовет охрану, чтобы замедлить меня.

Очередь выглядит такой же длинной, как и в один из самых посещаемых парков развлечений. Люди скучают и играют в своих телефонах, сотрудники выкрикивают одни и те же указания. Моя голова поворачивается из стороны в сторону, пытаюсь охватить все области вокруг меня в поисках Брэйлин или Пейсли, но я их не вижу. Очередь медленно продвигается вперед, и я проклинаю жизнь в туристическом штате, вероятно, в сотый раз за этот год, но зная, что в первый раз я действительно имею это в виду.

Время идет, очередь медленно движется вперед. Мои глаза постоянно в поисках моих целей, но я нигде их не вижу. Я должен быть уверен, что найду их, прежде чем они увидят меня, в противном случае, они просто исчезнут. Мысль о том, как я вытащу двух девушек из аэропорта через всю эту охрану, приходит мне в голову. Они ни за что не пойдут добровольно, а пистолет, по очевидным причинам, мне пришлось оставить в машине. Даже если бы мне удалось пронести его, мужчина, выводящий из аэропорта двух девушек под дулом пистолета, вряд ли остался бы незамеченным.

Знакомое лицо привлекает мое внимание, и моя голова поворачивается в направлении маленькой закуской. Это не то лицо, которое я надеялся увидеть, оно отображается на телевизоре внутри небольшого продуктового магазина. Посетители качают головами, просматривая новости в нижней части экрана. Мой желудок сжимается от нескольких слов, которые я могу разобрать с этого расстояния. Вечерние новости рассказывают историю Тиган, давая понять всем, кто смотрит, что Кай является подозреваемым номер один.

Его лицо заполняет экран. На экране появляется также изображение Тиган, они просят дать подсказки о ее местонахождении. Моя сестра пропала, а полицейские уже осудили не того человека.

Я качаю головой, чтобы очистить свой разум от этих мыслей. Я уже намного ближе к концу очереди, и когда добираюсь до сотрудника службы безопасности, я вручаю ему свои права и посадочный талон. Как будто вся чертова вселенная против меня, потому что ему требуется целая жизнь, чтобы проверить мои данные, прежде чем передать документы обратно.

Я снимаю обувь и пояс, бросаю их в пластиковый контейнер. Еще несколько человек, и я пройду через эту линию, и, наконец, я на другой стороне. Пройдя контроль, я

взлетаю в темпе, который не теряет времени, но все же позволяет мне разведать терминал. Ворота выстраиваются слева и справа от меня, и я ищу рыжие волосы. Я обыскиваю места в каждой зоне ожидания, пешеходные дорожки, рестораны и бары. Все тщетно, но я надеюсь, что ее рейс немного позже, а ее еще нет.

Я нахожу ее фото в социальных сетях. Я спрашиваю у пассажиров, видели ли они эту девушку, рассказывая о том, что мы потеряли друг друга. Некоторые люди просто игнорируют меня, некоторые скептически смотрят на меня, а некоторые честно отвечают, говоря, что не видели ее. Я часами гуляю по этой части аэропорта, моя паранойя разыгрывается. Я начинаю думать, что официантка дала мне неверную информацию. Что если я их упустил, и они уже ушли? Что если это еще один способ снова убрать меня с пути ради чего-то более зловещего. Мне приходит в голову мысль, что Брэйлин и Пейсли даже не имеют к этому никакого отношения. Возможно, Пейсли просто испугала вся эта драма, и она ушла со своей подругой.

Я давно пропустил свой рейс, солнце село несколько часов назад. Народу все меньше и меньше. Я проверяю информацию о рейсах на экране и вижу, что сегодня их осталось еще два.

Я все контролировал сам в течение долгого времени. В последний раз, когда я не чувствовал, что контролирую ситуацию, были первые пару лет после получения опеки над Тиган. С тех пор я сделал все возможное, чтобы люди, которым нужно было бояться меня, боялись. Я позаботился о том, чтобы иметь возможность заботиться и защищать мою сестру. У меня было два успешных бизнеса. Я легко распознавал наркоманов и людей с темными мотивами.

До сих пор.

Все это вышло из-под контроля, и мне нужно найти Тиган. Я никогда не смогу простить себя, если она пострадает. Мне также нужно найти Пейсли. Мне нужно, чтобы она была в безопасности, и мне нужно знать, что она не связана с этим. Если она участвует в этом предательстве, я не знаю, смогу ли с этим справиться. Она девушка, с которой я наконец-то почувствовал, что могу влюбиться.

Я ищу последний рейс и впервые признаюсь себе, что люблю ее. Я человек, который никогда не думал о любви. Я никогда не думал, что однажды буду привязан к кому-то и подумаю о будущем вместе. Я в аэропорту, признавая, что я больше не тот человек, и я понятия не имею, где находится Пейсли или что происходит.

Мои мысли отрываются от Пейсли, когда я вижу рыжие волосы. Все мое тело напрягается и подается в том направлении, в котором я их увидел. Это рейс для Атланты, его вот-вот объявят. Мои ноги двигаются, прежде чем я успеваю продумать план. Я не могу позволить ей сесть на этот рейс. Я приближаюсь к ней, у меня перехватывает дыхание.

Берк

Это не она.

Это последний рейс за день, я был так близок, чтобы найти Брэйлин, но это не она. Волосы такие же, но на этом все. Я либо упустил ее, либо меня ввели в заблуждение. Я потратил впустую целый день в этом аэропорту. Кай все еще находится в тюрьме, Тиган и Пейсли похищены, а я позволил исчезнуть единственному человеку, который, кажется, связан со всем этим.

Я жду, пока самолет не взлетит в надежде, что Брэйлин все-таки окажется в толпе. Я мысленно просматриваю свой день, анализирую каждое слово, которое сказала мне официантка, и разбираю каждое свое действие в поисках ответа. Самолет движется к взлету, и тишина в зале аэропорта становится подавляющей. Я думаю над своим следующим шагом. Я не могу пойти домой. Мне нужно продолжать двигаться. Крики Тиган звучат в моей голове, снова нарушая тишину вокруг меня. Охрана наблюдает за мной с подозрением в глазах, когда я выхожу. Уверен, что если бы я выглядел по-другому, они бы подумали, что я пропустил свой рейс, но сейчас их взгляды говорят мне, что они задаются вопросом, что я задумал. Я не смотрю на них и продолжаю свой путь из аэропорта.

Парковка практически пуста. Я пробираюсь к своей машине и думаю о том, куда мне отправиться дальше. Я сажусь на сидение машины и поворачиваю ключ в замке зажигания, не понимая, что делать, сижу в молчании, пока пытаюсь перегруппироваться. У меня нет времени на еще одну гребаную ошибку.

Мой телефон звонит в тот момент, когда холодные мурашки пробегают по моей коже, и мое внимание привлекает отражение в зеркале заднего вида. Цвет, который я искал весь день.

Рыжий.

Я вижу рыжие волосы, ухмылку и металл, направленный на переднее сиденье. Брэйлин сидит позади меня с дерзкой усмешкой на лице и пистолетом, нацеленным на мою спину. Я провел весь день в поисках ее, а она в моей машине с оружием в руках. Я осторожно тянусь под кресло за своим пистолетом, телефон прекращает звонить.

— Ты действительно думаешь, что я первым делом не обыскала машину? Я нашла пистолет, что под сидением, у меня также тот, который я нашла в бардачке.

Ее белые зубы сверкают в усмешке, она явно довольна собой. Я в отчаянии сжимаю руль. Единственный положительный момент, который я вижу, это то, что, по крайней мере, Брэйлин уже не на полпути отсюда. Может быть, она направила на меня пистолет, но приятно знать, что единственная часть головоломки, которая у меня есть, сидит в нескольких шагах от меня. Я должен думать, что будет нетрудно либо перехитрить, либо справиться с ней, но если последние пару месяцев меня чему-то научили, так это то, что не стоит недооценивать кого-либо.

Стоит за всем этим Брэйлин или нет, она зашла так далеко со своими выходками, что я не могу поверить, что она не является угрозой. Пистолет, направленный на меня, является доказательством сам по себе.

— Где Тиган?

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть ей прямо в лицо, а не через крошечное зеркало.

Я стараюсь двигаться медленно, чтобы она не воспринимала движение как угрозу. Ее рука крепче сжимает пистолет, и она слегка поднимает его. Я перевожу взгляд с пистолета на нее. Ее глаза наполняются волнением. Она на мгновение теряет власть.

Неловкая тишина наполняет машину. Брэйлин не отвечает, и я смотрю на удовлетворение в глубине ее глаз. Интересно, она на самом деле социопат? Очевидно, я не знаю всей истории, но что могло быть причиной того, что она хотела причинить вред всем нам, особенно Тиган или Пейсли? Подобное дерьмо обычно случается, когда есть что-то глубокое. Брэйлин была шлюхой, которой Кай платил за то, чтобы повеселиться. Это ее история с любым из нас, кроме Пейсли, и я до сих пор не знаю, как она вписывается в это. Наконец она говорит.

— Ты боишься за Тиган? Правильно. Потому что ты должен. В последний раз, когда я ее видела, ее оставили в комнате с одним настоящим извращенцем в качестве охранника.

Меня заполняет дрожь и ярость от ее слов. Одна ее рука оставляет пистолет, она медленно поглаживает внутреннюю часть своей ноги от колена до самой линии трусиков, которую обнажает под своей короткой юбкой. Ее пальцы играют с областью между ее ногами по шелковистому нижнему белью. Я смотрю на ее самодовольное лицо, не желая играть в ее игры, в то время как она продолжает.

— Я бы не позволила этому человеку быть рядом со мной за любую сумму денег, а я зарабатываю лежа на спине, изображая стоны, как порнозвезда.

Ее улыбка искривляется в зловещей усмешке, и теперь я уверен, что она действительно социопат. Эта глупая сука рассказывает о том, что может или не может происходить с Тиган.

— Ты тупая шлюха! Закончи это театрализованное шоу, либо застрели меня, либо, бл*дь, переходи к сути. Какой у тебя план? Где, черт возьми, Пейсли? Когда ты решила, что сосать члены уже недостаточно, и придумала поиметь меня и мою семью? Как насчет того, чтобы дать мне несколько чертовых ответов, потому что я дьявольски устал от всех этих загадок!

Ее пальцы все еще лежат на черном кружевном дерьме, которое она носит, и затем она возвращает руку к пистолету. Наклоняясь ближе, Брэйлин движется, пока оружие не упирается в мой висок.

— Когда ты поймешь, что тебе не победить? Не ты здесь главный. Ты легко попадал в каждую расставленную нами ловушку.

Она прижимает ствол пистолета к моей щеке. Я использую всю свою волю, чтобы сдерживать свою реакцию. Мои руки жаждут задушить ее. Пистолет у моего лица мешает мне двигаться.

— Как думаешь, я бы так небрежно сказала той официантке, куда я направляюсь? Нет. Это была еще одна головоломка, которую твой тупой альфа-мозг не смог разгадать. Ты должен был найти меня. Ты играл мне на руку каждый раз.

Она смеется, наслаждаясь возможностью ткнуть меня носом в каждую неудачу. Ее тон становится снисходительным, когда она продолжает рассказывать мне все это.

— Это немного грустно на самом деле, как легко все это было. Ты думаешь, что был один сегодня? Что никто не следил за тобой? Ты не можешь причинить мне боль, потому что я тебе нужна. Я — твоя единственная подсказка о том, что происходит. Твоя сестра пропала, а твой лучший друг в тюрьме за ее исчезновение. Как насчет Пейсли... ты сегодня с ней разговаривал? Вероятно, нет. Ты не можешь причинить мне боль, и мы оба это знаем.

Я смотрю перед собой, пока она говорит. Я не хочу смотреть, как эта тупая сука злорадует о своих злодеяниях. По какой-то причине она хочет, чтобы я полностью сосредоточился на ней, потому что свободной рукой она притягивает мое лицо к себе, прижимая пальцы к моему подбородку.

— Я не должна была быть здесь с тобой сегодня. Кто-то другой должен был быть на моем месте, но я хотела этого сама. Ничего из этого не касается тебя, меня или даже

Пейсли. На кону нечто гораздо большее, и тебе не нужны детали. Для тебя все закончится сегодня, и это все, что тебе нужно знать. Так что заткнись и веди машину. Что бы ни случилось с твоей сестрой, Каем или кем-то еще, это не будет иметь большого значения, потому что ты умрешь до того, как взойдет солнце.

Берк

Пальм, заполнивших город, становится все меньше и меньше, пока они совсем не исчезают, когда мы выезжаем на автомагистраль между штатами. В автомобиле тихо, я слышу только гул двигателя и шум шин на асфальте. Брэйлин сидит на заднем сиденье, одной рукой возится с телефоном, другая с пистолетом направлена на меня. Интересно, кому она пишет? Своему сообщнику? Или отчитывается перед боссом? Я пробую другую тактику, хоть она и оставляет кислый привкус во рту. Мне нужно знать, говорит ли она правду. Я смягчаю свой тон.

— Что будет с Тиган? Пожалуйста... Я должен знать.

При звуке моего голоса Брэйлин отрывает взгляд от своего телефона, но не сразу отвечает на мой вопрос. Она, кажется, тщательно обдумывает свои ответы, прежде чем говорить, что заставляет меня поверить, что она на самом деле не главная здесь. Она на кого-то работает.

— Судьба Тиган решена. Ее планировали пытать и убить. Она, вероятно, уже мертва. Я не отвечаю за Тиган, так что, кто знает? Моя последняя цель — это ты, а потом я смываюсь.

Она произносит все это скучающим голосом, но я вижу по ее лицу, что она получает удовольствие, рассказывая мне эту новость. Пейсли не может быть такой же хладнокровной, как эта женщина, что я этого не заметил. Моя кровь закипает. Мне нужно взять под контроль эту ситуацию. В машине снова становится тихо, Брэйлин снова возвращается к своему телефону. Я должен отобрать у нее оружие. Наша машина — единственная, и в любом случае, поскольку я уже покойник, легко решить, что я собираюсь делать.

Я резко дергаю руль влево, одновременно нажимая на тормоз. Я отпускаю руль, голова Брэйлин ударяется о кресло, и я тянусь назад, не отрывая взгляда от пистолета в ее руке. Она борется со мной, но мне удастся схватить ее за запястье и отвернуть дуло от себя. Я хватаю пистолет обеими руками.

Брэйлин пронзительно кричит и отбивается свободной рукой. Она попадает мне по лицу, рукам, груди. Звучит выстрел, я чувствую отдачу, и она позволяет мне перехватить пистолет из ее рук. К этому времени машина полностью останавливается. Тяжелое дыхание наполняет машину, я направляю пистолет на Брэйлин. Она напоминает мне животное в клетке. Колесики неистово крутятся в ее голове, когда я приказываю ей поднять руки. В этой машине больше одного пистолета, и мне нужно убедиться, что она не дотянется ни до одного из них.

— Выйди из машины.

Она неохотно следует указаниям.

— На землю и положи руки за спину.

На ее лице отражается такое унижение, как будто мое требование не соответствует ситуации, в которой мы находимся. Женщина, которая держала меня под дулом пистолета и говорила, что моя сестра может быть мертва, думает, что это абсурд, что я приказал ей лечь на землю. Если бы она не была мне нужна, тогда мои указания были бы намного хуже, чем «лечь на землю».

— Я не лягу на землю. Ты спятил.

Она скрещивает руки на груди. Брэйлин испытывает мое терпение, думая, что имеет право голоса в этой ситуации. Она манипулирующая сучка, и я только скользнул по поверхности айсберга того, что происходит. Я иду к ней, ясно показывая, что не шучу. С моей помощью она легко падает на землю, когда я толкаю ее за плечо. Даже с пистолетом, направленным на нее, она все еще играет. Она либо думает, что неприкасаема, либо просто бредит.

— Где твой телефон?

Она молчит, поэтому я обыскиваю ее. Ничего нет. Должно быть, она уронила его, когда я отпустил руль. Держа пистолет нацеленным на нее, я залезаю в багажник. Я связываю руки у нее за спиной. Она все время скулит и жалуется, говоря мне, что я причиняю ей боль и что веревка слишком тугая. Я иду обыскивать салон машины. У меня не занимает много времени найти два других пистолета и перепроверить, что еще там могла спрятать Брэйлин. Я нахожу ее телефон под передним сиденьем. Я возвращаю лишние пистолеты в коробку под сиденьем и проверяю, заряжено ли оружие в моей руке. Поставив его на машину, я поворачиваюсь к Брэйлин, готовый проверить, что могу найти в ее телефоне. Она ворчит и ругается, и в первый раз я чувствую, что, наконец, я вернул контроль. Я получил это преимущество по чистой глупости и удаче, но, по крайней мере, я больше не сижу в машине с пистолетом за спиной.

Я рассматриваю содержимое телефона Брэйлин. В основном там пусто. Ее почтовый ящик пуст. Ее электронная почта не связана с ее телефоном. Практически нет приложений. Единственное, что есть в ее телефоне, — это пара селфи, которые демонстрируют, насколько она тщеславна, когда дело доходит до ее внешности. Брэйлин смеется с полным ртом грязи, прежде чем сказать мне то, что я уже знаю.

— Ты ничего не найдешь там. Я не тупая. Я сразу все удаляю в своем телефоне, прежде чем снова его заблокировать.

Я игнорирую ее насмешки и двигаюсь, чтобы вернуть Брэйлин в машину. Ее голова качается взад и вперед, и я думаю, что она впервые осознает, в каком положении она находится. Эта уверенная в себе бравада всего за несколько минут до этого, кажется, давно ушла. Мой телефон звонит в кармане, когда я изо всех сил пытаюсь посадить ее на пассажирское сиденье. Стук ее головы о машину, вызывает у меня легкое чувство удовлетворения. Вибрация и шум из моего кармана заканчиваются и снова начинаются, когда я пристегиваю ремень безопасности Брэйлин. Ремень безопасности — это не предосторожность, а дополнительное средство сдерживания.

Подбегая к водительской дверце машины, я достаю телефон из кармана и вижу два пропущенных звонка от Кая, прежде чем он снова начинает звонить. Я отвечаю, как только падаю на сиденье.

— Ты вышел?

Нет времени на шутки. Я связал Брэйлин, и мне нужно, чтобы она отвезла меня к Тиган.

— Да, твой адвокат вытащил меня. Он сказал, что пытался дозвониться, но ответа не было. Где ты? Что происходит?

— Нет времени объяснять. Езжай на север по 75. Я постараюсь дать тебе лучший ориентир, когда он у меня будет.

— Не беспокойся. Я отслежу тебя по местоположению телефона. Держи его заряженным и включенным, и я смогу узнать, где ты.

Чертов гений. Вот почему он нужен мне на свободе. Со связанной сукой, пистолетом

в моем распоряжении и поддержкой в пути, я чувствую себя намного лучше в этой ситуации.

— Куда мы направляемся, Брэйлин?

— Мы никуда не поедem, пока ты не развяжешь меня!

Я поднимаю пистолет, и ее дикие движения несколько успокаиваются. Я прикладываю холодный металл к ее губам и толкаю, пока они не открываются. Я засовываю дуло пистолета ей в рот, насколько это возможно, без особой силы.

— Ты чертова шлюха! Привыкла заполнять эту дыру за деньги. Это дает тебе почувствовать силу? Чувствуешь свой контроль, когда мужчины используют эту чертову дыру? Как насчет сейчас? Вкус холодного металла у тебя во рту отвлекает тебя? Ты будешь сотрудничать, или я найду для тебя судьбу хуже смерти. Черт возьми, скажи мне, куда мы направлялись, прежде чем я остановил машину.

Чтобы доказать свою точку зрения, я чуть сильнее засовываю пистолет ей в рот, прежде чем достать его. Она несколько раз поворачивает челюсть, прежде чем ответить, глядя на пистолет, который я до сих пор держу направленным на нее. Причинение ей боли не беспокоит меня. Брэйлин перестала быть для меня человеком, как только я точно узнал, что она замешана во всем этом.

— Заброшенная ферма в пятнадцати минутах отсюда.

— А что там?

— Это место, где я была уверена, что смогу застрелить тебя, чтобы люди не слышали выстрелы, и не беспокоилась о том, что кто-то найдет тело.

— А где Тиган?

— Там же.

— Говори, где это.

Надеюсь, еще не слишком поздно, и надеюсь, что Кай не слишком далеко. Я понятия не имею, во что я влезаю или кто там будет. Брэйлин связана, но на этой ферме может быть гораздо больше людей.

Мы уже в пути, и Брэйлин недовольно бормочет указания с пассажирского сиденья. Это мое единственное руководство, и я полностью осознаю, что могу попасть в самую большую ловушку из всех. Голос в моей голове кричит, что это плохая идея, умоляет найти лучшую стратегию, но я не могу. Я должен спасти Тиган.

По моим подсчетам, мы должны находиться всего в десяти минутах от места, и мысль о том, чтобы найти совершенно другую Пейсли, когда я приеду, заполняет мою голову. Мысль о том, что она связана со всем этим, посылает из моего сердца удар в живот. Мысль о необходимости решить, что с ней делать потом, — это то, о чем я даже не могу думать.

— Как Пейсли связана со всем этим?

Слова срываются с моих губ, и я сразу же жалею о них. Я не знаю, возможно потому, что я хочу оставаться в неведении в течение того времени, которое у меня осталось, или потому, что я не могу доверять всему, что говорит мне Брэйлин.

Ее смех отдает чистым злом в салоне автомобиля. Мне не понравится то, что она скажет. Я не могу проверить правдивость ее слов, но также я не могу придумать какие-либо причины, чтобы она врала в этой ситуации. В конце концов, я пойму это независимо от того, что она скажет.

— Она была замешана в этом с самого начала. Она была нашими глазами изнутри. Наш специальный маленький двойной агент.

Брэйлин все еще получает удовольствие от каждого удара, который наносит мне каждой каплей новостей. Я стараюсь не выдавать слишком много в моей реакции, потому что не хочу, чтобы она знала, что ее слова похожи на плотно сжатый кулак вокруг моего сердца. Я сохраняю спокойствие, разрываясь между желанием, чтобы она молчала или выдала больше информации.

— О, ты думаешь, она любит тебя? Могучий Берк Хенсли запал на мошенницу с

улиц? Ты был средством для достижения цели, Берк, и ей заплатили щедро. Еще больше она получит, когда ты умрешь. Думаю, она больше не может сказать, что не трахается за деньги. Ты был не тем, кто платил ей, чтобы она каталась на твоём члене, но она точно получала большую зарплату за то, что тебя трахала.

Ее хихиканье раздражает мои уши, и я теряю контроль.

— Ты чертова лживая сука! Она не настолько хорошая актриса!

Слова Брэйлин ранили ту часть меня, которая была так уверена в Пейсли. Брэйлин поворачивается, чтобы лучше видеть меня. Я не уверен, снисходительная ухмылка на ее лице помогает моей вере или недоверию к ее словам.

— Что? Она позволила тебе обнять ее после одного из ее кошмаров? Она заставила тебя раскрыться, пока ты татуировал ее кожу? Ты идиот, Берк. У нее нет ночных кошмаров, у нее их никогда не было, но ты влюбился в девушку в беде и заглотил наживку. У нас никогда не было ссор! Это был фарс, чтобы сблизить тебя и дать ей круглосуточный доступ к каждому твоему шагу, чтобы помочь нам всегда быть на два шага впереди тебя.

Ни за что. Брэйлин — лживая сука. Нет, это неправда. Она пытается обмануть меня. Я не могу поверить, что Пейсли такая.

— Цветы, которые ты вытатуировал на ее коже? Жертва и знак ее самой большой цели. Ты когда-нибудь слышал о тех серийных убийцах, которые хранят сувениры от своих жертв? Татуировка. Твоя работа является постоянным напоминанием о нашей самой большой афере на сегодняшний день, нашей самой большой победе. Это наша самая большая игра с высшей наградой.

Я вижу злобу в глазах Брэйлин. Ее губы изгибаются в насмешке. Она кажется немного сумасшедшей, когда ее едкие слова проникают в подсознание моего разума.

— Ты всего лишь был средством для нее, Берк. Ничего более. Тебя, как любого другого, одурачили дешевыми трюками и хорошей киской. Ошеломленный жадой девушки, которая играла с тобой. Спроси себя, откуда я знаю про вещи, которые произошли между вами двумя. Потому что она отчитывалась передо мной, и мы смеялись над тобой.

Ее ядовитые слова попали в больное место. Требуется вся моя сдержанность, чтобы не заставить ее замолкнуть навсегда.

— Довольно! Заткнись и не произноси ни одного гребаного слова, если это не указания о том месте, где находится моя сестра.

Мы едем дальше, и я чувствую по дискомфорту Брэйлин, что мы недалеко. С каждой секундой ее поза становится более напряженной. Она пытается выбраться из веревок. Я не волнуюсь, потому что не похоже, чтобы она добилась большого успеха. Ее телефон звонит, и оба наших взгляда обращаются к входящему сообщению, который освещает экран. Я дотягиваюсь до него, и Брэйлин сильнее сопротивляется. Текст от контактного лица Соннелиона гласит: «Напиши мне, когда работа будет сделана». Я не комментирую то, что нахожу, и помещаю телефон обратно в подстаканник.

Почувствовав свое поражение и, вероятно, обеспокоившись тем, что я увидел, Брэйлин снова начинает говорить впервые после моей вспышки гнева.

— Я могу что-то сделать? Разве мы не можем прийти к какому-то соглашению? Ты же видел, как я хороша со своим ртом. Я могла бы заставить тебя чувствовать себя хорошо, действительно хорошо.

— Что случилось с твоим извращенным мозгом? Неужели для тебя все так просто? Всунуть член в рот? Моя сестра пропала, и ты думаешь, я забуду об этом, если ты пососешь мой член? Как ты и...

Мои слова замолкают, когда я понимаю, что собирался сказать.

— Я и Пейсли? Как она могла считать меня сестрой? Как мы выросли в одном доме? Мы уже прошли это. Пейсли и я — одно и то же. Черт возьми, забудь про сказку в твоей голове. Ты не представляешь, как я выросла или как росла. Так что, бл*дь, не суди меня. Сверни на следующем повороте и увидишь сам.

Берк

Через несколько минут мы выезжаем на длинную грунтовую дорогу, высокие деревья создают навес, сквозь который не видно ночное небо. Мы трясемся в машине каждый раз, когда шины попадают в яму на дороге или в кучу грязи. Не такое тихое появление, на которое я надеялся.

Темно, над крыльцом не зажжен свет. Это значительно усложняет продвижение по дороге. Я настороже, и темнота ночи не успокаивает мои нервы. Я не знаю, где искать. Моя голова поворачивается, я пытаюсь осмотреть место со всех сторон одновременно. Я держу пистолет нацеленным на Брэйлин и медленно еду, стараясь справиться с необходимостью как можно быстрее добраться до Тиган. Я армия из одного человека и держу пари, что они ждут, что Брэйлин придет.

Сельский дом появляется в поле зрения, и я, наконец, вижу единственный свет. В этом заброшенном доме, вероятно, нет электричества, поэтому, скорее всего, это какой-то фонарь или свечи.

Я съезжаю на обочину и выключаю зажигание, прежде чем повернуться к Брэйлин. Она, кажется, еще больше нервничает, и это начинает меня беспокоить. Я делаю еще одну попытку достучаться до Брэйлин.

— Возможно, глупый вопрос, но, поскольку ты уже в этом положении, не хочешь поделиться, что может ожидать меня там?

Впервые на ее лице появляется то, что кажется человеческими эмоциями, когда она отвечает.

— Я, честно говоря, понятия не имею.

Она быстро пожимает плечами, и любые признаки человечности покидают ее тело, когда слова умирают на ее языке.

Я поднимаю ее телефон обратно из подстаканника и открываю последнее полученное сообщение, несомненно, от человека, который стоит за всеми моими неприятностями. Я отправляю простое сообщение обратно, набрав: «Работа выполнена», прежде чем нажать «Отправить». Речь идет о времени, кто бы это ни получил, получает некоторую вводную в заблуждение информацию. Я снимаю переписку на свой телефон и отправляю снимки Каю.

Я делаю длинный выдох, прежде чем выйти из машины. Кусты и деревья окружают территорию, и из того, что я увидел на дороге, вокруг ничего нет. Это глухая Флорида, которая ничего не знает о туристах и дорожном движении. Никто не приедет сюда на солнечный пляжный отдых. На грунтовой дороге, по которой мы въехали, даже нет дорожного знака. Старый сарай стоит в стороне, но видно, что прошло много времени с тех пор, как в нем обитали какие-либо животные.

Сельскохозяйственные угодья тянутся вокруг зданий, и я предполагаю, что раньше они были заполнены. Это не что иное, как сухая, заросшая трава и мертвые деревья. Запах грязи, дерева и обильного навоза наполняет мое обоняние.

Я оставляю Брэйлин в машине по понятным причинам. Однако она может быть

полезна в качестве разменной монеты или живого щита, но я чувствую, что она, вероятно, не стоит многого, кто бы ни руководил шоу. Она занимается этим ради денег, кого бы я там не встретил, вряд ли он будет заботиться о ее судьбе. Итак, она остается в машине.

Когда я подхожу к дому, входная дверь распахивается, и кто-то вылетает из нее. Человек один, маленького роста. Я быстро понимаю, что это девушка, когда она выбегает из дома. Сначала я надеюсь, что это Тиган, но быстро узнаю, что мне не так повезло. Я замечаю ноги, которые обвивались вокруг меня, и длинные волосы, которые пахнут ванилью. Пейсли. В одной руке она держит фонарь, а в другой — какой-то кувшин.

Я достаю пистолет и нацеливаю его в ее направлении. Что она делает? Кажется, ее взгляд сосредоточен на земле. Я подхожу ближе так тихо, как могу, и продолжаю уверенно двигаться вперед. Когда я подхожу достаточно близко, чтобы увидеть, что у нее в руках, меня осеняет, что она собирается делать. Она собирается сжечь это чертово место.

Тиган внутри, а девушка, которую я люблю, собирается сжечь это место. В первый раз, увидев Пейсли, я поймал ее взгляд на многолюдной вечеринке, на которой я не хотел даже быть, в своем собственном доме. Что бы я тогда о ней не думал, я знал, что тогда никогда не видел девушку, более красивую, чем она, за всю свою жизнь. Что сказала Брэйлин? Введен в заблуждение киской и дешевыми хитростями. Я никогда не думал, что мы окажемся здесь. Я думал, что она шлюха, которая ищет своего следующего клиента. Оказывается, она искала свою следующую жертву, и она нашла ее в моем лице. Она убедила меня, что была не той, о ком я думал, своим мужеством и умом. Она обманула меня, чтобы я открыл ей свой мир так, как я никогда раньше не думал, что смогу. Оказывается, она была хуже, чем я когда-либо думал, когда я увидел ее там с Брэйлин в моей гостиной. Я думал, что она была проституткой, жаждущей легких денег, но она мошенница, которой все равно, кому она причиняет боль, пока она получает то, что хочет. Так же, как Брэйлин.

Я, может быть, всего в десяти футах позади нее, но она все еще не заметила меня. Ее внимание к поставленной задаче сработало в мою пользу. Она должна быть здесь одна, если собирается сжечь это место. То есть Пейсли была единственной, кто помогал держать мою сестру взаперти.

Я не верю, что она сделает это. Пейсли не просто проводила время со мной, она подружилась с Каем и Тиган. Эти две девчонки провели бесчисленное количество часов в комнате Тиган, занимаясь черт знает чем. Их смех и в хорошие времена можно было услышать по всему дому, когда они проводили время вместе. Это была еще одна вещь, которую я любил в Пейсли. Мне нравилось, как хорошо она вписывается в отношения с Каем и Тиган и как им обоим она тоже нравилась.

Пейсли могла бы сделать карьеру в Голливуде, потому что ее игра была эпической. Она могла бы захватить любую аудиторию на больших экранах по всему миру, если бы она не была так занята тем, чтобы портить мне жизнь. Я держу ее на прицеле, но даже после всего, что она сделала, я не уверен, что смогу застрелить ее, не поговорив с ней в первую очередь. Кого я обманываю? Я не уверен, что смогу застрелить ее вообще.

Мне нужно услышать, как она скажет мне, что все это значит. Мне нужно услышать слова из ее уст. Однако остается один факт: я не могу позволить ей поджечь это место, не с Тиган внутри. Будет сложно вытащить ее из горящего дома, поэтому мне, возможно, придется отрастить пару чертовых яиц и застрелить Пейсли.

— Не делай этого, Пейсли.

Ее голова поворачивается, когда мой голос ломается от ее имени. Такого не было с двенадцати лет. Эта девушка сломает меня... возможно, она уже это сделала. Никогда не думал, что буду смотреть сквозь прицел на эти идеально розовые губы. Ну, я никогда раньше не думал, что прицелюсь в нее. Именно она поставила нас в такое положение, но это не облегчает ситуацию. Ее губы раздвигаются, и это напоминает мне о том, как выглядит ее лицо перед оргазмом. У меня бардак в голове. Это очевидно, так как я думаю

о том, как она выглядит во время секса, в то время как целюсь в нее, а она собирается убить мою сестру. Может ли это быть моей жизнью?

Ее глаза полны призраков, когда она смотрит на меня. Она не проявляет угрызений совести и ничего не говорит. Той ночью на кухне я думал, что она пошутила, сказав что «она добралась до меня», когда я спросил ее, как она оказалась с Тиган. Она сказала мне, что у нее есть продуманный план, чтобы убить меня. Может быть, она была более честна со мной, чем я думал? Может быть, она сказала мне точно, каковы ее намерения?

Мы оба отвлеклись на примчавшуюся на большой скорости машину. По выхлопу я могу сказать, что это Кай, даже не глядя. Его GPS и маниакальные тенденции вождения привели его сюда быстро. Она смотрит через мое плечо, и ее глаза расширяются. Она чувствует себя в меньшинстве. Почему это действительно беспокоит ее, я не уверен: потому что и в одиночку я мог бы легко одолеть ее, и у меня есть пистолет, нацеленный на ее грудь.

Шаги Кая направляются в нашу сторону, когда он произносит несколько проклятий, увидев сцену, к которой прибыл. Кай не говорит и не просит информации. Вне всякого сомнения, он рядом со мной, со своим пистолетом, следуя за мной. Оба наших оружия нацелены на девушку, которой мы доверяли. Ее руки дрожат, когда она сжимает фонарь, который держит высоко в воздухе. Ее глаза перескакивают взад-вперед между моим другом и мной. Ночь так тиха, что я слышу треск фонаря, который она держит, пока тишина не нарушается громким стуком изнутри дома. Я удивлен, что изношенная рама не дрожит от силы, исходящей от этих ударов. Это Тиган пытается выбраться?

Пейсли подпрыгивает и поворачивается к шуму. Спинной к нам, она поднимает фонарь выше и делает несколько шагов назад. Она оглядывается взад и вперед между нами и домом, а затем без предупреждения бросает фонарь, вызывая огненный след, направленный прямо к зданию.

Огонь вспыхивает мгновенно. Пламя так горячо, оранжевые всполохи закручиваются в синие. Я поражен, что она действительно сделала это. Она зажгла это чертово место с моей сестрой внутри.

Я взлетаю в сторону хаоса, и Пейсли отшатывается от меня. У меня нет времени иметь с ней дело, когда у меня гораздо более серьезная проблема. Не нарушая темпа, я кричу Каю:

— Хватай ее, но не убивай без необходимости.

Я направляюсь прямо к огню, достигшему старой фермы.

Ничто не мешает мне справиться с поставленной задачей, и только краем уха я слышу полицейские сирены. Шум проникает в мое подсознание, и какая-то часть меня осознает, что мы уже не одни. Я не уверен, хорошо это или плохо. Уровень шума этих сирен говорит мне, что здесь будет много чертовых копов, и они действительно близко. Прибытие полицейских не помешает мне войти в это горящее здание. Кто знает, смогли бы они достать Тиган вовремя, но я не останавлиюсь, пока не найду ее.

Голос в усилителе звучит четко, громко и требовательно. Он призывает к вниманию и порядку. Я узнаю в нем того, кто руководил арестом Кая. Этот ублюдок не мог оставить нас в покое.

— Все на землю!

Ни за что, приятель. Я оглядываюсь назад, прежде чем подойти к дому, и вижу, как Кай решает проблему с Пейсли. Я слышу ее крик. Они на земле, как им было приказано. Позади них полицейские машины стоят вдоль пыльной дороги, и десятки офицеров стоят, используя свои двери в качестве щитов, с нацеленным оружием. Все нацелены на меня, так как я единственный, кто все еще в движении.

Для меня совершенно очевидно, что это выглядит плохо для нас, что на самом деле является самым большим преуменьшением в моей жизни. Брэйлин связана на моем переднем сиденье. Кай сбил девушку с ног, когда прибыли полицейские, и обе девушки без оружия. Мы в три раза больше их по размеру, и у нас оружие в заброшенной части

какого-то глухого городка, куда направила меня Брэйлин. Также нет никого больше, кто был бы вовлечен в эту грязную схему здесь. С точки зрения полицейского, похоже, что их подозреваемый в преступлении без вести пропавшего заполучил еще пару жертв и нуждался в помощи своего лучшего друга. Надеюсь, что Тиган сможет пролить немного света на то, что на самом деле происходит, когда она передаст свою часть истории закону. Если она здесь, и она в безопасности, то она сможет сказать им, что Кай не тот человек, который сделал это с ней.

Тогда я это слышу. Мое имя. Она жива. Ее голос напряженный и усталый, но ясно, что это она. Меня зовет Тиган, и я захожу в дом, который горит в огне.

Продолжение следует...